

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

**МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия

Юриспруденция

**СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

**НОВЕЛЛЫ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ США**

**ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В РОССИИ И ГЕРМАНИИ:
РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

**КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ СОВРЕМЕННОГО
КОСМИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА)**

2018/ № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2018 / № 4

ISSN 2310-6794 (online)

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по юридическим наукам (12.00.00).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Juridical Sciences (12.00.00).

ISSN 2072-8557 (print)

2018 / № 4

ISSN 2310-6794 (online)

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»

Ответственный редактор серии:

Певцова Е.А. — д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования, проректор по научной работе МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Полянский П.Л. — д. ю. н., доц., МГУ им. М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Елисеева А.А. — к. ю. н., доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, адвокат Московской коллегии адвокатов

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С.А. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, МГУ им. М.В. Ломоносова;

Агнес Кристиан Шавес Фария Александровна Дыбова — PhD, проф., Папский католический университет (Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Антонян Ю.М. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю.Г. — д. ю. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Гладких В.И. — д. ю. н., проф., заслуженный деятель науки и образования РАЕ, заслуженный юрист РФ, эксперт РАН, консультант Федерального Собрания РФ, МГУ им. М.В. Ломоносова;

Глотов С.А. — д. ю. н., проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А.В. — д. ю. н., проф., МГИМО (У) МИД России;

Коновалова И.А. — к. ю. н., доц., заведующая кафедрой уголовного права МГОУ;

Марченко М.Н. — д. ю. н., проф., почётный президент Ассоциации юридических вузов России, заслуженный деятель науки РФ, МГУ им. М.В. Ломоносова;

Микаэла Моравчикова — PhD, директор института юридического факультета, Трнавский университет (Трнава, Словакия);

Рассолов И.М. — д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рахманова Е.Н. — д. ю. н., проф., заслуженный работник юстиции, Северо-западный филиал Российской академии правосудия (г. С.-Петербург);

Ручкина Г.Ф. — д. ю. н., проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Савченко М.С. — д. ю. н., проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В.М. — к. ю. н., доц., полковник юстиции, Псковский государственный университет;

Сафонов В.Е. — д. ю. н., проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Черкасов К.В. — д. ю. н., проф., Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Хатчинсон Самуэль Кристоф — PhD, проф., Университет Сорбонны (Франция);

Химмельрайх Антье — PhD, Университет Регенсбурга (Германия)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 4. — 184 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40735

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Series editorial board
«Jurisprudence»

Editor-in-chief:

E.A. Pevtsova – Doctor of Juridical sciences, Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, MRSU

Deputy editor-in-chief:

P.L. Polyanskiy – Doctor of Juridical sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

A.A. Eliseeva – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Members of Editorial Board:

S.A. Avakyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Agnes Christian Chavez Faria Dybova – PhD, Professor, Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil)

Yu.M. Antonyan – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

Yu.G. Arzamasov – Doctor of Juridical sciences, Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)

V.I. Gladikh – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

S.A. Glotov – Doctor of Juridical sciences, Professor, International Law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation

A.V. Grinenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, MRSU

I.A. Konovalova – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, MRSU

M.N. Marchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Mikaela Moravchikova – PhD, Professor, Trnava University in Trnava (Slovak Republic)

I.M. Rassolov – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E.N. Rakhmanova – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg)

G.F. Ruchkina – Doctor of Juridical sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

M.S. Savchenko – Doctor of Juridical sciences, Professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar)

V.M. Sapogov – PhD in Juridical sciences, Associate Professor, Pskov State University

V.E. Safonov – Doctor of Juridical sciences, Professor, The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice» (Moscow)

K.V. Cherkasov – PhD in Juridical sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch: Nizhny Novgorod Institute of Management)

Hutchinson Samuel Christophe – PhD, Professor, University of the Sorbonne (France)

Himmelreich Antje – PhD, Professor, Regensburg University (Germany)

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2018. – № 4. – 184 p.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73343.

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

© MRSU, 2018.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2018.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	8
----------------------	---

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Армбрюстер К.</i> НЕПРЕРЫВНОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ В ПРАВЕ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА)	9
<i>Лезьер В.</i> КОЛЛИЗИИ ПРАВА И МОРАЛИ В ЗАПАДНОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ	25
<i>Мельников А.Г.</i> КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ СОВРЕМЕННОГО КОСМИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА)	37
<i>Никитин А.В., Филиппов В.А., Морозова А.Д.</i> РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ ПАРТИЕЙ МОЖЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ БЕЗ ДОЛЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВОВОЙ БАЗЕ: ОПЫТ СССР В 1953–1963 ГГ.	49
<i>Салаев Н.С.</i> К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ	57

РАЗДЕЛ II.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Какителашвили М.М.</i> ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЧАСТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ	70
<i>Колесников Е.В., Плотникова И.Н., Старшова У.А.</i> СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	91
<i>Ходусов А.А.</i> К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	114
<i>Шидловский А.В.</i> НОВЕЛЛЫ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ США	126

РАЗДЕЛ III.**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

<i>Жабский В.А., Жилкин М.Г.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	134
--	-----

РАЗДЕЛ IV.**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

<i>Ахмедханова С.Т., Ахмедханова С.Т., Кахбулаева Э.Х.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	144
<i>Гринько С.Д.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	153
<i>Дубровина Е.С.</i> ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ТЕНДЕНЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	161
<i>Зигмунт О.А.</i> ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ	173

CONTENTS

EDITORIAL COLUMN.....	8
-----------------------	---

SECTION I.

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>K. Armbruster.</i> CONTINUITY AND CHANGES IN MEGATENDENCIES IN LAW (THEORETICAL AND LEGAL RESEARCH INTO LABOR LAW NORMS).....	9
<i>V. Lezier.</i> CONFLICTS OF LAW AND MORALITY IN WESTERN PHILOSOPHICAL TRADITION AND MODERN CRIMINAL JUSTICE	25
<i>A. Melnikov.</i> CONFLICTS AND GAPS IN MODERN SPACE LEGISLATION (PRACTICAL ISSUES OF MODERN SPACE LAW).....	37
<i>A. Nikitin, V. Philippov, A. Morozova.</i> THE REFORM OF PARTY MANAGEMENT CAN BE CARRIED OUT WITHOUT CHANGES IN LEGAL FRAMEWORK: THE USSR EXPERIENCE IN 1953–1963	49
<i>N. Salayev.</i> TO THE ISSUE OF THE IMPACT OF HISTORICAL-PHILOSOPHICAL AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS ON THE IMPLEMENTATION OF THE TASKS OF THE STATE PENITENTIARY POLICY.....	57

SECTION II.

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>M. Kakitelashvili.</i> THE ISSUES OF PUBLIC AND PRIVATE FUNDING OF POLITICAL PARTIES IN THE CIS COUNTRIES	70
<i>E. Kolesnikov, I. Plotnikova, U. Starshova.</i> THE FORMATION OF SOCIAL STATE IN THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIAL, ECONOMIC AND HUMAN RIGHTS DEVELOPMENT	91
<i>A. Khodusov.</i> TOWARDS THE ISSUE OF NATURE AND PROBLEMS OF A WELFARE STATE	114
<i>A. Shidlovsky.</i> LATEST CHANGES IN THE US ELECTORAL PROCESS	126

SECTION III.

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>V. Zhabsky, M. Zhilkin.</i> SOME PROBLEMS OF CRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS IN BUSINESS	135
---	-----

SECTION IV.**CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW**

Akhmedkhanova S.T., Akhmedkhanova S.T., Kahbulayeva E.H.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF COMPUTER CRIMES144

S. Grin'ko. THE MAIN DIRECTIONS AND MEASURES

OF COUNTERACTION TO EXTREMISM IN MODERN RUSSIA.....153

E. Dubrovina. HUMANIZATION OF CRIMINAL LAW AS A TREND

OF PUBLIC DEVELOPMENT161

O. Siegmunt. JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA AND GERMANY:

THE ROLE OF THE FAMILY173

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В этом году мы отмечаем юбилей журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция». Это знаменательное событие для периодического издания совпало с годом празднования Конституции Российской Федерации, которой исполнилось 25 лет!

Для каждого юриста право и закон выступают одним из важных ориентиров в профессиональной деятельности, соблюдение которых есть надёжный гарант стабильности государства и уважения прав человека!

Редакционная коллегия журнала объединила ведущих учёных России, представляющих разные вузы страны: МГУ имени М.В. Ломоносова, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Высшую школу экономики, МГИМО МИД России, – а также вузы зарубежных стран: Германии, Франции, Словакии, Бразилии.

На страницах Вестника представлены новые достижения в области теории и истории государства и права, конституционного, уголовного, гражданского права, авторы раскрывают новые подходы в юридической науке.

В эпоху цифровой экономики журнал динамично развивается, взяв ориентиры на обсуждение наиболее актуальных и востребованных юридической практикой проблем.

Редколлегия журнала от всей души поздравляет своих авторов и читателей с наступающим Новым годом, благодарит за большую работу в уходящем юбилейном году!

Мы желаем всем творческих успехов, новых научных идей и побед, неиссякаемого вдохновения, неординарных подходов и открытий во благо России и крепкого юридического сообщества!

Ответственный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» доктор юридических наук, профессор, Певцова Елена Александровна

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 343.57

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-9-24

НЕПРЕРЫВНОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ В ПРАВЕ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА)

Армбрюстер К.

Университет Эрланген

91054, г. Нюрнберг, Эрланген, Университетская ул., д. 15, Федеративная Республика Германия

Аннотация. Главной целью исследования стало изучение вопросов развития права в современный период на примере такой отрасли, как трудовое право. Автор ставит задачи: показать существующие тенденции формирования новых юридических норм, которые, по его мнению, подвергаются воздействию разнонаправленных факторов как со стороны государства, так и со стороны общества. Основными методами исследования выступили методы анализа, синтеза, компаративистики. Автор показывает, что в настоящий период значение масштабов европеизации немецких правовых систем большей частью общества ещё не осознаётся. Унаследованная немецкая правовая традиция следует главным образом статической интерпретации, в то время как при интерпретации права в Европейском союзе многократно подчёркивается, что она должна иметь динамический характер. Автор даёт некоторые рекомендации для законодателей и правоприменителей, которые носят практический характер. На основе опыта Германии и судебной профессиональной деятельности доказываем существование взаимосвязанной “цепочки”: глобализация экономики – глобализация социальных структур – глобализация права. Автор показывает, что причины глобализации права состоят в непрерывном процессе оценивания экономики и права. В работе сделан вывод, что даже в мире жёсткой конкуренции, цифровой экономики право несёт в себе важную мегатенденцию – тенденцию духовности, которая должна найти отражение в ведущих кодифицированных законах.

Ключевые слова: право, политика, занятость, договор, работник.

CONTINUITY AND CHANGES IN MEGATENDENCIES IN LAW (THEORETICAL AND LEGAL RESEARCH INTO LABOR LAW NORMS)

K. Armbruster

University of Erlangen

15, University st., Erlangen, Nuremberg, 91054, Federal Republic of Germany

Abstract. The main goal of the research is to study the present state of law illustrated with an example of labor law. The author sets the following tasks: to show current trends in the formation of new legal standards which are affected by such multidirectional factors as state and society. The main research methods were the methods of analysis, synthesis and comparative studies. The author reveals that at present the significance of the Europeanization of the German legal system is not yet realized by the majority of the society. The German legal tradition follows mainly a static interpretation, while in dealing with the law of the European Union a dynamic interpretation is required. The author makes some practical recommendations for legislators and law enforcers. Based on the experience of Germany and judicial professional activity, the existence of an interconnected “chain” is proved: globalization of economy – globalization of social structures – globalization of law. The author argues that the roots of globalization of law are in a continuous process of evaluating economics and law. The paper concludes that even in the world of tough competition and digital economy the law has an important megatrend – the trend of spirituality, which should be reflected in the leading codified standards.

Key words: law, policy, employment, contract, employee.

Краткий обзор существующих тенденций в праве

Современное право кардинально меняется. Так, например, законодатель Германии устанавливает в трудовом праве только рамочные условия. Сводная кодификация до сих пор отсутствует, так что в области трудового права обнаруживается правовая раздробленность. Основная роль в определении финансовых условий труда всё ещё принадлежит коллективным договорам. Тарифное право представляет фиксированную константу рамочных условий. Закон об уставе предприятия разграничивает ответственность партнёра по тарифному соглашению и партнёра, работающего по договору гражданско-правового характера. Приоритету тарифа, закреплённому в §77 абз. 3 и §87 абз. 1 (закон об уста-

ве предприятия), подчиняется лишь единый законодательный концепт. В контексте вертикальной конкуренции между тарифным соглашением и соглашением об оказании возмездных услуг за работником по договору гражданско-правового характера остаются ограниченные возможности регулирования. Правовые расчётные коэффициенты в данном случае – это поля совместного принятия решений закона об уставе предприятия и статей тарифного соглашения (§77 абз. 3 закона об уставе предприятия).

В самом трудовом договоре закреплены только трудовые обязанности сотрудников. Конкретизация дополнительных услуг остаётся неурегулированной. Эти услуги определяются работодателем посредством указаний относительно вида, места и времени

получения результата труда, а не посредством других предусмотренных трудовым законодательством расчётных коэффициентов, как это предусмотрено законом, тарифным соглашением или договором с предприятием. Несмотря на наличие этих структур трудового права, можно выделить главным образом три мегатенденции в праве, которые иллюстрируются на примере трудового права:

- отход от тарифной автономии к большей автономии предприятий;
- индивидуализацию (пересмотр) условий труда;
- отход от трудового права к другим формам прав трудовой деятельности.

Тарифная автономия и автономия предприятия

Согласно опыту, достигнутому в Германии, принцип государственного вмешательства в свободную тарифную политику не требует изменений. Тем не менее коллективные договоры, действующие в конкретных территориальных образованиях, всё чаще ставятся под сомнение. Ранее рассматриваемые как гарантия гибкости в меняющихся экономических рамочных условиях, как гарантия закрепления минимальных условий труда для работников и гарант выполнения плана коллективных договоров, действующих в конкретных территориальных областях, теперь они всё чаще считаются негибкими при решении различных проблем на отдельных предприятиях, отстают от темпов экономического развития, препятствуют адекватному развитию партнёров, работающих по договору гражданско-правового характера и,

в конечном счёте, уничтожают в ходе беспощадной международной конкуренции рабочие места. Доминирование положений, регламентирующих основные материальные условия труда в коллективных договорах, таких как система оплаты труда и размер заработной платы, объём еженедельного рабочего времени и длительность отпуска, признаётся всё меньше.

Для осуществления требований оперативной тарифной политики не хватает законодательного обеспечения. Причины изменения признания и привлекательности унаследованных трудовых норм недостаточно объяснимы указанием на изменение ценностей общества. Процесс преобразования, скорее всего, объясняется переходом организации общества от иерархического принципа к принципу субсидиарности. Это является одновременно структурной и деятельностной максимой. Принцип субсидиарности имеет общее с иерархическим принципом: он предполагает наличие состоящей из нескольких частей структуры – политической: федеральная государственная структура; социально-политической: вертикальная иерархия расчётных коэффициентов, относящихся к области трудового права. Главное различие состоит в том, что при иерархическом принципе делегирование происходит сверху вниз, тогда как при принципе субсидиарности делегирование начинается с социальной структуры снизу. Ключевая идея принципа субсидиарности заключается в том, что децентрализованное решение имеет преимущество над централизованным решением. В качестве примера можно привести отношения Европейского союза с государствами-участниками или отношения местного производствен-

ного совета с объединённым производственным советом. Осуществляемый в значительной мере в результате экономического давления процесс реструктуризации предприятий, в ходе которого создаются более мелкие, обозримые и более самостоятельные единицы и расформируются крупные структуры, имеющие иерархию, является выражением прагматичного применения принципа субсидиарности. Трудовое право всё чаще участвует в этом процессе.

Усиливающаяся реиндивидуализация условий труда

Тарифная сетка является односторонне обязательной по сравнению с индивидуальными соглашениями. При переходе от индустриального общества к информационному сегодняшние трудовые отношения на ставку, обычные в структуре предприятия, всё чаще становятся исключением. Происходит разделение человека и машины по месту и времени. Всё чаще требуются работники, способные к планированию своего рабочего времени и обладающие трудовым суверенитетом. Информационная сеть делает возможным пространственное отделение от предприятия. Работа может быть выполнена дома. Таким образом, намечается «расслоение» структур работников. С одной стороны, на общество работников, которые обращаются к полученным знаниям и поддерживают их в актуальном состоянии, а с другой стороны, на общество обслуживающих работников, требующее низкого уровня предварительных знаний. Для последних коллективные системы защиты в тарифных сетках и коллективных договорах являются подходящими условиями труда, для

первых подходящими являются более индивидуализированные условия труда. Особенно работники, которые обладают высокой профессиональной привлекательностью на рабочем месте, всё чаще осуществляют свою деятельность на индивидуальных условиях и прекращают действовать согласно коллективным предписаниям, но всё же не отказываются полностью от них. Внешне создаётся впечатление индивидуального регулирования, но за этим стоят чёткие коллективные структуры (типовые трудовые договоры, системы оплаты труда, системы пенсионного обеспечения, предоставление служебного автомобиля и т. д.). Мы имеем дело со смешанным индивидуально-коллективным подходом. Представительный орган руководителей на предприятиях, действующих с 1988 г. на правовой основе существующих комитетов представителей руководящих работников, согласовывает с работодателями коллективные рамочные решения, специально ориентированные на группу руководящих работников как на отдельную производственно-социологическую группу. Это является основным подходом в трудовом законодательстве руководящих кадров. Данный подход представляет собой возврат к индивидуализации условий труда и всё больше распространяется на другие группы работников, которые благодаря своим знаниям обладают высокой степенью привлекательности на рынке труда.

Трудовое право и право в сфере занятости

С тех пор как в Германии существует самостоятельное трудовое право, его центральный объект – понятие «ра-

ботник” – является спорным. Гражданский кодекс законов не знает понятия работника. Если существует консенсус в определении понятия “работник”, его следует трактовать следующим образом: лицо, предоставляющее на основании договора свою рабочую силу и выполняющее работу с учётом личных обязательств. У дискуссии относительно понятия “работник” и “занятый” – «устроенный на индивидуальных условиях» – нет ни конца, ни начала. Она находится в диалектическом развитии. Структура персонала, работающего на предприятии, становится всё более неоднородной. Наряду с работниками, которые соответствуют вышесказанному определению, также принимаются на работу и другие наёмные работники, у которых есть другие работодатели, другие нанятые, которые являются фрилансерами на основе трудового договора (временная деятельность) и на основании договора подряда (деятельность, связанная с успешным её выполнением). Исключения составляют однородные структуры работников. После гражданского общества фрилансеров (предпринимателей) XIX в. и общества работников XX в. мы находимся в начале XIX в. на пороге формирования общества работающих на индивидуальных условиях. Законодатель также всё чаще исходит из общего понятия работника, трудящегося на индивидуальных условиях, выбранного законодателем среди других определений, что соответствует Общему закону о равном обращении, принятому в 2006 г. Тем самым законодатель предоставляет защиту подчинённым. Это, кстати говоря, соответствует представлению Европейского союза о понятии работник.

Европеизация права

Мы переживаем последовательный процесс: глобализация экономики – глобализация социальных структур – глобализация права. Причины глобализации права состоят в непрерывном процессе оценивания экономики и права. Право всё больше участвует в этой глобализации. Национально-государственные экономические структуры внутреннего рынка распадаются, а вместе с ними – правовые структуры внутреннего рынка. До сих пор вопрос первенства однородных правовых структур внутреннего рынка по отношению к неоднородным правовым структурам не ставился под сомнение. Глобализация права частично ведёт к изменению данного первенства.

Значение масштабов европеизации немецких правовых систем большей частью общества ещё не осознаётся. Преобладающие в Европе три правовых семьи: позитивистски ориентированная правовая семья Центральной Европы и Германии, романская правовая семья, господствующая преимущественно в Южной и частично в Западной Европе, и англосаксонская правовая семья – находятся в конкуренции друг с другом. Глобализация экономики и интеграция миграционных потоков и социальных структур неизбежно приводят к ассимиляции как материальных, так и формальных прав. Несмотря на то, что конституция Европейского союза не только в настоящее время, но, вероятно, окончательно провалилась, Лиссабонский договор содержит новые сквозные социальные поправки и связывает тем самым все национальные политики. Мы живём в Германии во время, ко-

торое сопоставимо с переломным временем между домартовским периодом 1848 г. (неудачная конституция Паульскирхе) и 1871 г. (время основания Германской империи). После этого переломного периода произошла унификация раздробленных в правовом плане земель и законов Империи. Аналогичный параллельный процесс протекает в настоящее время, частично его можно заметить на европейском уровне.

Трудности в оценке правового регулирования Европейского союза и судебной практики Европейского суда отчасти основаны, конечно, не только на различных принципах интерпретации и языковых расхождениях. Унаследованная немецкая правовая традиция следует главным образом статической интерпретации, в то время как при интерпретации права в Европейском союзе многократно подчёркивается, что она должна иметь динамический характер. Это относится в особенности к принципу эффективности („*effet utile*“), закреплённому в праве Европейского союза. Интерпретация и применимость европейского и немецкого права всё больше следует финалистическому подходу. Многие не осознают, что мы в нашей правовой семье углубились в англосаксонское правовое „*case-law*“-мышление (ситуативно обусловленное мышление). Субъект немецкого права во многих случаях может быть удовлетворён, если при применении права есть возможность сослаться на уже имеющиеся решения суда. В данный момент состояние немецкого права можно сравнить с нахождением в плавильном котле – „*melting-pot*“ (ёмкость для плавления различных материалов). Унаследован-

ная немецкая герменевтика, например, очень позитивистски ориентированная интерпретационная максима и исходящая из романского права финалистическая интерпретация проникают друг в друга и смешиваются, обогащаясь англосаксонским, становящимся „*case-law*“, правом с указанием на уже определённые правовые аспекты.

В качестве примеров растущего доминирования европейского права над национальными положениями следует упомянуть о действии безапелляционного решения Европейского суда в отношении дискриминационного по возрасту ограничения срока и обязанности истолковывать его в соответствии с директивами с момента его вступления в действие. Всё чаще Европейский суд видит себя как „Инстанция дополнительной проверки“ в трудовых спорах. Материальное право в целом становится всё более перспективным для европейской политики в области занятости. Согласно Лиссабонской стратегии, для устойчивого роста должно быть создано современное трудовое право для решения задач XXI в. В соответствии с лозунгом „*flexicurity*“ (гибкие гарантии) должна повыситься гибкость на европейских рынках труда. В соответствии с распоряжениями Европейского союза „*Rom I*“ и „*Rom II*“ должно быть создано европейское международное договорное право для Европы, которое частично поможет внести ясность в немецкое трудовое право, во всяком случае, для конфликтующих правовых систем.

Новые подходы связаны с термином „*employability*“, который придуман Евросоюзом и означает поддержание трудоспособности. Такой подход к обеспечению среднесрочной и долго-

срочной занятости предъявляет в равной степени вызов как для рабочих, так и для работодателей и особым образом подчёркивает ценность образования. Мы должны привыкнуть к тому, что мы постоянно живём в обстановке напряжённости, созданной из-за конфликта между национальным правом и правом Европейского союза. Это уже имеет серьёзные последствия за счёт переоценки возрастных ограничений в немецком трудовом праве в целом и за счёт антидискриминационных норм, принятых в законе о равном обращении, в отношении составления трудовых договоров. Были определены другие сферы действия в европейском трудовом праве, такие как регламентация рабочего времени, право на отпуск, страхование от банкротства в результате требований сотрудников, перенос (возможность переложить ответственность на нового работодателя) требований пенсионного обеспечения сотрудников предприятия и проблематика представительства сотрудника в наблюдательных советах, участвующих в принятии решений предприятий. Таким образом, подводя итоги, стоит сказать, что после глобализации экономики следует глобализация правовых систем: Европейское трудовое право под угрозой!

Изменения в правовых нормах

В немецком обществе в сознании глубинно закреплено, что работодатель при прекращении трудовых отношений должен соблюдать большое количество правовых норм. Меньше осознаётся, что за последние 25 лет в процессе исторического развития произошла юридикация начала рабочих

отношений. Основные перемены касаются объёма права работодателя задавать вопросы, прав участия различных представительств работников, таких как производственные советы, и особый акцент внимания на предписание равноправного обращения. Не принимая во внимание малочисленные особые предписания, например обязанность работодателя согласно определённой квоте вступать в трудовые отношения с инвалидами, никакой работник не может быть навязан работодателю согласно немецкому трудовому праву. Базовой считается конституционно зафиксированная в ст. 2 Конституции свобода заключения договоров как таковая. Гражданско-правовая обязанность заключения договоров имеется только в виде исключения, например так называемые обязательное повторное трудоустройство или трудоустройство в случаях аварий – согласно §§9 абз. 1 № 1, 10 абз. 1 закона о переуступке наёмных работников.

Сегодня правовой мир в отношении трудоустройства выглядит иначе, чем 25 лет назад. Сторона работодателя сталкивается с тем, что права работодателя на получение информации сильно сокращены ограничением права работодателя задавать вопросы. Примером этому является запрет на вопрос о возможной предстоящей беременности. Дальнейшие ограничения свободной дееспособности работодателя накладываются правом участия производственного совета в соответствии §99 закона об уставе предприятия (BetrVG). При этом речь идёт не только о законном информационном праве и о праве уклониться от согласия. В производственной юридической действительности производственный

совет – например, на крупных предприятиях – многократно оказывает далеко идущее, для посторонних не сразу очевидное влияние на практику трудоустройства со стороны работодателя. Вместе с тем определение трудоустройства §99 абз. 1 пр. 1 закона об уставе предприятий настолько расширено, что оно охватывает в том числе и занятых на особых условиях работников на предприятии, если они были переведены на другое производство того же предприятия. Обязательство внутрипроизводственного подбора, в том числе и проведение конкурса на частичную занятость с целью содействия частичной занятости и облегчения, вместе с тем общественно-политически желательной и экономически необходимой совместимости семьи и профессии, пассивно влияет на практику трудоустройства работодателя. В течение последних 10–15 лет юридизация трудоустройства в ходе развития запрета на вопросы поддерживается запретом дискриминации. Уже при объявлении конкурса на занятие вакантной должности работодатель должен обращать внимание на Общий закон одинакового обращения (§11 AGG). Предписание имеет своей целью предотвратить убытки, которые могут терпеть претенденты, если они будут понижены непосредственно или опосредовано актуальным или потенциальным претендентом по одному или некоторым из §1 закона о суде по трудовым спорам допустимо уважительных оснований. Такие недопустимо уважительные причины могут возникать из запрета дискриминации по этническому происхождению, полу, возрасту, инвалидности или по религиозным или мировоззренческим при-

чинам. Вместе с тем происходит санкционирование определённого образа мыслей. Однако юридизация трудоустройства движется вперёд. Как в европейском, так и в немецком антидискриминационном обсуждении будет трудно выполнимой задачей то, как должна выглядеть отрегулированная гендерная квота руководящих должностей в экономике.

Появление закона «О модернизации правовых отношений», основанного на системе обязательств, которым право, регулирующее общие условия заключения сделок, интегрировалось в Гражданский кодекс Германии, отчасти привело к существенным изменениям контроля соглашений по трудовому договору. Критерии проверки частично изменились. В виду того, что применяются заранее сформулированные трудовые договоры – это, как правило, типично при применении письменных трудовых договоров, – соглашения по трудовому договору больше не подлежат относительно общему смысловому контролю из-за юридического злоупотребления, согласно §242 Федерального гражданского кодекса, а подлежат более строгому контролю Общих условий заключения сделки (KЗОТ – контроль) согласно §§305 и последующих параграфов Гражданского кодекса Германии. Для предварительно сформулированных соглашений важны поэтому с момента реформирования правовых отношений, основанных на системе обязательств, в 2002 г. исключительно юридические последствия, предусмотренные §§306 и последующими параграфами Гражданского кодекса Германии. Эти положения наделяют судью законным правом изменять договор только в порядке, пред-

усмотренном “blue pencil – test” (§306 п. 1 ГК Германии), т. е. судья имеет право “синей авторучкой” вычеркнуть опротестовываемые договорённости. Сверх того, судья наделён полномочиями заполнять пропуски согласно §306 п. 2 Гражданского кодекса Германии или дополнительно толковать договоры. Редакция, сохраняющая действенность в смысле отзыва недейственного пункта при допустимом содержании и его сохранения с тем же содержанием, как он применялся в практике Федерального судом по трудовым спорам (BAG) перед интеграцией КЗОТа – контрольного права в трудовое право, не предусмотрена в системе уголовно-правовых санкций §306 ГК ФРГ. Федеральный суд по трудовым спорам должен был учитывать в судебной практике эти изменения парадигм во множестве решений в течение последних лет.

**Возраст и лояльность
к предприятию больше
не учитываются в немецком
трудовом праве?**

Сеньоритет, учёт возраста и лояльности к предприятию, учёт стажа работы на предприятии, – твёрдо зафиксированные параметры, предоставляющие преимущественное право, в немецком трудовом праве. Они действительно не только в сфере защиты кадров, например, при учёте социального выбора, но и во многих других сферах трудового права, как, например, параметр, предоставляющий преимущественное право для определения размеров компенсаций и в системе оплаты труда (в прежнем коллективном договоре о тарифных

ставках для федеральных служащих: учёт возрастной категории). Являются ли оба эти параметра, предоставляющие преимущественное право, пригодными и применимыми?

Большим вызовом немецкому трудовому праву было с момента вступления в силу закона о суде по трудовым спорам, уже в течение прошедших лет и будет в течение последующих 10 лет то, как имплементируется в немецкое право в корне запрещённая возрастная дискриминация. Эта вызванная европейским союзным правом перемена охватывает в действительности не только защиту кадров с правом денонсации, но и другие сферы, такие как система оплаты (например, тарифная плата на государственной службе (TVЦД), которая не основывается более на возрастных категориях и на уровнях имеющегося опыта) и право на отпуск (например, запрет прерывания отпуска в коллективных договорах). Остаётся, например, в настоящее время всё ещё без ответа принципиальный вопрос, могут ли при обусловленном производственной необходимостью увольнении быть образованы возрастные группы по отношению к требуемой социальной выборке согласно §1 п. 3 закона о защите от увольнения (KSchG) или также в рамках массовых увольнений для обеспечения уравновешенной структуры сотрудников предприятия, принадлежность к которым ограничивает социальное сравнение. Частично изменение парадигм в этом отношении уже произошло, когда немецкий законодатель в §10 тезис 2 № 6 закона о суде по трудовым спорам предписал немецким правопользователям при социальном планировании не счи-

таться больше только с возрастом, а брать во внимание политические цели рынка рабочей силы. Старая формула, говорящая, что более старый работник имеет преимущество по отношению к более молодому работнику, действует только условно, если – как показывает пример Испании – половина молодёжи безработная, а уровень безработицы более взрослых относительно незначительный. В такой ситуации возникает межпоколенческий вопрос, не должно ли, с точки зрения политики рынка рабочей силы, преимущество предоставляться более молодому по отношению к более старому. Параметр “возраст”, предоставляющий преимущественное право, устанавливается по-новому.

Второй большой вызов, которому мы противостоям как общество в целом, – это демографические изменения. Общество должно настраиваться на то, что жить и работать придётся со стареющими коллективами. Более старые снова востребованы. Демографическое развитие в Германии таит в себе бомбу замедленного действия – подрастающее поколение даёт слишком мало рабочей силы. Ввиду демографического развития в Германии с его последствиями для экономики и общества это ведёт не только к новой оценке предельных возрастов, но и вместе с тем к повторному набору более старых сотрудников на предприятия. Повторный набор более старых сотрудников ведёт также к новому жизнеощущению. В последнее время дискуссия о “Республике старых”, подогреваемая различными публикациями общественных исследователей, привела частично к укороченному обсуждению смыслоформы „пожилые люди хотят только сорвать банк“.

Демографическое развитие с едва ли возможным финансированием систем обеспечения в старости, недостатком специалистов, а также недостатком руководящих кадров, которые являются трудоспособным населением, уже привело общество и экономику к переосмыслению. Вновь были обнаружены преимущества более старых. Всё чаще относительно возраста стал задаваться древний философский вопрос о балансе „свободы и безопасности“. Политика также занимается при изменении относящихся к области трудового права общих условий занятости более старых работников „зелёным светом для трудовых отношений“. Другие формы самостоятельности в форме договоров о возмездном оказании услуг и договоров подряда уже применяются в практике при трудоустройстве на предприятия сотрудников-пенсионеров более старшего возраста. Чтобы не быть понятым неправильно: „no one solution fits all“ (Не существует одного решения для всех вопросов). Постоянная работа по найму в дальнейшем необходима. Однако всё больше предприятий видят лучшим решением включающее сочетание с качествами более молодых с их идеями и динамикой и стремлением к изменениям.

Ещё практически совсем незаметно для немецкого общества комиссия Европейского союза была озадачена вопросом отмены в трудовом праве параметра, предоставляющего преимущественное право, лояльности к предприятию – положительной оценки стажа работы на предприятии. Исходя из основной мысли Flexicurity-концепта, целевым заданием государственного урегулирования следует понимать не гарантию подра-

ботки, а только гарантию занятости, при том что учёт опыта находится в противоречии к этому. Иначе и конкретно определяя: прежние чешский и венгерский ЕС-социальные комиссары обсуждали, что стаж не должен считаться больше параметром, предоставляющим преимущественное право, в трудовом законодательстве. Своего апогея это достигает в высказывании, что длительный стаж работы на предприятии – это только признак недостаточной гибкости и вознаграждение за немобильность работника. Нужно добавить, что другие государства ЕС – чрезвычайно экономически успешные, как, например, Дания, – уже устранили лояльность к предприятию как параметр, предоставляющий преимущественное право, в национальном праве, запрещения необоснованного увольнения. Будет интересно узнать, какие пути будут предложены в Европейском союзе.

Кто важнее – профсоюзы или советы предприятий?

Абсолютно бесспорно, что представительные органы работников, будь то профсоюзы или советы предприятий, или другие, национальные или общеевропейские, должны способствовать достижению следующих целей:

- успеха предприятия и развития социальной компетенции находятся в непосредственной связи;
- трудового права как двигателя или тормоза при переходе от индустриального общества к информационному, мобильному и постиндустриальному обществу;
- наряду с тремя классическими факторами производства: капиталом,

производственной площадью и персоналом – права голоса как четвёртого фактора производства.

Параллельно смещению и изменению привлекательности основополагающих факторов трудового права происходит союзно-политическое развитие. Известно муссирование средствами массовой информации уменьшения количества членов профсоюзов в Германии. Меньше внимания уделяется драматичному размеру выходов из союзов работодателей. Так называемое ОТ-членство (членство в союзе работодателей без тарифных обязательств) – также только условно находится в затруднительном положении. Оба упомянутых динамических процесса составляют угрозу жизни обоих социальных партнёров. Следует отметить особую тенденцию последних лет, что от больших профсоюзов / объединений работников отделяются преимущественно специализированные профсоюзы, элитные профсоюзы, функциональные элиты – как, пример, союз водителей локомотивов, Марбургский союз, объединение *Cockpit* и т. д. Крупные организации потеряли свою привлекательность. Объединения работников, профсоюзы и объединения работодателей должны будут развиваться дальше всё больше как консультативные органы и общности по оказанию услуг партнёрским предприятиям. За этим стоит мысль необходимой, психологически непростой переквалификации союзов и профсоюзов в общности по оказанию широкого спектра услуг, качество которых в области дальнейшего развития права участия работников в управлении предприятием, в конечном счёте, будет определять оплату или в целом обще-

ственно-политический вес этих организаций.

В отношении будущего производственного права голоса вопрос открыт. Что победит в борьбе за существование? Кто выиграет? Победит ли немецкая модель унифицированного законного регулирования, как, например, закона об уставе предприятия, или переговорного решения, которое становится всё более предпочтительным в странах ЕС, а также закрепилось в европейском производственном совете как опциональная возможность.

Дальше встаёт вопрос: *Quo vadis* («Камо грядеши») структуры работников и коллективных договоров? Мы сталкиваемся с оставшимися без ответов вопросами: какой профиль будут иметь профсоюзы в будущей Европе? Унаследованная немецкая система индустриальных профсоюзов и головных профсоюзов или элитные, отраслевые профсоюзы и специальные профсоюзы?

Тарифная сетка, прощай? Множество тарифов вместо унифицированных тарифов? Последний вопрос получил ответ в судебной практике Федерального суда по трудовым спорам после того, как он в 2010 г. в ходе сильно заметных изменений в судебной практике санкционировал возможность множества тарифов, т. е. применение на предприятии для различных групп работников соответствующих тарифных договоров.

В отношении социального партнёрства и производственного партнёрства и в принципиальном социальном диалоге в пределах ЕС существуют значительные различия относительно степени организованности работников, форм организации и сфер деятельности социальных партнёров и закон-

ных общих условий осуществления деятельности посредством социальных партнёров. Европейское объединение профсоюзов (EGB) и *Unice* как европейскую федерацию работодателей-промышленников нужно рассматривать только условно как представителей социальных партнёров на европейском уровне. *EGB*, *Unice* и другие союзы не имеют мандата от национальных союзов на принятие решений за государств-участников. Параллельный процесс – передача компетенций в супернациональные организации, как он произошёл с договорами ЕС, отсутствует до настоящего момента на уровне социальных партнёров. До тех пор, пока это остаётся так, социальный диалог будет иметь посредственный успех, и европейские, “перешагивающие” государственные национальные границы, соглашения являются утопией. Во всяком случае предполагаются – единичные, нескоординированные – объединяющие государств-участников соглашения для предприятий. Если социальный диалог останется на длительный срок без ощутимых успехов, есть опасность, что уже возникшее и, возможно, далее возникающее пространство (поле деятельности) будет заполнено законодателями ЕС. С немецкой точки зрения и вместе с тем на основании 70-летнего федеративного опыта интерес к оживлению и прогрессу социального диалога должен существовать, чтобы предотвращать централистически направленные стремления к регулированию законодателя ЕС и сохранить проверенную немецкую независимую от государства децентрализованную договорную систему об условиях труда, будь то коллективные договоры

или индивидуальные трудовые договоры.

Комплаенс – новый элемент немецкого трудового права?

Compliant в переводе с английского – предупредительный, услужливый, сговорчивый или уступчивый. Под используемым в настоящее время понятием “Комплаенс” понимают совокупность мероприятий на предприятии, которые должны обеспечить соответствующее правилам поведение его руководства и сотрудников. Несколько целей должны преследоваться комплаенсом. С одной стороны, он имеет своей целью предотвращать правонарушения законопослушанием, избеганием ответственности руководства или её уменьшением. Руководящие работники наказуемы уже за то, что они, будучи гарантами, не прилагают усилий для того, чтобы воспрепятствовать подчинённому сотруднику в совершении наказуемого деяния, хотя это, возможно, и в их силах. Сверх того, члены управления также должны нести ответственность как косвенные преступники в силу их организационного господства за наказуемые деяния, которые были вызваны поведением сотрудников предприятия. В течение двух десятилетий произошла перемена в ценностном сознании. Экономические элиты должны действовать этически ответственно. Приличие и мораль не могут быть исключены из экономических процессов принятия управленческих решений. Каждое предприятие должно задаться вопросом обсуждения ценностей. Какие понятийные единицы, комплаенс, этический кодекс или кодекс поведения, утвердятся,

остаётся ждать. Общепринято убеждение, что компании и сотрудники живут не в одном этическом вакууме. Требуются духовные „guide lines“ (духовные установки) для „Приручения хищного животного – человека“. Политически предъявляется претензия, что это обсуждение ценностей ведётся открыто, наступательно и ориентированно на будущее, на основе канона основных ценностей Европейского союза.

В этом обсуждении ценностей производительность также имеет особую значимость. Общество умирает, если производительность – не аксиоматичное положение для его продвижения. Руководящие работники предназначены для достижения важных показателей в экономике. Они выполняют функцию шарнира между представителями капитала и представителями человеческого капитала – работниками. Они являются в то же время социальным шарниром между капиталом и человеческим капиталом. Хотя над понятием социального в течение последних 100 лет неоднократно издевались и им обосновывались только уравнивающие планы перераспределения, акт человечности – это не только помогать слабому как одна из сторон социального, но и оставлять пространство для действий для активных членов общества, это тоже право свободы. Без оказанных услуг нечего распределять, что иллюстрирует поговорка: «Каждая булочка, которая съедается, должна быть сначала испечена».

В решении по поводу будущего общества будет также играть роль качество социокультуры с учётом статуса производительности в европейских обществах. Как протестанство в

конце Средневековья оказалось в выигрыше от состоявшейся тогда глобализации, признавая трудную работу и богатство, так и сейчас решающим будет то, что духовные отношения, а также религии, которые защищают свою открытость прогрессу, получают одобрение от консенсуса в европейских сообществах. Я цитирую слова специалиста по помощи развивающимся странам Лоуренса Э. Харрисона, который на примере протестанта Кальвина сформулировал веру в прогресс гугенотов: «Религия, которая запрещает стремление своих приверженцев, отдаляет себя сама». По-новому в плане интенсивности зафиксировалось в сознании людей, что успехи должны достигаться в рамках соответствующего правилам поведения. Старая философско-этическая базовая установка, что цель не оправдывает любых средств, так же стара, как и нова. Имеется ли обязательное минимальное содержание для комплаенс-мероприятий, до сих пор не выяснено. Заданные законом величины отсутствуют, т. к. предприятия и риск наступления

ответственности на них очень разные, так что общеобязательные положения едва ли учитываются. Исходя из этого, границы комплаенс-мероприятий также расширяются. Необходимо сохранить общие права личности, хранить и обеспечивать соответствующую защиту данных работника. Производственное или в масштабах предприятия комплаенс-регулирование и выбранные контрольные меры должны быть также измеримы у границ допустимости видеоконтроля, автоматизированной синхронизации данных работника и предоставленных правопорядком запретов применения доказательств. Здесь имманентно ко всем комплаенс-мероприятиям по контролю сотрудников выстраивается отчётливая граница. Новых импульсов нужно ожидать также от права Европейского сообщества. Например, в том, что ст. 8 хартии основных прав Европейского сообщества (хартия EU-GR) подняла защиту персональных данных на уровень основного права ЕС и основополагающего регламента Европейского союза о защите персональных данных [1–10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Cattaneo A. Social Dialogue and the regulatory power of governing bodies // *International Sports Law Journal*. 2018. Vol. 17. No. 3–4. P. 119–127.
2. Ciccarelli N., Soest A van. Informal Caregiving, Employment Status and Work Hours of the 50+Population in Europe // *Economist-Netherlands*. 2018. Vol. 166. No. 3. P. 363–396.
3. Faur E. Gender, sexual diversity and work-family balance. Counterpoints between family law and labour law // *Derecho y ciencias sociales*. 2008. No. 19. P. 45–62.
4. Francis B.B., Kim I., Wang B.Z. Labor law and innovation revisited // *Journal of Banking & Finance*. 2018. Vol. 94. P. 1–15.
5. Kalleberg A.L. Job Insecurity and Well-being in Rich Democracies // *Economic and Social Review*. 2018. Vol. 49. No. 3. P. 241–258.
6. Kanbur R., Ronconi L. Enforcement matters: The effective regulation of labour // *International Labour Review*. 2018. Vol. 157. No. 3. P. 331–356.
7. Meardi G. Economic Integration and State Responses: Change in European Industrial Relations since Maastricht // *British Journal of Industrial Relations*. 2018. Vol. 56. No. 3. P. 631–655.
8. Mondani H. The underlying geometry of organizational dynamics: similarity-based

social space and labor flow network communities // *Computational and Mathematical Organization Theory*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 378–400.

9. Seck S.L. Transnational Labour Law and the Environment: Beyond the Bounded Autonomous Worker // *Canadian Journal of Law and Society*. 2018. Vol. 33. No. 2. P. 137–157.
10. Sofi I.A., Kunroo M.H. Demand shocks and employment adjustments: Does employment protection legislation create rigidity? // *International Labour Review*. 2018. Vol. 157. No. 3. P. 461–480.

REFERENCES

1. Cattaneo A. Social Dialogue and the regulatory power of governing bodies. In: *International Sports Law Journal*, 2018, vol. 17, no. 3–4, pp. 119–127.
2. Ciccarelli N., Van Soest A. Informal Caregiving, Employment Status and Work Hours of the 50+Population in Europe. In: *Economist-Netherlands*, 2018, vol. 166, no. 3, pp. 363–396.
3. Faur E. Gender, sexual diversity and work-family balance. Counterpoints between family law and labour law. In: *Derecho y ciencias sociales*, 2008, no. 19, pp. 45–62.
4. Francis B.B., Kim I., Wang B.Z. Labor law and innovation revisited. In: *Journal of Banking & Finance*, 2018, vol. 94, pp. 1–15.
5. Kalleberg A.L. Job Insecurity and Well-being in Rich Democracies. In: *Economic and Social Review*, 2018, vol. 49, no. 3, pp. 241–258.
6. Kanbur R., Ronconi L. Enforcement matters: The effective regulation of labour. In: *International Labour Review*, 2018, vol. 157, no. 3, pp. 331–356.
7. Meardi G. Economic Integration and State Responses: Change in European Industrial Relations since Maastricht. In: *British Journal of Industrial Relations*, 2018, vol. 56, no. 3, pp. 631–655.
8. Mondani H. The underlying geometry of organizational dynamics: similarity-based social space and labor flow network communities. In: *Computational and Mathematical Organization Theory*, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 378–400.
9. Seck S.L. Transnational Labour Law and the Environment: Beyond the Bounded Autonomous Worker. In: *Canadian Journal of Law and Society*, 2018, vol. 33, no. 2, pp. 137–157.
10. Sofi I.A., Kunroo M.H. Demand shocks and employment adjustments: Does employment protection legislation create rigidity? In: *International Labour Review*, 2018, vol. 157, no. 3, pp. 461–480.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Армбюстер Клаус – доктор юридических наук, судья Федерального суда по трудовым спорам Германии, президент Ассоциации немецких лидеров Германии, профессор Университета Эрлаген;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Armbruster Klaus – Doctor of Law, Judge of the Federal Court for Labor Disputes of Germany, President of the Association of German Leaders of Germany, Professor, University of Erlangen;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Армбрюстер К. Непрерывность и изменения мегатенденций в праве (теоретико-правовое исследование на примере норм трудового права) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 9–24.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-9-24

FOR CITATION

Armbruster K. Continuity and Changes in Megatendencies in Law (Theoretical and Legal Research Into Labor Law Norms). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 9–24.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-9-24

УДК 343.01

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-25-36

КОЛЛИЗИИ ПРАВА И МОРАЛИ В ЗАПАДНОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Лезьер В.*Центр культуры и познания, департамент Вар**г. Бринель, ул. Поль Блан, д. 27, дом-офис Центра культуры и познания, Франция*

Аннотация. Ведущей целью исследования стало выявление важных аспектов единства и различия, свойственных природе права и морали; автор формирует новый категориальный аппарат юридической науки, являющийся содержанием права и морали в контексте сравнения и обобщения сходных признаков. Важной задачей проведённого исследования стал анализ идей справедливости в трактовках права и морали с позиции современной юридической науки. При исследовании темы автор использовала методы компаративистики, анализа, а также формально-юридической и исторический методы. Статья написана в опоре на западную традицию теории и философии права. Автор впервые вводит в научный оборот новые понятия, которые могут быть интересны теоретикам права и учёным науки уголовного права и процесса, а также всем, кто интересуется историей взаимовлияния права и морали в западной теоретической и философской традиции. В результате проведённого исследования автор приходит к выводу, что право и мораль не могут существовать изолированно в обществе, современное законодательство должно опираться на принципы морали и не противоречить ему. Коллизии, выявленные в моральных установках, воздействуют и нормы права, порождая противоречия, которые могут приводить к росту правонарушений в обществе.

Ключевые слова: право, мораль, юридический позитивизм, гражданское общество, законнический морализм, идея справедливости.

CONFLICTS OF LAW AND MORALITY IN WESTERN PHILOSOPHICAL TRADITION AND MODERN CRIMINAL JUSTICE

V. Lezier*Center for Culture and Knowledge, Department of Var**House-Office of the Center for Culture and Knowledge, 27, Paul Blanc st., Brignoles, France*

Abstract. The article attempts to identify the aspects of unity and difference inherent in the nature of law and morality. It also clarifies the categorical apparatus which forms the content of law and morality in the context of comparison and generalization of their similar features. The idea of justice in the interpretation of law and morality is analyzed. The study draws on the Western tradition of the theory and philosophy of law. The article may be of interest not only to the experts in criminal law and procedure, but also to all who are interested in the history of mutual

influence of law and morality in the Western philosophical tradition. The author concludes that morality and law cannot exist in isolation in the society; modern legislation should be based on moral principles and do not contradict them. The collisions revealed in moral attitudes can influence legal norms generating conflicts that can give rise to legal offences.

Key words: law, morality, legal positivism, civil society, the idea of justice, legal moralism.

Дискурс, содержащий проблемы соотношения права и морали, особо актуален для социальной реальности, основанной на признании основных прав личности, её свободы и ценности. В эпоху глобализации, международного сотрудничества и интеграции в социальной, политической и экономической областях стратегия открытой планировки и дерегулирования деятельности, к сожалению, часто лишает реального человека, трудящегося промышленно развитых стран, многих защитных норм, наблюдается апатия к соблюдению прав человека и даже враждебность финансовых учреждений. В то время как распространение юридических текстов, в которых закреплены основные социальные права, создаёт иллюзию необъятного Фонда защиты, перемещение производственных объектов и определение местонахождения транснациональных групп отвечают решениям, направленным главным образом на максимизацию прибыли.

Вместе с тем возможности защиты в судебном порядке прав человека и гражданина по-прежнему сталкиваются со всевозможными препятствиями, институциональными, политическими, правовыми, в основе которых лежат коллизии права и морали, которые необходимо разрешать в социальной перспективе.

Цивилизационно-культурный прогресс наполнил новыми конно-

тациями “золотое правило” морали, закрепил легитимность естественных прав и свобод, устранив правовую и моральную дискриминацию.

Основные права и свободы граждан закреплены в международных документах разных стран. Практические прецеденты в сфере морали и права выступают в качестве эмпирической базы, необходимой для развития их теоретического аспекта. Вопрос единства и различия права и морали определяется в качестве приоритетного и актуального как для философской проблематики, так и для теории права.

Цель статьи: выявить аспекты единства и различия, свойственные природе права и морали; уточнить категориальный аппарат, являющийся содержанием права и морали в контексте сравнения и обобщения сходных признаков.

Противопоставление позитивизма и морализма

Если затронуть вопрос источников по проблеме статьи, можно определить два отчётливых мнения. Согласно взглядам представителей естественного права, вопрос соотношения морали и права необходимо рассматривать в теоретическом аспекте, постулирующем единство и всеобщность нормативно-ценностных закономерностей. Данные принципы лежат в основе устройства космоса, природы и со-

циальной реальности, поэтому они способны функционировать в качестве критериев справедливости законоположений, определяемых государством. Об универсальности и всеобщности норм естественного права свидетельствовали такие мыслители, как Демокрит, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо. Согласно их воззрениям, естественное право не соотносимо с каким-либо формальным действующим законодательством, а имеет метафизические, религиозные, интенциональные основания, которые углубляют и объективизируют его юридический смысл, связывают его с всеобщим мировым континуумом человеческого бытия.

С другой стороны, концепция позитивного права фиксирует принципы этатистского патернализма, секулярности, минимума моральности. Так, в XX в. юридический позитивизм стремится освободить право от нравственной коннотации. Объективно же противопоставление морали и права даёт существенное основание для развития критического направления позитивного законодательства.

Уместно напомнить теоретический момент, давший толчок многим непрекращающимся спорам вокруг права и морали.

После того, как Гоббс, Кант и Гегель побудили философов и теоретиков права провести чёткое различие между областями права и морали, в дискуссиях XIX в. наблюдается опасность того, что межличностные правовые нормы и моральные нормы приведут к рациональности и легитимизации права. В своих изысканиях Остин, Вебер, Кельзен, Х.Л.А. Харт, Н. Лукманн последовательно излагали формальные,

логические, процедурные причины, препятствующие выведению юрисдикции нравственности норм.

В ответ на этот подход к праву, полностью закреплённому на праве, и в противоположность этому откazu от принципа любого метафизического рассмотрения энтузиасты моралистов стремились продемонстрировать невозможность самодостаточности права, его необходимое участие в поддержании или защите ценностей против компаний, которые по-прежнему угрожают законодателю. Превышение правового позитивизма даже привело к восстановлению естественного права, принципа справедливости, которые всё большее число мыслителей признавали условиями существования и прогресса демократии, и верховенства права.

Насколько оправдана и объективна данная критическая позиция? Действительно ли право и мораль несовместимы? Некоторая часть философов, правоведов, социологов дают положительный ответ, считая данные явления несовместимыми. К данному теоретическому направлению можно отнести таких выдающихся социологов и правоведов, как М. Вебер, Кельзен, Оливер Холмс, Тимашев, Штаммлер и др. Так, Вебер, рассматривая социальный аспект правового института, пишет, что вопрос о соотношении права и этики «не представляет никакой проблемы», при этом констатируя ситуацию неразрешённости данного вопроса в пределах адекватного решения. Не все правовые нормы, по его мнению, могут претендовать на определение посредством этических категорий [1; 3; 5; 7; 8; 11].

Любая норма в своей практической предопределённости функционирует в качестве регулятора человеческих действий, социальных отношений, а не автоматических систем. И этого уже достаточно для признания факта наличия этического начала в правовой сфере.

В современной теории значительная привлекательность философских идей Юргена Хабермаса объясняется, в частности, тем, что он высоко оценивает работу судьи, юриста, юрисконсульта в качестве борцов за справедливость и благо.

Дискуссия о коллизиях права и морали в XX в. получила особую остроту. Так, Кельзен считает несостоятельным любой подход в теории права, ориентированный на мораль. При этом сам факт такого отвержения он объясняет актуальностью для современных социальных практик обоснования чисто научной юриспруденции. В свою очередь, представитель правового морализма Густав Радбрух парирует: «право, даже позитивное право, совершенно нельзя определить иначе ... как порядок и установление, которые по самому своему смыслу предназначены служить справедливости» [10, с. 39; 17, р. 51]. Л.К. Шешминцева комментирует этот принцип так: «право, даже позитивное право, совершенно нельзя определить иначе ... как порядок и установление, которые по своему смыслу предназначены служить справедливости» [17, р. 51].

Следовательно, и в XX в. мы встречаемся с явным противопоставлением позитивизма и морализма. Согласно первой позиции, право интерпретируется безотносительно к этическому дискурсу справедливости, согласно

второй – только в отношении к нравственному. При столь формальном противопоставлении методологий правового позитивизма и правового морализма всё же существует основание исследовать их дихотомию как выражение общей антиномии – антиномии теории права. Подтверждением позитивистского дуального тезиса является сам факт существования несправедливых законов, действие которых оценивается социумом позитивно вплоть до их полной аномии. Критический антитезис позитивизма утверждается историческим опытом правовых практик, не учитывающих значения этических принципов, вследствие чего их методы контроля не отличаются от насильственных методов преступных групп.

Если говорить о современной французской правовой доктрине, сепаратизм наносит ущерб и её фундаментальным положениям. Защита автономии права перед нравственностью до 1920-х гг. была сильной тенденцией профессоров права. Поклонники гражданских кодексов, герметичные к эклектичности гениев, они не замечали того, что к догматизму и косности приводит их демонстрация убеждений, предупреждающих о строгих различиях и барьерах, которые должны быть установлены между законом и моралью. Их постулаты основывались на принципе исключения противоречия между религиозными и светскими ценностями, т. к. мораль, по их мнению, истоками уходит в религиозность, а ценности Республики – это демонстрация светскости. Несмотря на тексты, которые в кодификациях дают представление о доле, сделанной в соответствии с требованиями мо-

рали, через понятия нравственности, добросовестности, хорошего отца семьи, вины, это догма, предоставляемая французскими теоретиками права, что законодатель и судьи должны избегать путаницы норм.

Однако сначала в 1925 г. произошёл мировоззренческий поворот автора нравственной нормы Рипера в гражданских обязательствах, который призывал к нивелированию границ между нравственной нормой и правовой нормой в области, характере и цели, поскольку право имплицитно содержит идею справедливости, а мораль основана на категории праведности [12, с. 71].

Идеи Рипера поддерживали Жессеран и Карбонье. Диалог морализма и юридического позитивизма продолжился в 1980-е гг., когда повсеместно заявлялось об этике, и даже вызвал «заметную морализацию права», «неоспоримое и необратимое явление» (Ж. Хабермас), заставив учёных-юристов рассмотреть многочисленные современные взаимосвязи между двумя нормативными системами. Иоанн Карбонье, Филипп Ле Турно свидетельствовали каждый по-своему о том, что они думали о процессе миграции морали в закон. Строго научному правовому позитивизму противостоит правовой морализм следующим радикальным утверждением: действие закона, противоречащее общепризнанным этическим принципам, не может признаваться в качестве действия подлинного права. При этом данный тезис относится не к общему контексту правопорядка, а к действию каждой отдельной правовой нормы. Следовательно, радикальный правовой морализм корректнее определять как «законнический морализм».

Классическую формулировку «законнического морализма» мы встречаем у Радбруха. Философ права полагал, что государственный закон следует рассматривать как действующий даже в том случае, если он по своему содержанию несправедлив, «ибо противоречие закона справедливости достигает здесь невыносимой степени, так что закон отклоняется от справедливости, приобретая характер «неправильного права» [10, с. 39].

Указанные разногласия в решении проблемы соотношения права и морали, на наш взгляд, являются следствием не различия коннотативных содержаний понятий «морали» и «нравственности». Моральный аспект каких-либо норм, так же как и правовой, выступает лишь в формальном качестве, но не в содержательном. Как моральная, так и правовая нормы могут быть общими по содержанию, но различаться формой выражения – либо в виде абстрактной интенциональной закономерности, либо в виде внешнего силового воздействия. Нравственность же наличествует в правовом институте именно как сущностная характеристика. В данном аспекте безнравственными могут быть и правовые, и моральные нормы, исключаяющие ситуации жертвенных, альтруистических поступков.

Идея справедливости в трактовках права и морали

Для понимания сути сложившейся дискуссии важно понять, как именно выстраивают теоретики логику своих рассуждений. Г. Радбрух определяет идею права, исходя из понятия справедливости, т. к. право – это объективная

реальность, цель существования которой определяется служением правовой идее, идее как ценности: «*Est autem ius a iustitia, sicut a matre sua, ergo prius fuit iustitia quam jus*» (Глосса l.1. pr. D.1.1). («Право порождено справедливостью, как матерью, ибо справедливость предшествовала праву») [10, с. 50].

Но что есть справедливость?

В этическом дискурсе существует философская позиция, определяющая справедливость как форму морально-го Добра. Однако это не та справедливость, основной характеристикой которой является позитивное право. Справедливость в данном контексте совпадает с принципом равенства, воплощённом в режиме абсолютного или относительного бытия. Вспомним, что античный философ Аристотель назвал абсолютное равенство между благами уравнительной справедливостью.

В современном понимании уравнивающая справедливость определяется как эгалитарная практика социальных интеракций, стратификационно равных субъектов, обусловленных границами общих договорённостей.

Если по Аристотелю относительное равенство в общественных отношениях выступает как справедливое распределение благ: социальная помощь соразмерна степени нуждаемости, объём налога определяется уровнем трудоспособности, поощрение зависит от заслуг, а наказание от причинённого вреда, – то в современной социальной реальности в качестве определяющего критерия справедливости выступает всеобщее естественное равенство, с позиции которого любое положение человека в общественной иерархии даёт ему право претендовать на равное распределение благ.

Распределительную справедливость, регламентирующую сохранность равноправия субъектов и их дееспособность, корректно определять как первоначало всего дискурса справедливости, т. к. именно в этом её содержательная идея и то, к чему должно стремиться современное понятие права.

Итак, мы определили лишь один из основных контекстов смыслового пространства понятия Права. Другие коннотации необходимо рассматривать с иных теоретических позиций. Например, исходя из того, что принцип распределительной справедливости не раскрывает информации о критериях равенства участников, и невозможно сформулировать объективный вывод на основании самой справедливости о её наличии или отсутствии. Состоит лишь сравнительно-правовой анализ социальных интеракций, а не способов обращения с ними. Естественно определять, что за воровство полагается меньшее наказание, чем за убийство, но это не определяет типа наказания преступника.

Таким образом, справедливость является принципом, определяющим сущностные черты понятия права. Право – это объективная реальность, аксиологическая функция которой заключена в служении справедливости.

Черты единства и различия права и морали

Современная коннотация понятия “права” относится к периоду зарождения римской цивилизации. Общие начала между религией и правом усматривают И. Кант, М. Вебер, А.Дж. Тойнби, К.Г. Юнг, Э. Фромм. Право справедливо понимается как

итог экзистенциальных, религиозных оснований человеческой активности, когда власть, подчиняя государство данной идее, строит основы государственной жизни.

Представители религиозной культуры, формируя правовой институт, руководствуются в первую очередь религиозной аксиологией, которая имеет сакральный характер. Источник права – Божественная воля, Божий закон. Данные воззрения выступают основой появления теологических школ права, где правовые установления мыслятся как высшие законы мироздания.

Рассматривая в целом мировой опыт человечества, можно отметить, что все институты права архаического периода включают религиозные предписания. Например, герменевтический анализ Законов XII таблиц выявляет множество правовых норм, которые апеллируют к религиозным представлениям. В отличие от других древних правовых систем, в Римской империи основой закона выступают не религиозные идеи, а моральные принципы. При этом мораль понимается как нормированное пространство, представляющее собой своеобразную соразмерность господствующих теологических систем древнего Средиземноморья. Так, римская религия является одним из таких первоисточников, оказавшим существенное влияние на становление римского права. В религиозном мировоззрении римлян человеческий мир предстает как копия мира богов. Поэтому власть законов есть результат влияния и человеческих и божественных установлений, что определяют естественное право и как феномен общественный и

как то, чему «природа научила всё живое» [2, с. 19].

С другой стороны, этимология слова «мораль» восходит к греческому *моё'у* (латинскому *mos'у* – *mores'у*), равно переводимому как «порядок» и «нравы». Под правами здесь понимается подчинение поведения человека общепринятому порядку, т. е. тому, что принято исконно и как поступают все.

Право существует как система норм, которые устанавливаются и поддерживаются формальным регламентом компетентных государственных органов и зафиксированы в юридических актах, причём их содержание характеризуется определённой, аргументированностью прав и обязанностей сторон. В то же время мораль – это более сложное социально-культурное и интенциональное образование, включающее не только формализованные нормы, но и психический мир, определяющий больше свободы и простора для толкования.

В некоторых случаях нормы права и нормы морали, предписывая противоположности, становятся противоречивыми. В истории судебных дел имеется описание таких ситуаций, когда в качестве свидетеля допрашивали супруга, близких родственников, друзей обвиняемого. Согласно законодательным нормам (ст. 182, 183 УК РФ), отказ подобного рода свидетелей от дачи показаний, а так же ложные показания влекут уголовную ответственность. Однако существует правило, основанное на этических принципах: не привлекать близких родственников к данному типу ответственности.

Современные социологи и правоведы чаще всего сходятся во мнении,

что основной причиной антиномии права и морали является низкая ликвидность законодательной системы от быстрого темпа социальных процессов. Данная ситуация действительно актуальна для современного социума, но в том контексте, что законодатель не способен прогнозировать все возможные варианты бифуркационных процессов, регуляторами которых являются законодательная система. Корректировка действующих норм происходит впоследствии произошедшей ситуации, после того как противоречия обнаружены и проанализированы. В сущности, наиболее распространённой причиной антиномии правовых и моральных норм является их формальная определённость, которая не гарантирует защиты и возможности полного контроля над ситуацией или, наоборот, требует соблюдения правовых норм в таких отношениях, где моральные принципы определяют данное применение несправедливым. Таким образом, данная антиномия является следствием правовой дифференциации, оценки, одинаковой с позиции морали ситуации или уравнивания обстоятельств, различных с позиции морали [4; 6; 13; 14; 16].

Для обозначения антиномии права и морали философ Г. Радбрух использует выражение: «Внешний формализм права, внутренняя содержательность морали» (право – формально, мораль – содержательна) [11, с. 49]. В данном тезисе автор показывает, как изначальное противоречие «форма – содержание» соотносится с главной – Substrat – основой права и морали. Какова данная основа? Где основа права и морали пересекается? Данные вопросы действительно актуальны,

хотя для большинства уже существует исчерпывающий ответ: поведение человека, его поступки регулируются правом, а духовные и психические проявления – моралью («Мысли не подлежат наказанию»). Такое мнение исходит из интерпретации права как системы норм и принципов, основной функцией которой является регулирование индивидуальной жизни как элемента общей социальной реальности, которая возникает в результате межличностных интеракций [10, с. 50].

Однако неправильно утверждать, что правовые нормы контролируют только внешние действия и, наоборот, моральные оценки не ограничиваются исключительно внутренним поведением («порочные желания», «искушения», «соблазны» внешне не репрезентативны). Любое поведение, как внутреннее, так и внешнее, подлежит моральной и правовой оценке.

Мораль следует признать основой и партнёром права. Мораль в отличие от права не определяют, её толкуют, оправдывают, ощущают, переживают. Мораль присутствует во всех сферах социальной жизни – от индивидуального поведения до государственной политики и экономических отношений.

Различна и оценка мотивов поведения личности [9, с. 14; 10, с. 34]. Согласно правовым требованиям, необходим всесторонний учёт поведенческих проявлений человека, но при этом право исключает оценку того, каковы были мотивы такого поведения. С позиции же морали важнее понять внутренние побуждения, переживаемые интенции, которые явились мотивом того или иного поступка, пусть даже внешне соответствующего установленным нормам права [9; 10].

Если обратиться к правовой практике, здесь пример французских конституций (1791, 1793, 1795 гг.) в их стремлении к моральному восстановлению является вдохновляющим, оно вновь возобладало в 1848 г. и в преамбуле к Конституции 1946 г. В содержании текстов можно усмотреть, как моральная озабоченность по-прежнему совпадает с периодами потрясения французской общины, потрясения совести, революции, падения Империи и восстановления монархии, нацистского ужаса и режима Виши. Преамбулы и заявления, размещённые в главах конституций, по сути, являются высшими местами юридического провозглашения новой морали. В 1983 г. был создан Национальный консультативный комитет по этике наук о жизни и здоровье. 29 июля 1994 г. провозглашён закон «О пожертвовании и использовании компонентов и продуктов человеческого тела, медицинской помощи и репродуктивной помощи и дородовой диагностике», а 6 августа 2004 г. – закон «о биоэтике». Причём включение биоэтики в сферу права является одним из наиболее выдающихся примеров современного процесса изъятия из сферы права морали.

Действительно, легализованная биоэтика отличается от морали своим полезным измерением, тем, что она не стремится, по сути, защитить человека от его научной эксплуатации. Международное публичное право утверждает, что оно изменяет правовое сознание человека так же, как и поведение. Право Европейского союза выросло в силу «принципов», которые были определены как «моральные ценности», имеющие универсальное значение. Основные «права человека

и обязанности гражданина» являются частью всех самых важных конституционных документов Франции и других цивилизационных стран. Ещё можно напомнить о том, что в Государственном Совете через уполномоченных правительства республиканская и либеральная мораль уже более века является неотъемлемой составляющей в официальных постановлениях.

Вопрос усиления моральных принципов и их интеграции с правовыми положениями важен и для деятельности Евросоюза. Так, не случайно Европейская конвенция о правах человека и основных свобод придала юридическую силу многим моральным ценностям.

Наконец, в связи с широким этическим дефицитом, в котором в настоящее время обвиняют судебные профессии, возможно, следует вспомнить принципы этики, созданной королевским законодательством. От средневекового адвоката ожидалось, что он будет представлять «лишенные своих страстей» принципы, такие как умеренность во всех его действиях, трезвость и краткость аргументов. Эта идея прежде всего заключается в том, что адвокат должен иметь только интересы правосудия, не защищая себя от несправедливых причин. Кроме того, он должен действовать только «через истину». С помощью этой профессиональной морали, юридически санкционированной, ясно, что представительство и защита лица, подлежащего судебному разбирательству, а также профессиональные отношения с клиентом имеют лишь второстепенное значение, а основой деятельности адвоката является служение праведности.

И в завершение отметим следующее. Размышления, которые мы привели о коллизиях морали и права, показывают, что цели и у права, и у морали подчас общие: здесь и умиротворение конфликтующих интересов, и духовное развитие человека, как если бы право заботилось не о человеке, а об обществе, как если бы мораль не заботилась о конкретных действиях. Мораль, за исключением субъективизма в целом, нуждается в объективных критериях, общих формулах и правовых санкциях. Поэтому она обогащает

право, законодательство, суд. Но это также мораль, секуляризированная на протяжении двух столетий, сегодня множественная и всё более слабая, которая захватывается законом.

Право и мораль действуют принудительными мерами, при этом смысл их осуществления и способы различны. Для морали – это акции осуждения, обвинения, порицания. В случае же нарушения правовых норм к человеку применяют меры, которые предусмотрены действующим законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / пер. с лат., прим. И.С. Перетерского; отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. 456 с.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. 432 с.
4. Крашенинников П.В. Времена и право. М.: Статут, 2016. 256 с.
5. Крашенинников П.В. Зарождение права. М.: Статут, 2016. 288 с.
6. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизни, вопросы теории: монография. М., 2004. 190 с.
7. Клишас А.А. Социальное государство: монография. М.: Международные отношения, 2017. 272 с.
8. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2018. 295 с.
9. Певцова Е.А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики. М.: Международный юридический институт, 2013. 296 с.
10. Певцова Е.А. Роль молодежи в современном правовом обществе // Гражданин и право. 2009. № 1. С. 31–46.
11. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
12. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 102–136.
13. Шешминцева Л.К. Теория государства и права. М.: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, 2016. 356 с.
14. Oppetit B. Philosophy of law. Dalloz, 1999. 35 p.
15. Pfersmann O. "Law and moralit" // Dictionary of the cultural law / eds. D. Alland, S. Pialov. PUF, 2003. P. 1040–1046.
16. Readings in Jurisprudence and Legal Philosophy / comp. M.R. Cohen, F.S. Cohen. Boston, Toronto, 1951. 1130 p.
17. Weber M. On Law in Economy and Society. Cambridge, Massachusetts, 1954. 78 p.

REFERENCES

1. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnyi leksikon: Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar'* [The Constitutional Lexicon: a Dictionary of State and Legal Terms]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2015. 640 p.
2. Digesty Yustiniana. Izbrannye fragmenty v perevode i s primechaniyami I.S. Pereterskogo [Digests Of Justinian. Selected Fragments. Translated and Annotated by I.S. Peretersky]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 456 p.
3. Vitruk N.V. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General Theory of Legal Responsibility]. Moscow, Norma Publ., 2009. 432 p.
4. Krasheninnikov P.V. *Vremena i pravo* [Times and Law]. Moscow, Statut Publ., 2016. 256 p.
5. Krasheninnikov P.V. *Zarozhdenie prava* [The Origin of Law]. Moscow, Statut Publ., 2016. 288 p.
6. Kerimov A.D. *Gosudarstvennaya organizatsiya obshchestvennoi zhizni, voprosy teorii: monografiya* [State Organization of Public Life, Theoretical Issues: a Monograph]. Moscow, 2004. 190 p.
7. Klishas A.A. *Sotsial'noe gosudarstvo: monografiya* [The Welfare State: a Monograph]. Moscow, International Relations Publ., 2017. 272 p.
8. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравstvennosti: v 2 ch. Ch. 1* [The Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality: 2 p. P. 1]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 295 p.
9. Pevtsova E.A. *Pravovoe vospitanie: voprosy teorii i praktiki* [Legal Education: Theory and Practice]. Moscow, International Law Institute Publ., 2013. 296 p.
10. Pevtsova E.A. [The Role of Youth in Modern Legal Societies]. In: *Grazhdanin i pravo* [Citizen and Law], 2009, no. 1, pp. 31–46.
11. Radbruch G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. International Relations Publ., 2004. 240 p.
12. Hart H.L.A. [Positivism and the Separation of Law and Morality]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2005, no. 5, pp. 102–136.
13. Sheshmintseva L.K. *Teoriya gosudarstva i prava: Vostochnaya ekonomiko-yuridicheskaya gumanitarnaya akademiya* [Theory of State And Law]. Moscow, Eastern Academy of Economics, Law and Humanities, 2016. 356 p.
14. Oppetit B. Philosophy of Law. Dalloz, 1999, 35 p.
15. Pfersmann O. "Law and Morality". In: Dictionary of the Cultural Law. PUF, 2003. P. 1040–1046.
16. Readings in Jurisprudence and Legal Philosophy / Selected by Cohen M.R. and Cohen F.S. Boston-Toronto, 1951. 1130 p.
17. Weber M. On Law in Economy and Society. Cambridge, Massachusetts, 1954. 78 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лезьер Виктория – доктор права и философии, президент Центра культуры и познания, директор научного сектора Центра в регионе Вар, Франция;
e-mail: vika-64@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria Lezier – Doctor of Philosophy, President of the Center for Culture and Knowledge;
e-mail: vika-64@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лезьер В. Коллизии права и морали в западной правовой традиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 25–36.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-25-36

FOR CITATION

Lezier V. Conflicts of Law and Morality in Western Philosophical Tradition and Modern Criminal Justice. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 25–36.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-25-36

УДК 343.232

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-37-48

КОЛЛИЗИИ И ПРОБЕЛЫ СОВРЕМЕННОГО КОСМИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА)

Мельников А.Г.

*Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королёва
141070, Московская обл., г. Королев, ул. Ленина, д. 4А, Российская Федерация
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации
117218, г. Москва, ул. Большая Черёмушкинская, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены коллизии и пробелы космического законодательства, возникающие при осуществлении космической деятельности. Автором показана важность совершенствования и дальнейшего развития теории космического права с учётом практических результатов и опыта, полученного при реализации современных космических программ. Исходя из природы и особенностей правоотношений в космическом пространстве, на конкретных примерах показаны проблемы и противоречия, возникающие в настоящее время при осуществлении деятельности по исследованию космического пространства, отмечены проблемы, которые в первую очередь нуждаются в дополнительном исследовании и юридической проработке. Отмечена необходимость совершенствования современного законодательства в сфере космического права. Исследуя проблему, автор использовал методы исторического, логического и сравнительно-правового анализа, а также структурно-функциональный метод. Эмпирической базой данного исследования послужили российские федеральные законы, международные договоры и соглашения Российской Федерации. В результате исследования сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в сфере космического права, поскольку на современном этапе космическое право отстаёт от практической космической деятельности.

Ключевые слова: космическое право, коллизии и пробелы законодательства, теория права.

CONFLICTS AND GAPS IN MODERN SPACE LEGISLATION (PRACTICAL ISSUES OF MODERN SPACE LAW)

A. Melnikov

*Public Joint Stock Company Rocket Space Corporation "Energia"
4A, Lenin st., Korolev, Moscow Region, 141070, Russian Federation
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Cheryomushkinskaya B. st., Moscow, 117218, Russian Federation*

© СС ВУ Мельников А.Г., 2018.

Abstract. The article analyses the conflicts and gaps of space legislation arising in the implementation of space activities. The author shows the importance of improvement and further development of the theory of space law, taking into account the practical results and experience gained in the implementation of modern space programs. Based on the nature and characteristics of legal relations in outer space, specific examples are provided to reveal the problems and contradictions that currently arise in space exploration, with the issues requiring additional research and legal study being highlighted. The necessity of improvement of the modern legislation in the sphere of space law is noted. Investigating the problem, the author used the methods of historical, logical and comparative legal analysis, as well as structural and functional method. The empirical base of this study was the Russian Federal laws, international treaties and agreements of the Russian Federation. The study concluded that there is a need for further improvement of the legislation in the field of space law, since at the present stage space law lags behind practical activities.

Key words: space law, conflicts and gaps of legislation, theory of law.

Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время космическое право представляет собой достаточно полную систему юридических норм, позволяющих регулировать общие вопросы космической деятельности. Однако с расширением практической деятельности в космосе неизбежно возникают и новые вопросы, исчерпывающие ответы на которые не может дать современное космическое право.

В настоящей статье рассмотрены некоторые из них, являющиеся наиболее показательными и позволяющие “почувствовать” те направления и институты права, которые в первую очередь нуждаются в дополнительном исследовании и юридической проработке.

Вопросы регулирования права собственности на космические объекты

Как ранее отмечалось в ряде исследований [2; 4], серьёзным ограничением оборотоспособности космических объектов являлась необходимость государственной регистрации прав собственности на них. Проблема со-

стояла в том, что, поскольку космические объекты юридически считались недвижимым имуществом, право собственности на такое имущество подлежало государственной регистрации и только с этого момента могло считаться публично достоверным.

Однако ввиду отсутствия системы государственной регистрации прав собственности на космические объекты, закреплённой на законодательном уровне в РФ, на практике данная задача была, к сожалению, неразрешима.

Однако уже относительно давно редакцией № 72 от 13.01.2014 в п. 1 ст. 130 ГК РФ внесено изменение, позволяющее более не относить космические объекты к недвижимому имуществу и, следовательно, не требовать государственной регистрации прав собственности на него. Данное обстоятельство осталось практически незамеченным юридическим сообществом, специализирующимся в области космического права, несмотря на то, что внесение данного изменения оказывает существенное влияние на оборотоспособность космических объектов, а также позволяет отметить положительную

динамику в решении на законодательном уровне вопросов космического права, прежде вызывавших трудности при осуществлении космической деятельности.

Таким образом, ввиду отнесения космических объектов к движимому имуществу, имущественные права на них, а также их динамика регулируются общими подходами регулирования прав на движимое имущество, однако с учётом особенностей и ограничений космического права. Так, в частности, важным условием остаётся необходимость регистрации космических объектов и их маркировки для последующего учёта в национальном регистре в соответствии с п. 1 ст. 17 закона РФ «О космической деятельности» [5], п. 1 ст. II и п. 1 ст. IV Конвенции ООН о регистрации космических объектов [8], а также внесения космических объектов в реестр ООН [8] в соответствии со специальной процедурой. При этом для каждого космического объекта необходимо предоставлять следующую информацию: а) название запускающего государства или запускающих государств; б) соответствующее обозначение космического объекта или его регистрационный номер; в) дату и территорию или место запуска; г) основные параметры орбиты, включая: i) период обращения, ii) наклонение, iii) апогей, iv) перигей; е) общее назначение космического объекта. Разумеется, осуществить вышеперечисленные действия, в т. ч. предоставить необходимую информацию, возможно только после запуска космического объекта на орбиту.

Однако для запуска космического объекта необходима также его государственная регистрация, поскольку

в соответствии с п. 1 ст. 15 закона о космической деятельности [5] использование (эксплуатация) космической техники разрешается только при условии государственной регистрации прав на неё. Т. е. для осуществления права использования космического объекта (т. е. для запуска космического объекта) необходимо ещё и выполнение условия о государственной регистрации права на него (аналог государственной регистрации транспортных средств [17]).

Следует отметить, что вышеописанные регистрационные мероприятия: регистрация космических объектов в национальном регистре, внесение в реестр ООН, а также государственная регистрация права – носят технический, учётный характер и не служат основанием для возникновения, изменения и прекращения прав собственности на них.

С принятием редакции № 72 ГК РФ от 13.01.2014 право собственности на космические объекты в общем случае возникает у лиц, изготовивших данные объекты (п. 1 ст. 218 ГК РФ), либо у приобретателей таких объектов по условиям договора (п. 2 ст. 218 ГК РФ).

Следует заметить, что отмеченное изменение в п. 1 ст. 130 ГК РФ не нашло соответствующего отражения и уточнений в формулировках закона РФ о космической деятельности, оставшихся в прежней редакции. В частности, неоднозначными являются формулировки п. 1 ст. 15 закона о космической деятельности: «Использование (эксплуатация) космической техники (при условии государственной регистрации прав на неё) осуществляется её собственником либо лицом, которому собственником или упол-

номоченным собственником лицом предоставлены в установленном законом порядке права на использование (эксплуатацию) космической техники» [5], а также п. 1 ст. 17 того же закона: «Космические объекты Российской Федерации подлежат регистрации и должны иметь маркировку, удостоверяющую их принадлежность Российской Федерации», – что может вводить в заблуждение и смешивать два принципиально разных понятия: государственную регистрацию прав на космический объект (когда он находится ещё на Земле) и занесение космического объекта в государственный регистр (когда он на орбите). Такое смешение понятий возникает также и вследствие недостатков юридической техники, а также отсутствия чётких дефиниций в космическом праве как на национальном, так и на международном уровнях.

Кроме того, следует подчеркнуть, что до настоящего времени так и не разработан порядок государственной регистрации прав на космический объект, что не позволяет осуществлять права пользования космическим объектом даже собственникам данного имущества. Т.е. существовавшая прежде проблема ограниченной оборотоспособности космических объектов как объектов недвижимого имущества ввиду отсутствия порядка государственной регистрации права собственности на него так и не решена. Упростив порядок приобретения и перехода прав собственности на космические объекты (переводя космические объекты в движимое имущество), законодатель проблему их ограниченной оборотоспособности перевёл в другую плоскость – в отсутствие возможности пользования (экс-

плуатации). Данная проблема требует серьёзного осмысления в целях принятия решения о скорейших мерах по разработке законодательных актов о порядке государственной регистрации космических объектов.

Вопросы отсутствия чёткой юридической терминологии в космическом праве

Интересно отметить, что до настоящего времени в международном космическом праве отсутствует чёткая терминологическая база. В частности, до сих пор нет формулировок базовых юридических понятий “космическое пространство”, “космический мусор”, “космическое имущество”, “космонавт”, “космический аппарат”, “космический объект” и др. [9].

В российском космическом законодательстве в дополнение к приведенной выше терминологии используется и другая, также не имеющая юридической дефиниции: “космическая техника”, “космическая инфраструктура”, “объект космической инфраструктуры”, “пилотируемый космический объект” и др. Данный недостаток юридической техники в космическом праве приводит к смешению понятий и, соответственно, к неизбежным коллизиям. Так, например, смешиваются понятия “космический объект” и “космическая техника” в законе РФ от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности», которые, как отмечалось выше, могут иметь юридически различные имущественные режимы (движимое и недвижимое имущество). Отсутствие определений “пилотируемый космический объект” и “космический объект” в ряде случаев приводит к их

смешению и возможности применения к пилотируемым и беспилотным космическим объектам одних и тех же положений, что выглядит абсурдным.

Приведённый список противоречий, порождаемых отсутствием универсальной юридической терминологии в космическом праве, не является исчерпывающим и может быть продолжен.

Нет необходимости в дополнительных пояснениях о важности скорейшей разработки юридических дефиниций и их соответствия требованиям юридической техники [11; 12; 13]. Достаточно вспомнить, что «... первый фактор исполняемости права заключается в удобоваримости определений. Право, использующее недостаточно конкретные определения, не будет исполнимым в том смысле, что в процессе его применения будут возникать сомнения и споры, порождающие юридическую необеспеченность...» [1], а также предостережение римских юристов о том, что любое юридическое определение несёт в себе опасность.

Вопросы правового статуса космонавтов

Как уже отмечалось выше, в настоящее время международное космическое право не содержит чёткого определения термина “космонавт”, несмотря на его использование в ст. V Договора по космосу 1967 г., в преамбуле Соглашения о спасании 1968 г., преамбуле Межправительственного соглашения по международной космической станции. В основополагающем документе – Договоре по космосу – лишь указано, что космонавты рассматриваются в качестве «посланцев

человечества в космос», однако, как отмечается в юридической литературе, такое определение вносит мало ясности в содержание самого понятия [9].

Российское законодательство делает попытку определения термина “космонавт” в ст. 20 закона РФ «О космической деятельности», а также термина «космонавт Российской Федерации» в ст. 2 «Положения о космонавтах Российской Федерации» [14].

Как следует из п. 1 ст. 20 закона РФ «О космической деятельности», космонавтом является гражданин Российской Федерации, выразивший желание участвовать в космических полетах и отвечающий установленным профессиональным и медицинским требованиям, отобранный для подготовки и осуществления космических полётов на основе конкурса.

Из приведённой формулировки следует, что иностранные граждане, проходящие подготовку к космическому полёту в Российской Федерации либо участвующие в полёте на пилотируемом космическом объекте Российской Федерации, не могут считаться космонавтами. С этим трудно согласиться, поскольку в составе экипажей кораблей «Союз» уже многие годы летают иностранные граждане, и, кроме того, термин “космонавт” используется в международном космическом праве: в ст. V Договора по космосу 1967 г. и Преамбуле Соглашения о спасании 1968 г. без национальной принадлежности (гражданства).

Как можно заключить из ст. 2 Положения о космонавтах Российской Федерации, указанная формулировка относится к термину «космонавт Российской Федерации», а не вообще ко всем космонавтам.

Исходя из этого, на практике статус иностранных космонавтов и их правовое положение регулируется международными договорами по космическим полётам, а также соответствующими положениями международных договоров по Международной космической станции [15]. Так, при полетах на Международную космическую станцию (МКС) для иностранных космонавтов используется дефиниция «Участник космического полета» (далее – УКП), имеющая следующее содержание: «УКП – участник космического полёта, соответствующий Принципам МКС по отбору, допущенный к специальной подготовке решением Российской государственной медицинской комиссии, ответственной за медицинский допуск космонавта / УКП к специальной подготовке и космическому полету». В п. 7 ст. С Кодекса поведения экипажа Международной космической станции [7] используется также определение «член экипажа МКС» – «любое лицо, утверждённое на полет на МКС как в составе экспедиционного экипажа, так и экипажа посещения МКС, с момента назначения в экипаж на конкретный полёт и вплоть до завершения послеполётной деятельности, связанной с данным полётом».

Однако приведённые юридические дефиниции являются временным, частным правовым решением, специально разработанным для сотрудничества по МКС, и не могут быть применены для регулирования космических полётов вне МКС (в т. ч. к Луне, другим небесным телам).

Кроме того, в круг обозначенной проблемы о правовом статусе космонавтов входит вопрос о гражданской принадлежности командира экипажа

пилотируемого космического объекта. Так, в соответствии с п. 3 ст. 20 закона РФ от 20.08.1993 № 5663-1 «О космической деятельности» командиром экипажа пилотируемого космического объекта Российской Федерации назначается космонавт-гражданин Российской Федерации. Иными словами, если в качестве космонавта (иностранного космонавта) в состав экипажа российского космического корабля может быть назначен иностранный гражданин, то командиром может быть только гражданин РФ.

В данном случае российское законодательство использует подходы, аналогичные подходам, принятым в морском и воздушном праве для командиров судов (п. 1 ст. 56 Кодекса торгового мореплавания [7], п. 4 ст. 56 Воздушного кодекса Российской Федерации [3]). Однако в отношении Воздушного кодекса можно отметить, что положения ст. 56 кодекса были изменены федеральным законом от 20.04.2014 № 73-ФЗ «О внесении изменений в статью 56 Воздушного кодекса Российской Федерации», а также федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» с возможностью назначения командиром воздушного судна иностранного гражданина [16]. Данная мера была направлена на привлечение в РФ недостающих членов экипажей / командиров российских гражданских судов, поскольку образовался их серьёзный дефицит.

Поскольку, как уже отмечалось [10, с. 51], при организации коммерческих космических полётов возникает необходимость в назначении командиром экипажа пилотируемого космического

объекта Российской Федерации иностранного гражданина (в целях снижения коммерческой стоимости услуги по осуществлению космического полёта в расчёте на одного космонавта и, соответственно, повышению конкурентоспособности российских космических услуг на рынке), было бы разумно использовать тот же подход и в российском космическом законодательстве.

Необходимость смягчения государственного контроля

Анализируя основополагающие документы, составляющие правовую базу международного космического права, а также российского космического законодательства, можно отметить в них отличие формулировок, интерпретирующих ответственность государства за национальную деятельность в космическом пространстве. Так, в ст. VI Договора по космосу устанавливается международная ответственность государств за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с положениями, содержащимися в Договоре.

Вместе с тем в той же статье Договора указано, что Деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства-участника Договора.

Таким образом, в отношении деятельности неправительственных юридических лиц предусматривается “разрешение” и “наблюдение” государства (уполномоченного государственного органа).

Рассматривая формулировки российского законодательства о космической деятельности, можно отметить более жёсткие формулировки по данному вопросу. Так, в п. 2 ст. 5 того же закона РФ определяется, что общее руководство космической деятельностью осуществляет Президент Российской Федерации. Ст. 6 закона устанавливается, что Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» является уполномоченным органом по космической деятельности и осуществляет руководство космической деятельностью, в т. ч. «организует и координирует работы по коммерческим космическим проектам и содействует их осуществлению». Вместе с тем п. 1 ст. 2 закона РФ о космической деятельности устанавливается, что под “космической деятельностью” понимается любая деятельность, связанная с непосредственным проведением работ по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Т. е. данное определение включает в себя всю космическую деятельность, в т. ч. и коммерческую деятельность, проводимую частными коммерческими организациями в области космоса.

Таким образом, можно констатировать, что вся космическая деятельность, в т. ч. коммерческая космическая деятельность, находится под государственным руководством и контролем.

Руководство и контроль государства в отношении коммерческой космической деятельности не может не вызывать вопросов, поскольку девальвирует коммерческий интерес частных юридических и физических лиц и снижает их заинтересованность в такой деятельности.

Таим образом, налицо смещение смыслового акцента в понимании коммерческой деятельности частных лиц на международном и национальном уровнях: с одной стороны, она проводится с разрешения и под постоянным наблюдением государства (ст. VI Договора по космосу), с другой, под его руководством и контролем (ст. 6 закона РФ о космической деятельности).

Поскольку существующая мировая практика подтверждает сомнительность тезиса о необходимости жёсткого контроля государств за коммерческой деятельностью вообще и коммерческой космической деятельностью в частности, было бы разумно использовать в российском законодательстве о космической деятельности дефиницию “коммерческая космическая деятельность”, которая придерживалось бы формулировок ст. VI Договора по космосу, т. е. проводилась бы с разрешения и под постоянным наблюдением государства.

**Необходимость разработки
юридических документов,
обеспечивающих правовое
регулирование космической
деятельности за пределами низкой
околоземной орбиты**

Реализация серьёзных космических проектов ввиду их финансовой и технологической масштабности требует участия многих международных ор-

ганизаций и юридических лиц, что, в свою очередь, влечёт необходимость разработки новых подходов в правовом регулировании отношений, возникающих при такой деятельности, а также использования новых юридических конструкций. Так, созданию Международной космической станции (МКС) предшествовала более чем 5-летняя работа юристов космических ведомств разных стран по разработке соответствующей правовой базы. Такая правовая основа была разработана в 1998 г. в форме Межправительственного соглашения по МКС [15].

Уже имеющийся 20-летний опыт работы по программе МКС подтвердил правильность основных юридических подходов, реализованных в Соглашении по МКС, и в частности подходов, ранее не применявшихся в космической деятельности, таких как принцип взаимного отказа от требований об ответственности за причинённый ущерб (cross waiver of liability), нормы об осуществлении юрисдикции над орбитальными элементами МКС, в т. ч. для целей применения национальных законодательств об интеллектуальной собственности, нормы распоряжения правами собственности и использования на элементы МКС в форме передачи, продажи и обмена, нормы Кодекса поведения экипажа МКС и др.

Однако следует отметить, что разработанные и успешно реализованные в Соглашении по МКС юридические нормы являются решением частной задачи – технического проектирования, создания, эксплуатации и использования постоянно обитаемой Международной космической станции гражданского назначения [15, п. 2, ст. 1]. В данном контексте, принимая

во внимание планируемый срок завершения эксплуатации МКС в 2024 г., планы по созданию новых международных станций за пределами орбиты Земли (например, окололунная станция Lunar Orbital Platform-Gateway), планы по международным космическим полетам в дальний космос, к Луне, Марсу и другим небесным телам, совершенно очевидным представляется необходимость в скорейшей разработке новых универсальных подходов и принципов правового регулирования космической деятельности, в первую очередь пилотируемой космонавтики, на основе имеющегося опыта международного сотрудничества по программе МКС.

Заключение

В результате исследования, проведенного с позиции теории права, отмечены “наиболее показательные” пробелы и коллизии действующего законодательства о космической деятельности, а также возможные пути их преодоления.

Разумеется, наряду с отмеченными вопросами существуют и другие проблемные зоны в космическом праве, не

рассмотренные в данном исследовании и ожидающие своего изучения. Однако для эффективного решения всего перечня задач необходимо учитывать их комплексность, а именно тот факт, что правовое регулирование космической деятельности осуществляется как на уровне международного, так и на уровне национального права. В связи с этим проблема, возникающая на каком-либо из этих уровней, неизбежно влияет и на другой. Особенно заметно это влияние на уровне международном в силу его иерархического приоритета. Так, не до конца решенная проблема на уровне международного космического права чаще всего не может быть скомпенсирована нормами национального права, хотя такие попытки и осуществляются, в частности, в национальном законодательствах США, Люксембурга в отношении возможности использования космических ресурсов [19, с. 83]. Таким образом, первоисточником правовых коллизий в первую очередь является международное космическое право, и, следовательно, устранение таких недоразумений возможно только силами юристов всех заинтересованных государств-участников соглашений по космосу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергель Ж.Л. Общая теория права / пер. с фр. Г.В. Чуршукова; под общ. ред. В.И. Даниленко. М.: Nata Bene, 2000. 576 с.
2. Вербицкая Ю.О. Космические объекты как объекты гражданского оборота // Объекты гражданского оборота: сб. статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 465–480.
3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.08.2018) // Российская газета. 1997. 26 марта.
4. Гришаев С.П. Морские, воздушные суда, суда внутреннего плавания и космические объекты как разновидность недвижимости // Цивилист: научно-практический журнал. 2006. № 2. С. 30–35.
5. Закон РФ от 20.08.1993 № 5663-1 (ред. от 07.03.2018) «О космической деятельности» // Российская газета. 1993. 06 окт.

6. Кодекс поведения экипажа Международной космической станции (одобрено распоряжением Правительства РФ от 27.10.2000 № 1522-р) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 45. Ст. 4507.
7. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. 1999. 01–05 мая.
8. Конвенция ООН «О регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство» (принята резолюцией 3235 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12.11.1974) [Электронный ресурс] // ООН: [сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 30.11.2018).
9. Международное космическое право: учеб. / под ред. Г.П. Жукова, А.Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2014. 524 с.
10. Мельников А.Г. Особенности правоотношений в космическом пространстве // Юридический мир. Юрист. 2018. № 9. С. 48–52.
11. Певцова Е.А. Юридические коллизии и пробелы законодательного регулирования в сфере образования // Народное образование. 2009. № 1. С. 172–180.
12. Певцова Е.А. Юридические конструкции в современном праве (на примере космического права) // Юридическое образование и наука. 2018. № 11.
13. Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Профессиональное суждение юристов о проблемах правоприменения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 19–32.
14. Постановление Правительства РФ от 10.05.2017 № 551 «Об утверждении Положения о космонавтах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 21. Ст. 3004.
15. «Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по Международной космической станции гражданского назначения» от 29.01.1998 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2411.
16. Федеральный закон от 20.04.2014 № 73-ФЗ «О внесении изменений в статью 56 Воздушного кодекса Российской Федерации, федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 19.07.2018) “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» // Российская газета. 2014. 23 апр.
17. Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступает в силу с 04.08.2019) // Российская газета. 2018. 06 авг.
18. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 23 апр.
19. Юзбашян М.Р. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал международного права. 2017. № 106 (2). С. 71–86.

REFERENCES

1. Berjel J.L. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, *Nota Bene Publ.*, 2000. 576 p.

2. Verbitskaya Yu.O. *Kosmicheskie ob'ekty kak ob'ekty grazhdanskogo oborota* [Space Objects as Items of Civil Turnover]. In: *Ob'ekty grazhdanskogo oborota: sb. statei* [The Items of Civil Turnover: a Collection of Papers]. Moscow, Statut Publ., 2007. Pp. 465–480
3. [The Air Code of the Russian Federation dated 19.03.1997 no. 60-FZ (ed. on 03.08.2018) (revised and enforced on 14.08.2018)]. In: *Rossiiskaya gazeta.*, no. 59–60. 26.03.1997.
4. Grishaev S.P. [Marine, aircraft, inland vessels and space objects as a kind of real estate]. In: *Tsivist. Nauchno-prakticheskii zhurnal* [Civilist. Theoretical and Practical Journal], 2006, no. 2, pp. 30–35.
5. [The Law of the Russian Federation dated 20.08.1993 no. 5663-1 (ed. on 07.03.2018) “On Space Activities”]. In: *Rossiiskaya gazeta.*, no. 186. 06.10.1993.
6. [The Code of the Conduct of the Crew of the International Space Station (approved by the Decree of the RF Government dated 27 October 2000, no. 1522-R)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 06.11.2000, no. 45, Art. 4507.
7. [The Merchant Shipping Code of the Russian Federation of 30.04.1999 no. 81-FZ (as amended on 29.12.2017)]. In: *Rossiiskaya gazeta.*, no. 85–86. 01–05.05.1999.
8. [The UN Convention “On registration of objects launched into outer space”, adopted by resolution 3235 (XXIX) of the UN General Assembly dated 12 November 1974]. In: OON [UN]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (accessed: 30.11.2018).
9. Zhukov A.Kh. *Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo* [International Space Law]. Moscow, RUDN Publ., 2014. 524 p.
10. Mel'nikov A.G. [Features of Legal Relations in Outer Space]. In: *Yuridicheskii mir* [Legal World], 2018, no. 9, pp. 48–52.
11. Pevtsova E.A. [Legal Conflicts and Gaps in the Legislative Regulation in the Sphere of Education]. In: *Narodnoe obrazovanie* [National Education], 2009, no. 1, pp. 172–180.
12. Pevtsova E.A. [The Legal Structure in Modern Law (an Example of Space Law)]. In: *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Legal Education and Science], 2018, no. 11.
13. Pevtsova E.A., Sokolov N.Ya. [Professional Judgment of Lawyers' Problems of Law Enforcement]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2018, no. 1, pp. 19–32.
14. [Resolution of the Government of the Russian Federation dated 10.05.2017 no. 551 “On Approval of the Regulations on the Cosmonauts of the Russian Federation”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 22.05.2017, no. 21. Art. 3004.
15. [Agreement Between the Government of Canada, Governments of Member States of the European Space Agency, the Government of Japan, the Government of the Russian Federation and the Government of the United States of America Concerning Cooperation on the International Space Station For Civil Purposes” dated 29.01.1998]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 11.06.2001, no. 24. Art. 2411.
16. [Federal Law dated 20.04.2014 no. 73-FZ “On Amendments to Article 56 of the Air Code of the Russian Federation”, Federal Law dated 25.07.2002 no. 115-FZ (as amended on 19.07.2018) “On Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation”]. In: *Rossiiskaya gazeta.*, no. 92. 23.04.2014.

17. [Federal Law of 3 August 2018 no. 283-FZ “On State Registration of Vehicles in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (enforced since August 4, 2019)]. In: *Rossiiskaya gazeta*, no. 170. 06.08.2018.
 18. [Federal Law dated 25.07.2002 no. 115-FZ (as amended on 19.07.2018) “On Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation”]. In: *Rossiiskaya gazeta*, no. 92. 23.04.2014.
 19. Yuzbashyan M.R. [US Law on Exploration and Use of the Outer Resources 2015 and International Space Law]. In: *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2017, no. 106 (2), pp. 71–86.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельников Александр Георгиевич – начальник службы внешнеторговых контрактов и соглашений ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С.П. Королёва, сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: Alexander.Melnikov@rsce.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Melnikov – Head of the Service of Foreign Trade Contracts and Agreements of Public Joint Stock Company Rocket Space Corporation “Energia”, researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;
e-mail: Alexander.Melnikov@rsce.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мельников А.Г. Коллизии и пробелы современного космического законодательства (теоретико-правовые и практические вопросы современного космического права) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 37–48.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-37-48

FOR CITATION

Melnikov A.G. Conflicts and Gaps in Modern Space Legislation (Practical Issues of Modern Space Law). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 37–48.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-37-48

УДК 342

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-49-56

РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ ПАРТИЕЙ МОЖЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ БЕЗ ДОЛЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВОВОЙ БАЗЕ: ОПЫТ СССР В 1953–1963 ГГ.

Никитин А.В.¹, Филиппов В.А.², Морозова А.Д.³

¹Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а, Российская Федерация

²Межрегиональное управление Федеральной службы по регулированию

алкогольного рынка по Приволжскому федеральному округу

603022, г. Нижний Новгород, ул. 1-я Оранжерейная, д. 30, Российская Федерация

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

Президенте Российской Федерации, Нижегородский институт управления

603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является выявление проблемы игнорирования права в ходе борьбы за власть после смерти И.В. Сталина, а также в дальнейшем в период “оттепели”. Авторами проанализированы отдельные значимые особенности управления партией и государством без апелляции к действующему законодательству, в том числе и Уставу КПСС. Проанализированы преобразования партийного управления промышленностью и сельским хозяйством при Н.С. Хрущёве. Выявлены особенности правового обеспечения преобразований регионального партийного управления промышленностью и сельским хозяйством 1962–1963 гг. По итогам исследования сделаны выводы о внеправовом характере управления государством и экономикой со стороны лидеров СССР и КПСС в 1953–1963 гг. Дана авторская трактовка особенности внеправового управления партией в тоталитарном государстве.

Ключевые слова: КПСС, генеральный секретарь, первый секретарь, внеправовой характер, областной комитет партии, нормативно-правовой акт.

THE REFORM OF PARTY MANAGEMENT CAN BE CARRIED OUT WITHOUT CHANGES IN LEGAL FRAMEWORK: THE USSR EXPERIENCE IN 1953–1963

A. Nikitin¹, V. Philippov², A. Morozova³

¹Linguistics University of Nizhny Novgorod

31A, Minin st., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation

²Interregional Agency of Federal Service for Alcohol Market Regulation Across the Volga Federal District

30, Pervaya Orangereynaya st., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

³Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

46, Gagarin st., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to identify the problem of ignoring the law in the struggle for power after the death of Stalin and during the “thaw period”. The authors analyzed some significant features of party and state management without appeal to the current legislation. The transformations of the party control of industry and agriculture during N.S. Khrushchev’s time in office were studied. The features of legal support of transformations industry and agriculture management by the party in 1962–1963 are revealed. A conclusion was made on the non-legal control over the state and economy exercised by the leaders of the Soviet Union and the Communist party in 1953–1963. The authors suggest their own interpretation of the features of non-legal control of the party in a totalitarian state.

Key words: CPSU, General Secretary, First Secretary, non-legal nature, regional party committee, normative legal act. t Secretary, non-legal nature, regional party Committee, normative legal act.

Смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г. привела к началу трансформации управления страной. Лидеры государства осознавали отсутствие у них такого же авторитета, как у покойного вождя, а потому вынуждены были пойти на коллективное управление страной. Т. е. ставка на коллегиальность во многом была следствием компромисса, а не доброй воли кого-либо из соратников И.В. Сталина.

В связи с этим изменения в управлении коснулись и КПСС, которая в Советском Союзе, как и в иных тоталитарных государствах, являлась не столько объединением политических единомышленников, сколько одной из наиболее значимых составляющих государственного аппарата.

Как известно, И.В. Сталин ещё с 1922 г. фактически был главным лицом в партии – сначала в ВКП(б), а затем в КПСС. При этом важно подчеркнуть, что как таковой пост генерального секретаря ЦК ВКП(б) (КПСС) нашёл своё отражение в партийном Уставе лишь в 1966 г. [6, с. 20], а пост первого секретаря ЦК КПСС, соответственно, не упоминался в нём никогда. В Уставе ВКП(б) от 1937 г. (в который вносились изменения, в том числе и связанные с названием партии в 1952 г.!) шла речь

лишь о Секретариате ЦК (п. 32, 37). Сама должность секретаря ЦК КПСС, которую занимал И.В. Сталин вплоть до своей кончины, также никак в Уставе не была отражена.

Отметим, что сразу после смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. начались преобразования аппарата ЦК, продолжавшиеся вплоть до середины 1954 г. Крайне оперативно, уже 5 марта 1953 г. на совместном заседании Пленума ЦК, Совета министров и Президиума Верховного Совета было принято решение об упразднении таких неупоминавшихся в Уставе КПСС структур, как Бюро президиума ЦК и постоянных комиссий, отвечавшие за внешние дела, вопросы обороны и идеологии [7, с. 58, 59]. Поста секретаря ЦК КПСС это решение не коснулось, однако назначение кого-либо на этот пост было временно отложено. Полагаем, что данный факт был следствием поиска компромисса внутри политической элиты страны. В марте 1953 г. наиболее значимыми фигурами на политическом олимпе СССР являлись председатель Совета министров СССР Г.М. Маленков, глава МВД Л.П. Берия и глава МИД В.М. Молотов. Не случайно Д.Т. Шепилов декларировал, что принцип коллективного руководства означал полное

равенство лидеров КПСС (Г.М. Маленкова, Л.П. Берии, В.М. Молотова), выступавших на похоронах И.В. Сталина [13, с. 156]. Ни Н.М. Шверник, ни К.Е. Ворошилов (именно он сменил Н.М. Шверника на посту Председателя президиума Верховного совета СССР) в числе членов “коллективного руководства” не упоминались, что было не удивительным, ибо советский “парламент” реальных рычагов власти не имел [1, с. 116; 8, с. 29].

Что же касается управления КПСС, 14 марта 1953 г. было принято решение о том, что партия также будет управляться коллективно. Если до 5 марта 1953 г. И.В. Сталин был единственным секретарём ЦК КПСС, то, начиная с 14 марта 1953 г., таковых стало пять: Н.С. Хрущёв, С.Д. Игнатьев, П.Н. Поспелов, М.А. Суслов и Н.Н. Шаталин. Формально ни о каком первенстве Н.С. Хрущёва в этой “пятёрке” речь не шла, хотя и его фамилия была упомянута первой. Впрочем, нельзя не отметить, что его аппаратный вес был выше, чем у других секретарей ЦК. На это указывает то, что только он входил на момент смерти И.В. Сталина в состав Бюро Президиума ЦК КПСС. Впрочем, даже это обстоятельство не делало его фаворитом в соревновании за власть в стране [7, с. 60]. Считается, что в неофициальной табели о рангах в марте 1953 г. Н.С. Хрущёв шёл под номером пять [6, с. 21].

Нельзя также не указать, что В.М. Молотов отправил в адрес именно Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущёва краткие записи своих бесед, проведённых им 11 марта 1953 г. с членами делегаций Афганистана, Финляндии и Турции, прибывших на похороны И.В. Сталина. Копии этих же отчё-

тов были высланы также Л.П. Берии, К.Е. Ворошилову, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, М.З. Сабурову, А.И. Микояну и М.Г. Первухину. При этом именно Н.С. Хрущёв – адресат под номером два. На этом основании был сделан вывод, что его возвышение имело место между 7 и 12 марта 1953 г. [6, с. 21]. Впрочем, только такое объяснение начала возвышения Н.С. Хрущёва представляется авторам статьи мало обоснованным. Гораздо большую роль сыграли такие обстоятельства, как активное участие Н.С. Хрущёва в свержении Л.П. Берии, самоустранение Г.М. Маленкова от управления партией и применение по сути сталинских технологий в продвижении к власти самим Н.С. Хрущёвым. Важной вехой в его борьбе за единоличное управление страной стало его избрание 7 сентября 1953 г. на пленуме ЦК первым секретарём ЦК КПСС. Ещё раз обращаем внимание на то, что этот пост в Уставе партии прописан тогда не был [11], а сам Н.С. Хрущёв, будучи весьма активным реформатором, не удосужился добиться включения хоть какого-нибудь упоминания об этой должности в партийном уставе [10, с. 215].

Таким образом, борьба внутри политической элиты СССР после смерти И.В. Сталина наглядно продемонстрировала внеправовой характер управления как КПСС, так и страной в целом. В самом деле, только при неправовом характере управления возможно, чтобы главным лицом, принимающим решения, стал обладатель поста, не упомянутого не только в Конституции СССР, но даже в локальном нормативно-правовом акте, которым, по сути, является устав политической пар-

тии. Отметим также, что возвышение Н.С. Хрущёва было связано не столько с процедурой выборов, но с его активными действиями по устранению конкурента в борьбе за власть.

Ещё одним крайне значимым преобразованием (формально партийным!) стала реформа 1962 г., касавшаяся разделения областных комитетов КПСС на промышленные и сельскохозяйственные. Исследователями отмечалось, что ввиду снижения производственных темпов руководство страны активно занималось поиском путей повышения эффективности управления. В 1962 г. Н.С. Хрущев выдвинул предложение, суть которого заключалась в разделении управленческих органов государства и партии по производственно-отраслевому принципу, а именно: на промышленные и сельскохозяйственные. Некоторыми исследователями высказывалась идея, согласно которой эти перемены в партийных и государственных органах страны в 1962–1964 гг. стали не только самой крупной реорганизацией в управлении страной, но также в конечном итоге приблизили отстранение от власти Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. [4, с. 160].

Разумеется, находясь на позициях аналитической юриспруденции, отметим, что в полной мере планы Хрущева реконструировать невозможно. Кроме того, состоявшееся меньше чем через два года его отстранение от власти и немедленная отмена деления партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные не позволили реформе доказать истинность её замысла. Впрочем, вполне можно утверждать, что наиболее значимой предпосылкой разделения аппарата было именно углубление экономиче-

ских трудностей и социальной напряжённости в СССР [12, с. 165]. Особенно это касалось аграрного сектора. Сам Н.С. Хрущёв, много делавший именно для развития сельского хозяйства (одна только “кукурузная кампания” в полной мере подтверждает этот тезис), признавал, что эта отрасль экономики была и оставалась малоуправляемой. В реалиях же плановой мобилизационной экономики такого рода положение дел было недопустимым.

В своих записках в Президиум ЦК КПСС, на заседаниях Президиума и на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС (1962 г.) Н.С. Хрущев последовательно развивал своё предложение о расчленении партийных органов “снизу доверху” по производственному принципу, т. е. так же, как и первичных партийных организаций. Он сумел заручиться поддержкой в партии, и в результате Пленум ЦК КПСС постановил: иметь в краевой, областной партийной организации комитет партии, который бы руководил промышленностью, и комитет, который бы отвечал за руководство аграрным сектором. Оба они в своей работе должны были следовать положениям Устава КПСС о краевых и областных парторганизациях. Кроме того, было принято решение об организации в рамках ЦК КПСС и ЦК компартий союзных республик бюро по руководству промышленным производством и бюро по руководству аграрным сектором. Ещё было постановлено укрупнить сельские районы и преобразовать их в производственные колхозно-совхозные управления. Изменённая структура региональных партийных органов нашла отражение в соответствующем постановлении Президиума ЦК КПСС [3, с. 28]. В постановлении Пленума ЦК КПСС по докладу

тов. Н.С. Хрущёва, принятом 23 ноября 1962 г., говорилось, в частности, следующее: «Признать необходимым реорганизовать руководящие органы партии снизу доверху, положив в основу производственный принцип ... Образовать в пределах ныне существующего края, области, как правило, две самостоятельные партийные организации: краевую, областную партийную организацию, объединяющую коммунистов, работающих в промышленности ... краевую, областную партийную организацию, объединяющую коммунистов, работающих в колхозах и совхозах...» [9, с. 448, 449].

Итоговое решение было оформлено постановлением Президиума ЦК КПСС 20 декабря 1962 г., когда рассматривался вопрос «О реорганизации руководящих партийных органов в областях, краях, автономных и союзных республиках». Коснулось новое деление партийных органов, правда, не всех регионов СССР. «В целом по СССР самостоятельные краевые и областные партийные комитеты по руководству промышленностью и сельским хозяйством создавались в 5 краях и 70 областях страны» [4, с. 28]. Судя по всему, основной целью реформы являлась концентрация партийных ресурсов на повышении производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве [5, с. 82, 83]. Кроме того, видимо, была сделана ставка на повышение роли персональной ответственности глав обкомов, поскольку такая могла помочь как можно быстрее добиться хозяйственного успеха [2, с. 523]. Иначе говоря, обращение к правовым нормам показывает, что вместо создания государством возможностей для оптимального развития сельского хозяйства была сделана

ставка на организационную реструктуризацию, оформляемую всего лишь нормативно-правовым актом даже без должного изменения в общесоюзном законодательстве.

В целом можно признать, что пример разделения областных партийных комитетов по производственному признаку не только присущ хрущёвскому периоду, практике своего рода скачкообразных изменений в законодательстве [5, с. 16] и правоприменительной практике, но также и тезису о внеправовом характере управления государством и экономикой – важнейшей реформе, итоги которой во многих странах были бы закреплены даже конституционно, в СССР были оформлены локальным нормативно-правовым актом. Т. е. в период “оттепели” признавалось, что право вторично по отношению к эффективности управления государством (а точнее, к пониманию таковой фактическим главой государства). Можно признать, что отдельные рудименты отношения к правовым нормам как к чему-то вторичному сохранились и после краха СССР и отмирания советского права – например, в Конституции так и не прописаны институты полномочных представителей в федеральных округах, хотя роль таковых в управленческих процессах является весомой. Т. е. представления о том, что эффективность управления и назначение персонально ответственных лиц важнее надлежащего законодательного закрепления изменений в системе органов власти, характерные для СССР (не в последнюю очередь периода “оттепели”!), не были изжиты до конца и в постсоветский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биюшкина Н.И. Коллизии в советском праве периода кодификации середины 1950-х – середины 1960-х годов // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 114–117.
2. Вагапов Р.Р. Башкирский областной комитет КПСС в эпоху Н.С. Хрущева: отдельные аспекты изучения в отечественной историографии // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 6. С. 523–531.
3. Ведерников А.В. Взаимодействие региональных партийных органов КПСС в период реорганизации по производственному принципу (1962–1964 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11–1 (49). С. 28–30.
4. Ведерников А.В. Реорганизация партийных органов РСФСР по производственно-отраслевому принципу в 1962–1964 гг. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2014. № 3. С. 158–171.
5. Кузьмин С.И., Селезнева И.В. Опыт реформирования системы исправительно-трудовых учреждений в советском государстве (Середина 50-х – конец 60-х гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 3. С. 13–19.
6. Максименков Л. Кто вы, мистер Хрущев? Субъективные заметки на фоне протоколов политбюро // Родина. 2004. № 3. С. 20–25.
7. Павлов М.Ю. Путь Хрущева к “облегченному” культу личности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3. С. 58–66.
8. Пахомова Е.А. История формирования российского права в 1990–1991 годах // Казанская наука. 2014. № 12. С. 28–32.
9. Пленум Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, 19–23 ноября 1962 года: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 607 с.
10. Пыжиков А.В. Общественно-политическое развитие советского общества в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 326 с.
11. Устав Коммунистической партии Советского Союза (утвержден XXII съездом КПСС). М.: Госполитиздат, 1963. 112 с.
12. Хлевнюк О.В. Роковая реформа Н.С. Хрущева: Разделение партийного аппарата и его последствия. 1962–1964 годы // Российская история. 2012. № 4. С. 164–179.
13. Юрганов А.Л. «Культ личности» в марте 1953 года // Россия XXI. 2011. № 2. С. 148–165.

REFERENCES

1. Biyushkina N.I. [Conflict in the Soviet Law in the Period of Codification During mid-1950s – mid 1960s Years]. In: *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Techniques], 2017, no. 11, pp. 114–117.
2. Vagapov R.R. [Bashkir Regional Committee of the Communist Party During the Office of N.S. Khrushchev: Some Aspects of Research into National Historiography]. In: *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian Journal for Humanities], 2017, vol. 6, no. 6, pp. 523–531.
3. Vedernikov A.V. [The Interaction of Regional Party Bodies of the CPSU in the Period of Reorganization on the Production Principle (in 1962–1964)]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 11–1 (49), pp. 28–30.
4. Vedernikov A.V. [The reorganization of the party organs of the RSFSR according to the production branch principle in 1962–1964.]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21:*

- Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2014, no. 3, pp. 158–171.
5. Kuz'min S.I., Selezneva I.V. [The experience of reforming the system of corrective labor institutions of the Soviet state (mid 1950s – late 1960s)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2014, no. 3, pp. 13–19.
 6. Maksimenkov L. [Who are you, Mr. Khrushchev? Subjective notes on the background of the protocols of the Politburo]. In: *Rodina*, 2004, no. 3, pp. 20–25.
 7. Pavlov M.Yu. [Khrushchev's Way to "Lightweight" Cult of Personality]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2011, no. 3, pp. 58–66.
 8. Pakhomova E.A. [The History of Russian Law in 1990–1991]. In: *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2014, no. 12, pp. 28–32.
 9. *Plenum Tsentral'nogo Komiteta Kommunisticheskoi Partii Sovetskogo Soyuza, 19–23 noyabrya 1962 goda: stenograficheskii otchet* [The Plenum of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, November 19–23, 1962: transcript]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 607 p.
 10. Pyzhikov A.V. *Obshchestvenno-politicheskoe razvitie sovetskogo obshchestva v 1953–1964 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Socio-Political Development of the Soviet Society in 1953–1964: PhD Thesis in History]. Moscow, 1998. 326 p.
 11. *Ustav Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza: Utverzhden XXII s'ezdom KPSU* [The Charter of the Communist Party of the Soviet Union: Approved by the 22nd Congress of the CPSU]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 112 p.
 12. Khlevnyuk O.V. [Fatal Reform by N.S. Khrushchev: Separation within the Party Government and its Consequences. 1962–1964]. In: *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2012, no. 4, pp. 164–179.
 13. Yurganov A.L. [“Cult of Personality” in March 1953]. In: *Rossiya XXI*, 2011, no. 2, pp. 148–165.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никитин Александр Всеволодович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова;
e-mail: kirill-lena@mail.ru

Филиппов Вячеслав Александрович – специалист 1 разряда отдела по контролю за соблюдением лицензионных условий и требований в сфере производства этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции Межрегионального управления федеральной службы по регулированию алкогольного рынка по Приволжскому федеральному округу;
e-mail: filippovyacheslav@mail.ru

Морозова Анастасия Дмитриевна – студентка факультета экономики и права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы;
e-mail: 98rabbit@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksander V. Nikitin – PhD in Law, associate professor, head of the Department of Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication at Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N.A. Dobrolyubov
e-mail: kirill-lena@mail.ru

Vyacheslav A. Philippov – expert of the first category at the Department of Control over the Observance of License Conditions and Requirements in the Sphere Of Production of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products, at Interregional Agency of Federal Service for Alcohol Market Regulation Across the Volga Federal District;
e-mail: filippovyacheslav@mail.ru

Anastsiya D. Morozova – student, Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: 98rabbit@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин А.В., Филиппов В.А., Морозова А.Д. Реформа управления партией может осуществляться без должных изменений в правовой базе: опыт СССР в 1953–1963 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 49–56.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-49-56

FOR CITATION

Nikitin A.V., Philippov V.A., Morozova A.D. The Reform of Party Management Can Be Carried Out Without Changes in Legal Framework: The USSR Experience in 1953–1963. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 3, pp. 49–56.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-49-56

УДК 343.811

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-57-69

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Салаев Н.С.*Ташкентский государственный юридический университет**100047, г. Ташкент, Юнусабадский район, ул. Сайилгох, д. 35, Республика Узбекистан*

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы пенитенциарной политики Узбекистана с философской и политико-правовой точек зрения. Автору удалось впервые осуществить комплексный анализ деятельности пенитенциарной системы в целом, выявить недостатки и проблемы, препятствующие эффективной реализации возложенных на данные учреждения задач. Проанализированы и выявлены следующие проблемы: низкая эффективность принимаемых мер по обеспечению трудовой занятостью осуждённых; очень низкой остаётся вовлечённость хозяйственных субъектов к использованию труда осуждённых, требуются дальнейшее совершенствование и работа по организации получения осуждёнными общего (среднего) образования, в том числе среднего специального и профессионального образования, на невысоком уровне остаётся укомплектование пенитенциарных учреждений высококвалифицированными специалистами в таких сферах, как криминальная педагогика и психология, криминология, виктимология, существуют определённые проблемы и в сфере внедрения в деятельность пенитенциарных учреждений современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих открытость и гласность их деятельности.

Ключевые слова: преступность, репрессии, пенитенциарная политика, осуждённые, колонии, тюрьмы, криминальная субкультура, учреждения по исполнению наказаний.

TO THE ISSUE OF THE IMPACT OF HISTORICAL-PHILOSOPHICAL AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS ON THE IMPLEMENTATION OF THE TASKS OF THE STATE PENITENTIARY POLICY

N. Salayev*Tashkent State Legal University**35, Sayilgokh st., Yunusabad district, Tashkent, 100047, Republic of Uzbekistan*

Abstract. The article discusses the current problems of the penitentiary policy of Uzbekistan from a philosophical, political and legal perspectives. The author carried out a comprehensive analysis of the activity of the penitentiary system as a whole, to identify the shortcomings and problems that impede the effective implementation of the tasks entrusted to these institutions. The following problems were identified and analyzed: low effectiveness of measures taken to ensure the employment of convicts; low involvement of economic entities in the use of convict

labor, the need for further improvement and work on providing convicts with secondary education, including specialized secondary and vocational education, staffing penitentiary institutions with highly qualified specialists in such areas as criminal pedagogy and psychology, criminology, victimology; certain problems of introduction of ICT in penitentiary institutions to ensure openness and publicity of their activities.

Key words: crime, repression, penitentiary policy, convicts, penitentiary colonies, prisons, criminal subculture, penitentiary institutions.

В последние годы в рамках проводимой в Узбекистане политики либерализации уголовно-правовой сферы, расширения альтернативных лишения свободы видов уголовных наказаний можно утверждать о постепенном снижении показателей осуждённых к лишению свободы. Тем не менее данные показатели всё ещё остаются более высокими, нежели аналогичные в развитых странах Европы. Они являются важнейшими индикаторами, определяющими направление уголовной политики и практики судебных и следственных органов, что подтверждает наличие необходимости колоссальных изменений как в политической сфере, так и в законодательной.

Так, в Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан, утверждённой указом Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г. № УП-4947, в п. 2.3 (Совершенствование административного, уголовного, гражданского и хозяйственного законодательства) в качестве одного из приоритетных направлений реформирования судебно-правовой сферы определяется декриминализация отдельных уголовных деяний, гуманизация уголовных наказаний и порядка их исполнения.

Предыстория

Последние 70 лет в формировании уголовной политики Узбекистана,

как и всех стран постсоветского пространства, доминирующим фактором являлось ужесточение борьбы с преступными проявлениями. В так называемый период классовой борьбы этот фактор был определён в первую очередь политическими целями, например, когда перед специальными органами ставили задачи по уничтожению классовых врагов: духовенства, дворянства, казачества и т. д.

В конечном счёте, эти цели были реализованы, однако строгость государственной уголовной политики сохранилась, а к желаемым прогрессивным результатам в борьбе с преступностью это не привело. Однако охват населения жёсткими мерами исправительно-трудовой системы являлся весьма масштабным.

Под воздействием таких направлений репрессивной уголовной политики государства сформировалось сложное, неоднородное общественное правопонимание. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, у народа сформировались страх и недоверие к органам правоохранительной системы, а с другой, большая часть населения страны до сих пор полагает, что успехов в борьбе с преступностью можно достигнуть только путём ужесточения наказания.

Однако в последние годы в Республике Узбекистан проводятся широкомасштабные меры по постепенному

совершенствованию уголовного законодательства и формированию новой концепции уголовно-правовой политики. Данные меры также направлены на либерализацию уголовной ответственности и декриминализацию отдельных преступлений. При этом работа в данной сфере должна быть продолжена.

Историко-философский аспект пенитенциарной политики

Всем известно, что на государство возложено право наказывать. Отсюда возникает вопрос: зачем оно это делает? Наказание всегда обращено одновременно и в прошлое, и в будущее. Т. е. наказание представляет собой определённого рода месть, некий более рефлексивный акт, чем целесообразный. Государство обращается к нему, исходя из особенностей человеческой личности и обязательных законов общежития. Сама направленность наказания в будущее предполагает перевоспитание личности, недопущение рецидива и профилактику преступлений.

Однако заметим, что если ориентация наказания на прошлое в виде некоего акта мести не требует обоснования, то вопрос исправления и перевоспитания посредством уголовного наказания весьма проблематичен в моральном смысле. Проблема состоит в том, что в философском смысле исправление и перевоспитание аморальных людей в среде подобных не представляется действительным. Но государство заключает в тюрьму и штрафует правонарушителей, а некоторые государства до сих пор казнят своих граждан.

Ранее существовавшая советская уголовно-исправительная система со своей ориентацией на всеобщий принудительный труд, предвзятым отношением к правам и свободам человека, с установкой на целительную силу политико-идеологического воздействия была одной из характерных структур и черт тоталитарного государства.

Новая Конституция Узбекистана провозгласила основополагающим принципом приоритет интересов личности. Этот принцип был положен в основу реформирования всей политики государства и законодательства, в том числе и в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний, определив прежде всего систему мероприятий, направленных на их гуманизацию, усиление гражданских начал в деятельности органов уголовно-исполнительной системы.

Однако реформирование уголовно-исполнительной системы – это длительный и многоэтапный процесс. Эффективность его развития зависит от большого количества факторов и условий правового, экономического, социального и иного характера, в том числе и от осуществляемой государством уголовной и уголовно-исполнительной политики.

Основные социально-экономические факторы реализации задач пенитенциарной системы

а) Снижение численности осуждённых

Переуплотненность тюрем – явление многоплановое в силу существования целого ряда причин. Подобные обстоятельства могут существенно варьироваться, они могут находиться не

только в рамках уголовной и уголовно-исполнительной политики, но и в других сферах ответственности государства – политике, в сфере образования, здравоохранения, труда и т. д.

В этой связи вопрос сокращения численности лиц, находящихся в исправительных учреждениях, содержащихся в следственных изоляторах – один из первостепенных в реформировании уголовно-исполнительной системы, который включает в себе важное политическое, экономическое и криминологическое значение.

Экономический аспект её заключается в том, что с изменением численности лиц, отбывающих наказание в тюрьмах, уменьшается или увеличивается нагрузка на государственный бюджет.

Криминологическое значение этой категории определяется тем фактором, что люди, прошедшие испытание предварительным заключением или лишением свободы, приобретают или обогащают криминальный опыт и по освобождении с трудом поддаются ресоциализации. В результате этого они в силу приобретённых навыков, склонности или от безысходности вынуждены применять приобретённые знания, навыки и совершать новые преступления.

Более того, окружение, в которое попадает осуждённый, состоит не из лучших представителей нашего общества. Обстановка в этой среде во многих случаях оказывает негативное воздействие, в т. ч. и на психику осуждённого. В ряде случаев имеют место факты расправы с отдельными осуждёнными со стороны тех, кто придерживается воровских обычаев и традиций. В результате на психику

осуждённого, с одной стороны, оказывает воздействие сам факт лишения свободы, с другой – агрессия представителей сторонников преступного мира. Соответственно, происходит криминализация общества, поскольку через учреждения уголовно-исполнительной системы в течение одного года проходит около пяти миллионов человек и эти люди выносят на свободу нравы, обычаи и субкультуру преступного мира [5, с. 422].

Следует отметить, что ещё М.Н. Гернет говорил о том, что тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления [3, с. 254].

Кроме того, к отрицательным факторам “колониальной”¹ системы исполнения наказания в виде лишения свободы следует добавить следующее: не достигается цель наказания – исправление, поскольку доказано, что при поступлении в колонию лицо представляет меньшую опасность для общества, чем на момент освобождения после отбытия установленного в приговоре суда срока; в условиях колонии у осуждённых появляется возможность консолидироваться, что ведёт к выработке различного рода “неформальных правил взаимоотношений”, “понятий”, “воровских традиций, обычаев” и других вариантов субкультуры преступного мира; основная цель этой категории

¹ Колонийская система – система организации учреждений по исполнению наказания в виде лишения свободы, сформировавшаяся в странах постсоветского пространства (пережиток времен ГУЛАГа), состоящая из нескольких типов и видов мест лишения свободы в виде колоний. Они отличаются от тюрем тем, что осуждённые содержатся в относительно больших помещениях казарменного типа (в одном помещении иногда до 250–300 осуждённых), при этом они могут достаточно свободно общаться между собой.

осуждённых – трансформация так называемых “красных зон” в “чёрные”, в которых реальная власть находится в ведении так называемых “воров в законе”, “смотрящих” и прочих “блатных”; в условиях колонии у осуждённых появляется возможность широко обмениваться криминальным опытом и формировать преступные группировки для совершения новых преступлений после освобождения. “Колонийская” система не снижает уровня преступности, гарантированно порождает рецидив, воспитывает новых преступников, создаёт “малое общество”, живущее по своим “законам”, освобождение из мест лишения свободы создаёт новые проблемы как для освобождаемого, так и для общества [15, р. 36–48].

Политическое значение заключается в том, что уголовная политика во многом определяет основные направления и цели в сфере исполнения уголовных наказаний, которые непосредственно реализуются в соответствующем законодательстве и практике его применения. В этой связи общее смягчение карательной политики государства, а также сокращение объёма применения тяжких видов наказаний обуславливают снижение численности осуждённых.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости постепенного перехода уголовно-исполнительной системы Узбекистана к более цивилизованному варианту исполнения наказания в виде лишения свободы, т. е. от “колонийской” к “тюремной” системе.

б) Переориентация уголовно-правовой политики

По мнению учёных, которое неоднократно было обосновано, содержание

парадигмы “борьба с преступностью” следует понимать не как объявление войны преступникам, полное подавление и искоренение преступности (а это не раз звучало в прежние времена), но как планомерное и непосредственное управление двумя взаимосвязанными и взаимозависимыми процессами: профилактикой преступлений и уголовно-правовым контролем над преступностью [10, с. 40–50; 9, с. 2, 3; 14, с. 4–9].

Вряд ли нельзя не согласиться с данным мнением, т. к. именно такое видение проблемы позволит государству определить реальные ресурсы, необходимые для нормального функционирования системы борьбы с преступностью на должном уровне. Кроме того, необходимы не простое закрепление, а выработка и определение конкретного механизма реализации в виде Концепции государственной политики борьбы с преступностью. В противном случае ожидать положительных результатов в борьбе с преступностью вряд ли следует [7, с. 105–109].

Немаловажно также, что это позволит учесть экономические, национальные, конфессиональные и другие особенности, поскольку средства и методы профилактической работы не могут применяться ко всем осуждённым, т. е. быть универсальными. Концепция может также способствовать возрождению связей работников правоохранительных органов и различных слоёв населения, без чего невозможно действенное проведение профилактических мероприятий.

Реализация государственной политики в борьбе с преступностью может быть достигнута лишь на основе совместных и согласованных усилий всех участников такой деятельности.

При этом содействие должно быть оказано в решении не только правовых, но и экономических, социальных, политических и иных мер. Так, подобный подход государства к предупреждению преступности был благополучно осуществлён в Финляндии, которая сегодня относится к странам с низким уровнем преступности, а также относительно небольшим числом осуждённых к лишению свободы (лиц, отбывающих наказание в тюрьмах). В этой связи необходимо учитывать рекомендации, содержащиеся в международных документах, опыт западных стран, где давно сделан упор на сотрудничество сил правопорядка с населением на всех этапах ведения борьбы с преступностью.

Представляется, что реформирование уголовно-исполнительной системы на сегодняшний день приобретает первостепенное значение, т. к., исходя из понятия «пенитенциарный» (от лат. *poenitentia* – раскаяние, исправление), происходит изменение внутренней политики государства в сфере исполнения (отбывания) уголовных наказаний [3, с. 254].

На смену «уголовно-исполнительной политике» приходит «пенитенциарная (исправительная) политика», в основе которой лежит прогрессивная система отбывания наказания в исправительных учреждениях XXI в. [12, с. 56–63].

Эта система направлена на реализацию государством основной задачи – исправления осуждённых, формирования у них истинного желания и стремления вернуться к нормальной жизни, стать законопослушными членами общества. Она рассчитана на обеспечение их нравственного исправ-

ления на основе социализации личности, гуманизма, уважения прав, свобод и законных интересов осуждённых. Эта система позволяет перевоспитать заражённую личность, вернуть её к нормальной семейной жизни, обществу и государству.

в) Повышение уровня транспарентности пенитенциарной системы

Одной из первостепенных проблем, которую мы замечаем на протяжении последнего десятилетия, является проблема сокращения числа персонала ИВС, СИЗО, исправительных колоний и тюрем. Осложнение этой ситуации состоит в том, что не все руководители и тем более рядовые сотрудники исправительных учреждений хотят осознавать и принимать реформы в пенитенциарной сфере. Мы, исходя из своего многолетнего опыта работы с данной проблематикой, можем прийти к выводу, что значительная часть людей уверена, что уголовно-исполнительная система по-прежнему олицетворяет собой ГУЛАГ¹.

К сожалению, невозможно не отметить, что под предлогом преодоления угрозы сплочения криминально ориентированного коллектива осуждённых, а также ликвидации действий, дезорганизующих деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы и обеспечения порядка и дисциплины в местах лишения свободы нередко наблюдаются устаревшие, подчас чрезмерно грубые действия сотрудников учреждений. Иногда они весьма существенно превышают свои

¹ ГУЛАГ – нарицательное понятие, означающее систему государственного репрессивного аппарата (Главное управление лагерями в эпоху сталинизма).

должностные полномочия, при этом из-за попустительства руководства учреждений подобные случаи сохраняют высокий уровень латентности.

Стоит отметить, что эти факты остаются, как говорится, «за кадром», поскольку практически полное отсутствие открытости, пассивность средств массовой информации, общественных организаций способствуют замалчиванию этих фактов, правовому нигилизму населения.

Прежде всего это связано с несовершенствами правового регулирования общественных начал деятельности учреждений по исполнению наказаний.

2) Проблемы имплементации международных стандартов социально-экономического характера

Международные акты касательно соблюдения прав осуждённых наряду с созданием для каждого осуждённого равных условий и возможностей для реализации основных прав и свобод человека (с некоторыми ограничениями, естественно) одновременно являются своеобразными индикаторами соблюдения прав человека в конкретном государстве и, соответственно, определения состояния национального законодательства. Сегодня в национальное пенитенциарное законодательство внедрены международно-правовые правовые механизмы, определяющим образом влияющие на правовое положение осуждённого. Они обеспечивают охрану и защиту прав и свобод человека, нарушение которых в условиях принудительной изоляции всегда имеет место, к сожалению, а также создаёт необходимые политико-правовые условия для предупреждения подобных негативных яв-

лений и применения дисциплинарных взысканий в отношении должностных лиц.

Так, в соответствии со ст. 8 УИК Республики Узбекистан, «осуждённые имеют права, свободы и несут обязанности, предусмотренные для граждан Республики Узбекистан, с изъятиями и ограничениями, установленными настоящим Кодексом и другими законами. Осуждённые иностранные граждане и лица без гражданства также могут иметь права, свободы и нести обязанности, установленные международными договорами Республики Узбекистан».

Вместе с тем следует признать наличие ряда, на наш взгляд, важных положений международного права, имплементация которых на сегодняшний день по объективным и субъективным причинам несколько задерживается.

Во-первых, в Основных принципах обращения с заключёнными, утверждённых резолюцией Генеральной ассамблеи ООН (14 декабря 1990 г.), первым, а следовательно, важнейшим принципом определено, что все заключённые пользуются уважительным отношением ввиду присущего им достоинства и их значимости как людей [2].

Исходя из содержания ст. 4 УИК, можно заключить, что в уголовно-исполнительном законодательстве учитываются принципы и нормы международного права, относящиеся к исполнению наказания и обращению с осуждёнными.

Но, на наш взгляд, в УИК следует определить данный принцип в качестве отдельной нормы, ибо следует признать наличие в практике фактов неуважительного, а порой и просто безосновательно грубого отношения к

осуждённым со стороны администрации и персонала пенитенциарного учреждения. Следует коренным образом изменить и гуманизировать отношения к осуждённым.

Кроме того, в п. 358 Правил внутреннего распорядка учреждений по исполнению наказания в виде лишения свободы МВД Республики Узбекистан (рег. № 2495 от 29 июля 2013 г.) [1], где определены положения касательно обязательности воспитательных работ с осуждёнными и предупредительного отношения к ним со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений, никоим образом не упоминается обязанность уважительного отношения к осуждённому, недопустимости унижения человеческой чести и достоинства.

В этой связи ст. 6 УИК необходимо дополнить принципом *уважительного отношения к лицам, отбывающим уголовные наказания*.

Во-вторых, совершенствование национального пенитенциарного законодательства в аспекте построения демократического правового государства требует признания рекомендаций касательно стандартов международного права и соответствующего их отражения в нормах национального закона, а также внедрения в правоприменительную практику пенитенциарных органов и учреждений данных стандартов.

Вместе с тем существуют некоторые международные стандарты касательно условий содержания осуждённых, *применение которых требует как определённого периода времени, так и немалых материальных затрат. К ним можно отнести следующие рекомендации:*

- содержание осуждённых в отдельных камерах комнатного типа (не камерах) вместимостью не более двух человек;

- обеспечение лиц, освобождённых из мест лишения свободы, правом на получение достаточной социальной и материальной помощи;

- строительство новых современных зданий и реконструкция старых зданий пенитенциарных учреждений.

В-третьих, с точки зрения соблюдения международных принципов требуется коренное улучшение правоприменительной практики в данных учреждениях в аспекте обращения администрации и персонала с осуждёнными и заключёнными.

В частности, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на следующее:

- 1) создание условий, исключающих безнаказанность нарушений законодательства посредством отказа от ведомственного надзора (усиление общественного контроля);

- 2) организация в пенитенциарных учреждениях оплачиваемых мест работы, способных удовлетворить материальные, социальные и культурно-духовные потребности;

- 3) защита от негативного влияния на осуждённых субкультуры мест лишения свободы с последующим исключением данного феномена;

- 4) постоянное повышение профессиональной и педагогическо-психологической квалификации персонала учреждений;

- 5) организация в местах лишения свободы эффективной социально-реабилитационной службы;

б) перевод пенитенциарных учреждений под контроль органов юстиции.

В-четвёртых, в целях улучшения правового статуса осуждённых и приближения к международным стандартам в наиболее возможном объёме в пенитенциарных учреждениях следует определить следующие приоритетные направления:

а) *Индивидуализация подхода к каждому осуждённому с постепенным сокращением их числа.* Как совершенно справедливо отмечают некоторые специалисты, «в каждом осуждённом необходимо видеть и чувствовать человека, попавшего в сложную жизненную ситуацию, нуждающегося в помощи и поддержке. Для каждого сотрудника пенитенциарной системы это должно стать самым главным правилом, условием отношения к осужденным» [13, с. 257].

б) *Дальнейшая гуманизация условий отбывания наказания в виде лишения свободы.* Это, естественно, потребует коренного изменения формирования кадров пенитенциарной системы, новейшего подхода к их подготовке. Это связано с тем, что в условиях реформирования национальной пенитенциарной системы задачи сотрудников данных учреждений усложняются, т. к., помимо собственно надзорных функций, они должны обладать набором необходимых психологических, педагогических и даже, отчасти, навыков работника социальной службы. Кроме того, реализация самых совершенных законодательных конструкций будет невозможна без соответствующей подготовки правоприменительных кадров.

в) *Глубокое реформирование и улучшение условий социально-экономиче-*

ского обеспечения осуждённых. Как известно, лишение свободы по своей сути является самым строгим видом уголовного наказания, ибо его реализация беспрецедентным образом ограничивает личные и социальные связи лиц, влияет на жизнь не только осуждённых, но и их семьи, близких и родственников. По этой причине в международном праве предусмотрен целый комплекс прав и свобод осуждённых, начиная от создания бытовых условий вплоть до получения образования, социально полезных навыков.

Международные стандарты требуют создания пенитенциарных учреждений с наиболее возможным охватом всей территории страны, чтобы осуждённые не прерывали связей с семьёй.

В-пятых, анализ содержания отдельных международных стандартов свидетельствует о нецелесообразности в настоящее время их применения в условиях Узбекистана. В частности, Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными при определении правовых основ вывода осуждённых за пределы пенитенциарных учреждений определяют, что «в необходимых случаях для больных заключённых, нуждающихся в услугах специалиста, следует предусматривать право перевода в особые заведения или же в гражданские больницы» [2].

Стоит отметить, что подобные рекомендации вытекают из специфики пенитенциарных учреждений стран Западной Европы. Так, во многих странах европейского континента не предусмотрено предоставление медицинской помощи и услуг осуждённым. Например, в тюрьмах Ирландии нет медицинских частей, лечебниц. В Греции, Дании и других странах Скан-

динавии медицинское обслуживание осуждённых осуществляется на основании медицинского страхования [11, с. 28; 4, с. 259]. Естественно, в подобных условиях осуждённый вынужден проходить лечение в обычных лечебных учреждениях. Медико-санитарное обслуживание осуждённых регулируется ст. 87 УИК.

Следует также отметить, что медико-санитарное обеспечение осуждённых к лишению свободы осуществляется за счёт республиканского бюджета.

Тем не менее в перспективе внедрение более либеральных принципов и механизмов оказания медицинской помощи на основе медицинских полисов гражданскими медицинскими учреждениями, на наш взгляд, может оказать положительный эффект в обеспечении социальных прав осуждённых [6].

Заключение

Анализ деятельности пенитенциарной системы показывает, что имеется ряд существенных недостатков, препятствующих эффективной реализации возложенных на данные учреждения задач. В частности, можно отметить следующие проблемные аспекты, негативно влияющие на деятельность пенитенциарных учреждений и криминогенную ситуацию в целом:

Во-первых, остаётся низкой эффективность принимаемых мер по обеспечению трудовой занятостью осуждённых.

Во-вторых, очень низкой остаётся вовлечённость хозяйственных субъектов к использованию труда осуждённых,

практически не ведётся работа по использованию в сельскохозяйственных целях (обеспечения более богатого и разнообразного питания осуждённых, получения дополнительных доходов и повышения самоокупаемости учреждений).

В-третьих, требует дальнейшего совершенствования и работа по организации получения осуждёнными общего (среднего) образования, в том числе среднего специального и профессионального образования.

В-четвёртых, на невысоком уровне остаётся укомплектование пенитенциарных учреждений высококвалифицированными специалистами в таких сферах, как криминальная педагогика и психология, криминология, виктимология.

В-пятых, существуют определённые проблемы и в сфере внедрения в деятельность пенитенциарных учреждений современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих открытость и гласность их деятельности.

Преодоление указанных недостатков и внедрение новейших инновационных технологий, отказ от прежней системы с ориентацией на широко-масштабный принудительный труд, пренебрежением правами и свободами человека, с установкой на воспитательную силу политико-идеологического воздействия, которая не смогла оправдать себя и была полностью дискредитирована в силу присущих ей элементов тоталитаризма.

Вместе с тем реформирование уголовно-исполнительной системы – это процесс длительной и многоэтапный. Его эффективность зависит от целого ряда факторов и условий экономиче-

ского, социального, правового и иного характера, в том числе и от проводимой государством уголовной и уголовно-исполнительной политики.

Улучшение социально-экономической ситуации в пенитенциарной сфере, переход на принципы эффективного использования внутренних резервов для достижения экономической самостоятельности, создание механизмов дополнительного стимулирования вовлечения юридических лиц к участию в исполнении принудительного труда осуждённых окажут благотворное влияние на их жизнь, обеспечат полноценное удовлетво-

рение их жизненных потребностей, в конечном итоге будут способствовать эффективной реализации задач государственной пенитенциарной политики по предупреждению и профилактике преступности, полноценному и окончательному исправлению осуждённых, воспитанию их в духе уважения законов и правил, правильному применению бывшими осуждёнными полученного образования и социально полезных профессиональных навыков, последующей ориентации их к социально полезной деятельности после освобождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правила внутреннего распорядка учреждений по исполнению наказания в виде лишения свободы МВД Республики Узбекистан (per. от 29.07.2018 № 2495) [Электронный ресурс] // LexUZ: [сайт]. http://old.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=524228 (дата обращения: 30.11.2018).
2. Основные принципы обращения с заключёнными: резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 14.12.1990 [Электронный ресурс] // Организация объединённых наций: [сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/45/docs/45res.shtml> (дата обращения: 30.11.2018).
3. Гернет М.Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. Киев: Юриздат Украины, 1930. 254 с.
4. Грушин Ф.В. Обеспечение международных стандартов обращения с осуждёнными в местах лишения свободы и лицами, содержащимися под стражей // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности: тезисы докладов Международной научно-практической конференции, Минск, 26 апреля 2012 г. Минск: Академия МВД, 2012.
5. Зубарев С.М. Уголовно-исполнительное право. М.: Высшее образование, 2018. 422 с.
6. Игумнова О.В. Современные тенденции в развитии пенитенциарных систем англоговорящих стран // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2018. № 3 (20). С. 38–46.
7. Кондрат И.Н. Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Жилищное Право. Год. № 3 (30). С. 105–109.
8. Лион Ж. Новые тюрьмы не панацея // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3. С. 6–7.
9. Пархоменко А. Основная задача – снижение числа заключённых // Преступление и наказание. 2013. № 12. С. 2–3.
10. Пирожков В.М. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осуждённого // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 35. М., 1981. С. 40–50.
11. Сорокин М.В. Зарубежный опыт правового регулирования и исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу // Ведомости уголовно-исполнительной системы: информационно-аналитический журнал. 2011. № 11. С. 28–32.

12. Фефелов В.А. Концепция социально-правовой цивилизации учреждений исполняющих наказание в виде лишения свободы // Наказание, законность, гуманизм: материалы Международной научно-практической конференции. Рязань, 1994. С. 56–63.
13. Цепелев В.Ф., Казакова Е.Н. Международные стандарты в области прав человека и их реализация в процессе назначения и исполнения пожизненного лишения свободы // Российский криминологический взгляд. 2018. № 3. С. 249–260.
14. Ялунин В. Лишение свободы на длительный срок и пожизненно: законодательные нормы и их применение // Преступление и наказание. 2002. № 8. С. 4–9.
15. MacCormick A. The Prison's Role in Crime Prevention // Journal of Criminal Law and Criminology. Год. Vol. 41. Iss. 1. P. 36–48.
16. Homel R., Thomson C. Causes and prevention of violence in prisons // Corrections Criminology / eds. S. O'Toole, S. Eyland. Sydney: Hawkins Press, 2005. P. 101–108.

REFERENCES

1. [The Internal Regulations of the Institutions for the Execution of the Penalty Of Imprisonment of the Ministry of Interior of the Republic of Uzbekistan (reg. no. 2495 dated July 29, 2018)]. In: *LexUZ*. Available at: http://www.old.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=524228 (accessed: 30.11.2018).
2. [Resolution of the UN General Assembly dated 14 December 1990: Basic Principles for the Treatment of Prisoners]. In: *Organizatsiya ob"edinennykh natsii* [The United Nations]. Available at: <http://www.un.org/ru/ga/45/docs/45res.shtml> (accessed: 30.11.2018).
3. Gernet M.N. *V tyur'me: ocherki tyuremnoi psikhologii* [In Prison: Sketches of Prison Psychology]. Kiev, Yurizdat Ukrainy Publ., 1930. 254 p.
4. Grushin F.V. [Ensuring international standards of treatment of prisoners in places of deprivation of liberty and persons in custody]. In: *Ispolnenie ugovolnykh nakazanii i inyykh mer ugovolnoi otvetstvennosti: tezisy dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Minsk, 26 aprelya 2012 g.* [Execution of Criminal Punishments and other Measures of Criminal Liability: The Proceedings of the International Theoretical and Practical Conference. Minsk, 26 April 2012]. Minsk, The Ministry of Internal Affairs, 2012. 259 p.
5. Zubarev S.M. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal Law]. Moscow, Higher Education Publ., 2018. 422 p.
6. Igumnova O.V. [Modern Trends in the Development of the Prison Systems of the English-Speaking Countries]. In: *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii* [Bulletin of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2018, no. 3 (20), pp. 38–46.
7. Kondrat I.N. [The concept of criminal policy and improvement of criminal and criminal-procedural legislation]. In: *Zhilishchnoye pravo* [Housing Law], no. 3 (30), pp. 105–109
8. Lion Zh. [A new prison is not a panacea]. In: *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy* [Bulletin of the Penitentiary System], 2010, no. 3, pp. 6–7.
9. Parkhomenko A. [The main objective was to reduce the number of prisoners]. In: *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment], 2013, no. 12, pp. 2–3.
10. Pirozhkov V.M. [The impact of social isolation in the form of deprivation of liberty on the psychology of the convict]. In: *Voprosy bo'by s prestupnost'yu* [Crime Fighting Issues], 1981, no. 35, pp. 40–50.
11. Sorokin M.V. [Foreign experience of legal regulation and enforcement of the measure of restraint in form of detention]. In: *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy: inform.-analit. zhurn.* [Bulletin of the Penitentiary System: Informative and Analytical Journal], 2011, no. 11, pp. 28–32.

12. Fefelov V.A. [The Concept of Social-Legal Civilization of Institutions Executing Punishment in the Form of Imprisonment]. In: *Nakazanie: zakonnost', gumanizm: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. Konf.* [Punishment: Legality, Humanism: The Proceedings of the International Theoretical and Practical Conference]. Ryazan, 1994. Pp. 56–63.
 13. Tsepelev V.F., Kazakova E.N. [International Standards of Human Rights and Their Implementation in the Process of Appointment and Execution of Life Imprisonment]. In: *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian Criminological View], 2018, no. 3, pp. 249–260.
 14. Yalunin V. [Long Term and Life Imprisonment: Legal Regulations and Their Application]. In: *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment], 2002, no. 8, pp. 4–9.
 15. Austin MacCormick. The Prison's Role in Crime Prevention. In: *Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 41, | iss. 1, art. 4, pp. 36–48.
 16. Homel R., Thomson C. Causes and Prevention of Violence in Prisons. In: *Corrections Criminology*, 2005. Sean O'Toole, Simon Eyland (Eds.). Sydney, Hawkins Press. Pp. 101–108.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салаев Нодирбек Сапарбаевич – доктор юридических наук, доцент, проректор Ташкентского государственного юридического университета;
e-mail: nodir-law@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nodirbek S. Salayev – Doctor of Law, associate professor, Vice-President of Tashkent State Law University;
e-mail: nodir-law@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Салаев Н.С. К вопросу о влиянии историко-философских, социально-экономических факторов на реализацию задач государственной пенитенциарной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 57–69.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-57-69

FOR CITATION

Salayev N.S. To the Issue of the Impact of Historical-Philosophical and Socio-Economic Factors on the Implementation of the Tasks of the State Penitentiary Policy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 57–69.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-57-69

РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 329

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-70-90

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЧАСТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ

Какителашвили М.М.

Университет прокуратуры Российской Федерации

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, к. 1, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является выявление характерных проблем возникающих при финансировании политических партий в государствах-участниках СНГ. На основе общенаучных методов познания, а также сравнительно-правового, формально-правового и других выявлены проблемы финансирования политических партий, связанные с тем, что: законодательству государств-участников СНГ присуще отсутствие единой концепции финансирования политических партий; прямое государственное финансирование политических партий в странах СНГ построено в первую очередь в интересах пропрезидентских партий; законодатель недостаточное внимание уделяет косвенному государственному финансированию; при частном финансировании политических партий в большинстве стран СНГ отдаётся приоритет коммерческим организациям. Полученные результаты послужат для дальнейшей разработки института финансирования политических партий и определения его места в системе российского права, а также для совершенствования российского законодательства о партиях.

Ключевые слова: финансирование, политическая партия, СНГ, многопартийность, избирательная система.

THE ISSUES OF PUBLIC AND PRIVATE FUNDING OF POLITICAL PARTIES IN THE CIS COUNTRIES

M. Kakitelashvili

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

2/1, Azovskaya st., Moscow, 117638, Russian Federation

© CC BY Какителашвили М.М., 2018.

Abstract. The purpose of the article is to identify the characteristic problems arising at financing the political parties in the CIS countries. On the basis of general scientific methods of cognition, as well as comparative legal, formal legal and other problems of financing of political parties are revealed. These problems are connected with the fact that: the legislation of the CIS member states is characterized by the lack of a single concept of financing of political parties; direct state financing of political parties in the CIS countries is built primarily in the interests of pro-presidential parties; the legislator pays insufficient attention to indirect state financing; private financing of political parties in most CIS countries gives priority to commercial organizations. The obtained results will serve for further development of the Institute of political parties financing and its place in the system of the Russian law, as well as for the improvement of the Russian legislation on parties.

Key words: funding, political party, CIS, multi-party system, electoral system.

Введение

Правоотношения в сфере финансирования политических партий давно являются предметом научных исследований многих зарубежных исследователей¹. Это связано с тем, что от степени прозрачности отношений, связанных с финансированием политических партий, зависят легитимность и демократичность проводимых в государстве свободных выборов и иных демократических институтов.

Одним из объектов наблюдения международных организаций, занимающихся защитой демократических институтов, является процедура финансирования политических партий в государствах-участниках СНГ (да-

лее – СНГ). Одна из рекомендаций (признана выполненной частично) Группы государств против коррупции (далее – ГРЕКО) в отношении российского законодательства была связана с проведением независимого исследования финансирования политических партий и, основываясь на выводах этого исследования, рекомендовалось разработать необходимые меры по исправлению ситуации [55]. В связи с этим представляется актуальным проведение сравнительно-правового исследования, наиболее близкого для российского законодательства и практики финансирования политических партий в СНГ на предмет возможной имплементации соответствующих правовых норм в российское законодательство.

Становления современной системы финансирования политических партий в СНГ

В ходе конституционной реформы 14 марта 1990 г. из преамбулы Конституции СССР [42] и из её ст. 6 были исключены положения о руководящей и направляющей роли КПСС, что явилось толчком развития многопартий-

¹ Среди них можно выделить работы Мартина Лоуфлина, Джона П. МакКормин, Нэила Уолнера, Роберта Счутза, Тома Гинсбурга, Кейта д'Эвинг, Роберта Уильямса, Сантьяго Гонзалес-Мараз, Ингрид ван Бейзен, Касас-Замора, Пунто Дусчинский, Пилар Дель Кастильо Вера, Бари Рубин, Эпстейн Леон, в которых рассматриваются понятие и сущность правового регулирования источников финансирования политических партий. Существенный вклад в проведение сравнительно-правового анализа финансирования текущей деятельности политических партий имели исследования Артура Б. Ганлинка, Михаела Коба, Даниэла Ромее Пичио, Гаспара Ариньо Ортиз, Матакович Хрвойе и др.

ной системы на постсоветском пространстве.

Начальный период становления политических систем СНГ характеризуется стремлением руководства этих государств дистанцироваться от советской однопартийной модели. Это стремление выразилось, в частности, во введении системы многопартийности, запрете вмешательства государственных органов и должностных лиц в деятельность политических партий, равно как и вмешательства партий в деятельность государственных органов и должностных лиц, введении новой системы финансирования выборов и политических партий [23, с. 23].

На постсоветском пространстве выборы на основе состязательности политических партий повлекли за собой значительные финансовые затраты, превращение денег в один из существенных факторов избирательных кампаний. Политическая конкуренция привела к конкуренции партий и в финансовом аспекте.

В СНГ произошёл переход от советской модели – абсолютного государственного финансирования избирательных кампаний, в рамках которого только государство несло всё бремя расходов как на организацию и проведение выборов, так и на подготовку и ведение предвыборной агитации кандидатов, к смешанной модели такого финансирования, основанной на привлечении как государственных, так и частных средств в бюджеты политических партий.

В соответствии с международными демократическими стандартами [53] едиными принципами деятельности партий для СНГ является признание многопартийности, равенства полити-

ческих партий, в том числе при их финансировании.

Принятые в СНГ конституции стали правовой основой деятельности политических партий, в которых признаётся особая роль партии как объединения граждан, провозглашаются политическое многообразие и многопартийность [31–41].

Во всех СНГ приняты законы о политических партиях [11–19, 21, 56], регламентирующие вопросы их финансирования. В Республике Узбекистан, в целом отдавая должное вопросам финансирования текущей деятельности политических партий, дополнительно принят закон 30.04.2004 № 617-II «О финансировании политических партий» [20].

Для избирательного законодательства СНГ характерным является наделение политических партий особыми правами в избирательном процессе, как то: на выдвижение кандидатов на выборные должности; на доступ партий к СМИ; на предоставление государственной финансовой поддержки на выборах.

Особо следует обратить внимание на изменения избирательной системы в СНГ, которая оказывает непосредственное влияние и на процедуру финансирования партий. Переход во многих государствах СНГ на пропорциональную избирательную систему, по мнению автора, способствовал внедрению государственного финансирования партий [24].

Российскому законодательству о партиях, как и законодательству других государств СНГ, присуще отсутствие единой концепции о финансировании политических партий, что,

по нашему мнению, является одной из главных проблем законодательства.

Несмотря на то, что институт политических партий развивался хаотично, он постепенно во всём СНГ завоевывал ведущее место в политической и избирательной системе. Так, Республика Беларусь является единственным государством в СНГ, которое, по сути, оставило советскую модель избирательной системы, мажоритарную, где не допускается государственное финансирование партий. Несмотря на то, что законодательство Беларуси не выделяет особого статуса политических партий в избирательной системе, их роль в избирательном процессе постоянно возрастает. Например, в 2016 г. на выборах депутатов Палаты представителей Республики Беларусь 9 политическими партиями (из 15 зарегистрированных) было выдвинуто 298 зарегистрированных кандидатов. При этом только 77 из числа зарегистрированных кандидатов выдвигались гражданами путём сбора подписей, 24 – трудовыми коллективами организаций [2].

Для стран СНГ характерны не только историческая общность государств, но и схожие тенденции законодательного развития института политических партий.

Прямое государственное финансирование партий

Вопрос создания системы государственного финансирования политических партий в России, как и в других государствах СНГ, остаётся актуальным и в условиях экономического кризиса.

Развитие избирательных отношений и необходимость ограничения влияния спонсоров-лоббистов на законотворческую деятельность политических партий обусловили внедрение в практику финансового обеспечения деятельности партий государством. Поэтому, говоря о равенстве политических партий, в первую очередь следует понимать равенство возможностей в получении государственного финансирования.

В научном обороте в отсутствие законодательного закрепления широко используются понятия: «государственное финансирование», «прямое государственное финансирование», «косвенное государственное финансирование» [1; 26; 44]. Так, например, О.В. Романенко предлагает лаконичное определение государственного финансирования – «предоставление партии бюджетных средств» [52].

Исходя из данного нами определения государственного финансирования партий [25, с. 152], под прямым государственным финансированием понимается перечисление бюджетных денежных средств на счёт политической партии или её избирательный счёт.

Законодательство о партиях Азербайджана, Армении, Казахстана, Молдавии, России, Туркменистана, Узбекистана и Украины устанавливает прямое государственное финансирование политических партий.

В большинстве законов о партиях СНГ предусматривается, что политическая партия получает государственное финансирование по итогам выборов.

Например, в соответствии с законом Украины о партиях, с 2015 г. за

счёт средств государственного бюджета возмещаются расходы политических партий, связанные с финансированием их предвыборной агитации во время очередных и внеочередных выборов народных депутатов Украины, преодолевших 5% барьер на парламентских выборах. Расчёт государственного финансирования ведётся по формуле: 0,02 от размера минимальной зарплаты помноженная на 1,6 тыс. гривен (минимальная зарплата на 21.12.2016) и умноженная на количество избирателей, который участвовали в последних парламентских выборах (16 млн. 52 тыс. 228 чел.).

В 2018 г. общий объём финансирования партий составил более 513 млн. гривен (в 2017 г. – 442 млн.). Указанные средства распределены между шестью партиями: «Народный фронт» (на выборах получил 22,14% голосов), «Блок Петра Порошенко» (21,82%), «Самопомич» (10,97%), «Оппозиционный блок» (9,43%), Радикальная партия (7,44%) и «Батькивщина» (5,68%) [54].

На страницах научной литературы развернулась дискуссия о характере такого финансирования: общем или целевом. Так, по мнению А.С. Николаева, государственное финансирование партий «не является средством финансового обеспечения их деятельности, а представляет собой институт государственной компенсации избирательных затрат партий. То есть средства федерального бюджета, выделяемые по итогам выборов партиям, способны лишь компенсировать понесенные ими финансовые затраты в ходе избирательной кампании, при этом они не являются основным источником формирования финансовой базы полити-

ческих партий в отличие от пожертвований и взносов» [46, с. 25].

Ф.И. Долгих также подчёркивает, что «государственное финансирование осуществляется в целях компенсации финансовых затрат политическим партиям по итогам участия в выборах. Таким образом, государственное финансирование носит целевой характер» [8, с. 53].

Другие учёные полагают, что финансирование политических партий носит общий характер. Так, К.Ш. Хамидуллин справедливо замечает, что «конкретные цели и направления расходов, на которые политическая партия может использовать полученные средства, законом прямо не установлены. Общая цель, исходя из Закона о партиях, это компенсация финансовых затрат политической партии, понесённых ею в ходе предыдущей избирательной кампании. Фактически эти расходы осуществлялись партией за счёт средств своего избирательного фонда. Следовательно, в период между выборами политическая партия имеет право расходовать бюджетные средства на любые текущие потребности» [60, с. 64].

Аналогичную позицию высказывает Н.И. Платонова: «Стоит ещё раз подчеркнуть, что указанным законом (федеральный закон «О политических партиях» – М.К.) впервые было предусмотрено нецелевое, иными словами, общее финансирование. Политическая партия, получая определённый размер государственных средств в первом квартале каждого следующего после выборов года, вправе расходовать такие средства по своему усмотрению на деятельность, предусмотренную уставом партии и разрешенную законодательством» [49, с. 125].

Для определения сущности государственного финансирования партий обратимся к анализу ежегодных финансовых отчётов российских политических партий.

Полагаем, что для выявления сущности государственного финансирования необходимо обратиться к ежегодным финансовым отчётам политических партий в период 2012–2017 гг. и выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума РФ), а также финансовых отчётов, выдвинутых этими же партиями кандидатов в Президенты РФ 2012 г. Так, например, «Единая Россия» израсходовала на свою избирательную кампанию и перечислила в избирательный фонд выдвинутого ей кандидата в общей сложности более 800 млн. руб., а получила государственной поддержки в течение последующих четырёх лет более 9,5 млрд. руб. ЛДПР израсходовала и перечислила средств на избирательных кампаний на сумму свыше 700 млн. руб., а получила государственное финансирование в течение последующих лет более чем в 2 млрд. руб.

Таким образом, политическая партия, получая определённый размер государственного финансирования (компенсирующего затраты на избирательную кампанию), расходует такие средства по своему усмотрению. Государственное финансирование политических партий по факту значительно превышает затраты на выборы. В связи с этим государственное финансирование политических партий вне зависимости, ежегодное оно или единовременное, относится к общему финансированию.

Наиболее рациональным путём распределения бюджетных средств, с нашей точки зрения, пошли в Республике Молдова. Так, закон Республики Молдова о партиях (ст. 27) устанавливает государственное финансирование в равных пропорциях: 50% – политическим партиям пропорционально результатам, полученным на парламентских выборах; 50% – политическим партиям пропорционально результатам, полученным на местных выборах. В случае избирательных блоков ассигнования распределяются по предварительному соглашению членов избирательного блока или, при отсутствии соглашения, в соответствии с количеством мандатов, полученных каждым участником. При этом размер государственных ассигнований на эти цели ограничен 2% доходов государственного бюджета.

Так, на 2018 г. денежная сумма, выделяемая ежемесячно партии (избирательному блоку) за каждого проголосовавшего за неё на парламентских выборах в 2014 г., составляет около 1,11 лея, а по итогам местных выборов в 2015 г. размер ежемесячного ассигнования составляет около 0,47 лея [61].

В 2017 г. общий объём финансирования партий в Республике Молдова составил 20 млн. леев. Денежные средства были распределены между партиями следующим образом: Либерально-демократическая партия Молдовы – 4,2 млн.; Демократическая партия Молдовы – 4,1 млн.; Партия социалистов Республики Молдовы – 3,1 млн.; Либеральная партия – 2,4 млн.; партия коммунистов Республики Молдова – 2 млн.; «Наша партия» – 1,9 млн.; избирательный

блок «народная Европейская платформа Молдовы – Юрие Лянкэ» – 1,3 млн. (партия «Демократическое действие» – 695 тыс., Либерально-реформаторская партия – 695 тыс.); Народная партия Республики Молдова – 118 тыс.; Национал-либеральная партия – 111 тыс.; партия «Шор» – 84 тыс. [47]. Одиннадцать политических партий (которые должны были воспользоваться ассигнованиями из государственного бюджета, согласно результатам, полученным на парламентских выборах 2014 г. и местных выборов 2015 г.) остались без ассигнований из-за неоткрытия специально предназначенных для этого банковских счетов. Эти денежные средства были возвращены в государственный бюджет.

Проведённый анализ практики государственного финансирования политических партий в СНГ показал, что в бюджетах пропрезидентских партий наблюдается наибольший размер государственного финансирования. Например, в 2017 г. на счёт политической партии «Единая Россия» поступило почти 6 млрд. руб., из них более 4 млрд. 336 млн. руб. были средства федерального бюджета. В 2013 г. в политическую партию «Единая Россия» поступили более чем 3 млрд. руб., из них 1 млрд. 707 млн. были средствами федерального бюджета. В 2012–2017 гг. из федерального бюджета денежные средства были распределены между парламентскими партиями следующим образом: «Единая Россия» – более 17 млрд., КПРФ – 6 млрд.; ЛДПР – 4 млрд.; «Справедливая Россия» – 3,3 млрд. [58]. С момента принятия федерального закона «О политических партиях» в 2001 г. и по настоящее время сумма, выделяемая партии за

каждого проголосовавшего за неё, выросла в 220 раз (с 0,5 руб. до 110 руб.).

Увеличение доли государственного финансирования пропрезидентских партий наблюдается в Азербайджане, Казахстане, Туркменистане и Узбекистане. Так, бюджет крупнейшей партии Казахстана «Нур Отан», основанной по инициативе действующего Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева, за 2013 г. составил более 5 млрд. 857 млн. тенге, из них финансирование из республиканского бюджета составило более 3 млрд. тенге. В 2017 г. общий доход партии составил более 10 млрд. тенге, из них более 4 млрд. 537 млн. тенге поступило из республиканского бюджета [59].

В 2017 г. в бюджет политических партий Азербайджана поступило более 9 млн. 333 тыс. манат [5]. Из них 89% приходится на долю пропрезидентской партии «Новый Азербайджан». Председателем партии «Новый Азербайджан» в марте 2005 г. стал президент страны Ильхам Алиев, сменивший на этом посту своего отца, скончавшегося в 2003 г. – Гейдара Алиева, который основал эту партию в 1992 г.

В связи с этим вызывает сомнение, что финансовая поддержка государством политических партий осуществляется «в разумных размерах», «основано на объективных критериях и не приводит к благоприятному отношению к той или иной партии», что предусматривается в международных актах [9; 51].

Закон о партиях Республики Беларусь не допускает финансирования политических партий за счёт средств республиканского и (или) местных бюджетов.

В законах о партиях Кыргызстана, как и Таджикистана, предусматривается государственная поддержка партиям, но не прямое финансирование политических партий.

В тоже время в Беларуси [4], Кыргызстане [50] и Таджикистане [48] по инициативе оппозиционных партий идёт дискуссия о необходимости введения прямого государственного финансирования политических партий, соответствующие законопроекты вносятся в парламент, но пока не получают одобрения.

Стоит отметить, что пропрезидентские партии получают значительную поддержку посредством косвенного государственного финансирования, например, путём предоставления бесплатного теле- и радиоэфира. При монопольном контроле или особых привилегиях для пропрезидентских партий в СМИ иные партии лишаются возможности вести конкурентную борьбу, что сложно назвать соответствующим закреплённому в законодательстве принципу справедливости. Так, международная правозащитная организация «Freedom House» в своих ежегодных докладах о состоянии свободы прессы оценивает Беларусь, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан как страны, в которых якобы отсутствует свободная пресса [7]. К аналогичным выводам приходит организация «Репортёры без границ» в своём рейтинге «Индекс свободы слова в мире» [22]. Как справедливо отмечает М.В. Колесов, «если закон ... будет противоречить морали, нравственности, то со временем важность законодательства в глазах общества и народа будет нивелироваться» [27].

Косвенное государственное финансирование

Под косвенным государственным финансированием политических партий мы понимаем предоставление государственных привилегий, материальных и иных благ, поддающихся финансовой оценке, направленное на обеспечение деятельности политической партии. В законодательстве о партиях СНГ предусматривается несколько видов косвенного финансирования политических партий:

- обеспечение равных условий и гарантий доступа к средствам массовой информации;
- создание равных условий предоставления помещений и средств связи, находящихся в государственной и (или) муниципальной собственности, на условиях, аналогичных условиям их предоставления государственным и муниципальным учреждениям;
- обеспечение равных условий участия в избирательных кампаниях, общественных и политических акциях.

В Российской Федерации принимаются дополнительные правовые акты, направленные на обеспечение равенства информационного освещения деятельности политических партий, представляющие собой косвенную государственную финансовую поддержку партий. Так, целью принятого в Российской Федерации федерального закона от 12.05.2009 № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» является обеспечение гарантии освещения деятельности политических партий в государственных СМИ. Однако ука-

занный закон наделяет парламентские партии преференциями, в отличие от непарламентских партий, в получении косвенного финансирования посредством предоставления доступа к государственным и муниципальным средствам массовой информации.

К косвенному государственному финансированию также относится освобождение при проведении избирательных кампаний отдельных категорий юридических и физических лиц от уплаты налогов. Например, в соответствии с п. 30 ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации от налогообложения освобождаются суммы, выплачиваемые физическим лицам из средств избирательных фондов избирательных объединений, избирательных фондов региональных отделений политических партий.

Ещё одним элементом системы косвенного государственного финансирования партий в СНГ является государственная поддержка депутатов представительных (законодательных) органов государственной власти и других выборных должностных лиц, выбранных при поддержке политических партий. Предметом изучения экспертов ГРЕКО в 2017 г. стала, в том числе, государственная финансовая поддержка депутатского корпуса [6].

Например, такая поддержка депутата Государственной Думы РФ включает в себя ежемесячное денежное вознаграждение и одинаковые денежные поощрения в размерах, установленных для федерального министра, штат помощников, транспортные средства, помимо рабочего кабинета в Государственной Думе РФ отдельное охраняемое помещение на территории субъекта Российской Федерации, обо-

рудованное мебелью, средствами связи, в том числе правительственной, и необходимой оргтехниккой, включая персональные компьютеры, подключённые к общей сети органов государственной власти, принтеры, копировально-множительную технику, а также обеспечение иных условий для осуществления им своих полномочий.

Аналогичные нормы содержатся в законах о статусе депутатов парламентов СНГ. Например, в соответствии с законом Азербайджанской Республики от 17.05.1996 № 73-IQ «О статусе депутата Милли Меджлиса Азербайджанской Республик» [10] депутату Милли Меджлиса ежемесячно выплачиваются заработная плата и необлагаемая налогами денежное довольствие для возмещения расходов, связанных с исполнением депутатских полномочий, денежное пособие для лечения и отдыха депутата. Размер заработной платы и денежного довольствия депутатов на каждый год определяется постановлением Национального собрания Азербайджанской Республики. Депутат пользуется правом бесплатного проезда на железнодорожном, воздушном, автомобильном, водном транспорте, находящемся в государственной собственности, и на всех видах городского транспорта (за исключением такси). Для поездок за пределы города Баку, связанных с депутатской деятельностью, депутат обеспечивает транспортом. Депутату предоставляется благоустроенное жилье.

Частное финансирование политических партий

Во всех государствах СНГ законодательно допускается частное финан-

сирование политических партий, т. е. получение денежных средств (имущества, услуг) в виде пожертвований от юридических или физических лиц.

Во всех законах о партиях СНГ указаны цели, на которые могут быть израсходованы пожертвования граждан и юридических лиц, предусматривается государственный контроль за расходованием денежных средств партий. В законодательстве Азербайджана, Армении, Молдовы, Российской Федерации и Украины предусмотрен также финансовый аудит. Введение в законодательство ряда государств СНГ института финансового аудита партий было обусловлено рекомендациями ГРЕКО [55].

В законах о партиях Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана содержатся различные ограничения по размеру пожертвования граждан и юридических лиц. В Туркменистане предельный размер ежегодных пожертвований установлен только для граждан республики, но не для юридических лиц.

Проведённый анализ законодательства о партиях СНГ выявил неравенство граждан и юридических лиц в размерах пожертвований политическим партиям.

Например, в законе Республики Узбекистан «О финансировании политических партий» установлено, что сумма пожертвований, полученных политической партией от одного юридического лица в течение года, не должна превышать более чем в пять раз тысячекратного минимального размера заработной платы, а сумма пожертвований, полученных политической партией от одного гражданина Республики в течение года, не должна

превышать пятистократного МРОТ. Таким образом, допустимый максимальный размер пожертвования политической партии от одного юридического лица в 10 раз превышает размер пожертвования гражданина.

Аналогичная ситуация наблюдается в законодательстве Армении, где коммерческая организация вправе пожертвовать политической партии десятикратный размер установленной законом заработной платы, а некоммерческая организация и гражданин – тысячекратный размер установленной законом заработной платы.

В Молдове и Украине предельный размер пожертвования политической партии от юридического лица превышает предельный размер пожертвования от гражданина в два раза.

В Российской Федерации сумма пожертвований, полученных политической партией (региональными отделениями) от одного юридического лица в течение календарного года, не должна превышать 43 млн. 300 тыс. руб., от одного физического лица – 4 млн. 330 тыс. руб.

Российский законодатель в 2008 г. отказался от исчисления максимальных пределов пожертвований политических партий в минимальном размере оплаты труда (далее – МРОТ) как в межвыборный период, установив фиксированные суммы, так и в период избирательных кампаний, установив предельный размер в процентах от предельной суммы избирательного фонда. Отказ от МРОТ при исчислении предельных размеров пожертвований был обусловлен стремлением унифицировать российское законодательство и устранить излишнюю отсылочность норм. По нашему мнению,

предназначением МРОТ является прежде всего урегулирование трудовых отношений, а не конституционных, связанных с финансированием политических партий и избирательных кампаний.

Как нам представляется, отсутствие предельных размеров пожертвований юридических и физических лиц политическим партиям в законодательстве ряда государств СНГ нарушает один из основных принципов международных стандартов [3; 29; 43; 51], предусматривающий в том числе равенство при финансировании политических партий.

Так, Миссия БДИПЧ / ОБСЕ по наблюдению за выборами Президента Кыргызской Республики в октябре 2017 г. указывала, что неограниченные пожертвования и расходы на проведение избирательной кампании могут подрывать свободный выбор избирателей и равенство возможностей для кандидатов [45].

Искусственное завышение предельных размеров пожертвований политическим партиям выгодно прежде всего представителям крупного бизнеса, которые практически “покупают” партии, стремясь через них осуществлять лоббистскую деятельность в парламенте.

Международные стандарты не содержат требований по ограничению размеров пожертвований со стороны юридических лиц, в том числе таких ограничений нет в Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в СНГ [30]. Однако, по нашему мнению, назрела необходимость ограничения на внесение любых пожертвований со стороны юридических лиц.

Как нам представляется, политические партии как институт гражданского общества, выразитель политических интересов, должны финансироваться за счёт пожертвований своих сторонников, а не юридических лиц, преследующих, как правило, коммерческий интерес.

Так, результаты анализа финансовых отчётов ведущих политических партий («Единая Россия», Коммунистической партии Российской Федерации, Либерально-демократической партии России, «Правого дела», «Патриотов России», «Справедливой России», «Яблока») в период с 2009 по 2017 гг. [25] ярко демонстрирует, что доля пожертвований юридических лиц в разы больше, чем пожертвований граждан. Например, доля пожертвований юридических лиц политической партии «Единая Россия» составляет более 90%.

Похожая ситуация с пожертвованиями граждан партиям в Республике Азербайджан. Например, в 2017 г. в бюджет пропрезидентской партии «Новый Азербайджан» поступали членские взносы, но ни одного пожертвования от гражданина. При этом доля партийных взносов и пожертвований в годовом бюджете других 16 партий, декларировавших доходы, составляет всего 1% [47].

Очевидна прямая зависимость – “политические деньги” увеличивают политические возможности. Возникает ситуация, когда политическая партия, не пользующаяся авторитетом у граждан, но обладающая достаточным финансовым ресурсом, благодаря коммерческим организациям может играть ключевую роль в политической жизни.

Данную тенденцию отмечает Председатель Глобальной комиссии по вопросам выборов, демократии и безопасности Кофи А. Аннан, утверждая, что крупные корпорации и богатые люди в состоянии купить большее влияние посредством значительных взносов на проведение избирательных кампаний, граждане могут потерять доверие к политическому процессу или оказаться вытесненными на его обочину [57].

Организации, пиар-компании рассматривают выборы как коммерческое предприятие, стремясь извлечь максимальную прибыль. Подобный подход теоретически не приемлем как противоречащий существу рассматриваемых правоотношений, которые нельзя рассматривать в качестве имущественных. Суть этих отношений – борьба за публичную власть [28].

Ряд авторов для ограничения влияния денег на результаты выборов предлагают установить запрет финансирования избирательных кампаний физическими и юридическими лицами [49].

Полагаем, что следует исключить влияние коммерческих организаций, а не граждан на деятельность политических партий.

Выводы

В сегодняшних избирательных правоотношениях в СНГ роль финансирования политических партий и избирательных кампаний значительно возросла.

В целях совершенствования российского законодательства и обеспечения равенства при финансировании политических партий представляется

целесообразной правовая институционализация политической оппозиции в целях развития многопартийности.

Российское государство, как и другие государства СНГ, претендующее на статус социального, не может допустить гонки расходов на избирательные кампании и коммерциализацию выборов. Соперничество в политической сфере должно носить публично-правовой характер, и поэтому финансирование политических партий должно быть закреплено в специальном законе о финансировании партий.

Ограничение участия граждан (пусть и частичное) в финансировании политических партий, по нашему мнению, свидетельствует о конституционном разрыве во взаимоотношениях между государством и обществом. Необходимо законодательно исключить возможность финансирования политических партий коммерческими организациями.

Оптимальным вариантом поддержки политических партий является косвенное государственное финансирование партий путём предоставления доступа к СМИ, а также налоговых льгот, помещений и средств связи, находящихся в государственной (муниципальной) собственности, на условиях, аналогичных условиям их предоставления государственным (муниципальным) учреждениям, как в ходе избирательной кампании, так и в межвыборный период.

При определении государственного финансирования политических партий должен учитываться размер государственного финансирования депутатов представительных (законодательных) органов власти, а также

других выборных лиц, избранных при поддержке политических партий.

Полагаем некорректным исчисление размера пожертвований полити-

ческим партиям, исходя из размера оплаты труда, который предусмотрен в законодательстве ряда государств СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабай Е.А. Проблемы косвенного финансирования избирательных кампаний политических партий // Актуальные проблемы юридической науки, профессиональной подготовки и правоприменения: сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Кулыгин. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007. С. 85–93.
2. Выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва: сборник электоральной статистики [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Республики Беларусь: [сайт]. [2016]. URL: <http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PPNS6-Itogi.pdf> (дата обращения: 21.09.2018).
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр.
4. Гайдукевич О. В Беларуси надо ввести государственное финансирование политических партий [Электронный ресурс] // Политический ринг: [сайт]. [2018]. URL: <http://politrting.com/dialog/minsk/241-gaydukevich-v-belarusi-nado-vvesti-gosudarstvennoe-finansirovanie-politicheskikh-partiy.html> (дата обращения: 13.09.2018).
5. Деньги партии [Электронный ресурс] // Аналитическая служба Туран: [сайт]. [2018]. URL: <http://turaz.az/ext/news/2018/5/free/analytics/ru/119355.htm> (дата обращения: 13.09.2018).
6. Доклад ГРЕКО четвертый раунд оценки Предупреждение коррупции в отношении членов парламента, судей и прокуроров (принят на 77 пленарном заседании ГРЕКО, Страсбург, 16–18.10.2017) [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ: [сайт]. [2017]. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/international-cooperation/greco/greco2018.pdf> (дата обращения: 13.09.2018).
7. Доклад о состоянии свободы прессы [Электронный ресурс] // Freedom House: [сайт]. [2018]. URL: <https://freedomhouse.org> (дата обращения: 03.09.2018).
8. Долгих Ф.И. Правовое регулирование финансирования текущей деятельности политических партий России. М.: Юрист, 2017. 334 с.
9. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) в Докладе «О порогах и других характеристиках избирательных систем, которые препятствуют прохождению партий в парламент (II)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт].
10. Закон Азербайджанской Республики от 17.05.1996 № 73-IQ «О статусе депутата Милли Меджлиса Азербайджанской Республик» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
11. Закон Азербайджанской Республики от 03.06.1992 № 147 «О политических партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
12. Закон Республики Армения от 30.12.2016 № ЗР-224 «О партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
13. Закон Республики Беларусь от 05.10.1994 № 3266-XII «О политических партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ. URL: ... (дата обращения: ???.???.????).
14. Закон Республики Казахстан от 15.07.2002 № 344-II «О политических партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.

15. Закон Кыргызской Республики от 12.06.1999 № 50 «О политических партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
16. Закон Республики Молдова от 21.12.2007 № 294-XVI «О политических партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
17. Закон республики Таджикистан от 13.11.1998 № 680 «О политических партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
18. Закон Республики Туркменистан от 10.02.2012 № 254-IV от 10.02.2012 № 254-IV «О политических партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
19. Закон Республики Узбекистан 26.12.1996 № 337-I «О политических партиях» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
20. Закон Республики Узбекистан от 30.04.2004 № 617-II «О финансировании политических партий» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
21. Закон Украины от 05.04.2001 № 2365 «О политических партиях в Украине» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
22. Индекс свободы слова в мире [Электронный ресурс] // «Репортёры без границ» в своём рейтинге: [сайт]. [2018]. URL: <https://rsf.org/en> (дата обращения: 03.09.2018).
23. Какителашвили М.М. Парламент Евразийского экономического союза и роль политических партий в его формировании: постановка проблемы // Мониторинг правоприменения. 2017. № 2. С. 23–32.
24. Какителашвили М.М. Конституционно-правовые проблемы финансирования избирательных кампаний в представительные (законодательные) органы государственной власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2008. 265 с.
25. Какителашвили М.М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации. М.: Галлея Принт, 2017. 264 с.
26. Карманов А.Б., Ермакова Э.Л. Альтернативное финансирование участников избирательной кампании: законодательство и практика // Журнал о выборах. 2005. № 5. С. 16–20.
27. Колесов М.В. Участие прокуратуры в воспитательной работе и общественном просвещении // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: XIV Международная научная конференция. М.: Издательство МосГУ, 2017. С. 445–449.
28. Колюшин Е.И. Избирательные фонды: научно-практическое пособие. М.: РЦОИТ, 2009. 136 с.
29. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
30. Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 48. Ст. 4971.
31. Конституция Азербайджанской Республики (принята на всенародном голосовании (референдуме) 12.11.1995) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
32. Конституция Республики Армения (принята на референдуме 05.07.1995) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
33. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 № 2875-XII (принята на 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
34. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30.08.1995) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
35. Конституция Республики Кыргызстана (принята на референдуме 27.06.2010) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.

36. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
37. Конституция Республики Молдовы (принята парламентом 29.07.1994) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
38. Конституция Республики Таджикистан (принята на всеобщем референдуме 06.11.1994) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
39. Конституция Туркменистана (принята Верховным Советом и промульгирована Президентом Туркменистана 18.05.1992 № 691-ХІІ) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
40. Конституция Республики Узбекистан (принята на одиннадцатой сессии Верховного Совета Республики Узбекистан двадцатого созыва 08.12.1992) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
41. Конституция Украины (принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28.06.1996 № 254к/96-ВР) [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ.
42. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
43. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16.12.1966) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
44. Меликян А.Б. Правовое регулирование государственного финансирования деятельности политических партий (конституционно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
45. Миссия БДИПЧ / ОБСЕ по наблюдению за выборами. Заключительный отчет [Электронный ресурс] // ОБСЕ: [сайт]. [2018]. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/kyrgyzstan/374746?download=true> (дата обращения: 13.09.2018).
46. Николаев А.С. Законодательное регулирование финансовой деятельности политических партий в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 5. С. 23–26.
47. Деньги партии // Contact.az. [2018]. <http://www.contact.az/ext/news/2018/5/free-analytics/ru/119355.htm> (дата обращения 13.09.2018).
48. Парламентские партии Таджикистана намерены получать финансирование за счет госбюджета [Электронный ресурс] // Media group / Tajikistan Asia-plus: [сайт]. [2018]. URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20130221/parlamentskie-partii-tadzhikistana-namereny-poluchat-finansirovanie-za-schet-gosbyudzheta> (дата обращения: 13.09.2018).
49. Платонова Н.И. Правовое регулирование финансирования текущей деятельности политических партий в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2015. 136 с.
50. Политические партии как нагрузка для государственного бюджета. Нам это надо? [Электронный ресурс] // ИА «24.kg»: [сайт]. [2018]. URL: https://24.kg/vlast/88007_politicheskaya_partiya_kak_nagruzka_dlya_gosbyudjeta_nam_eto_nado_ (дата обращения: 13.09.2018).
51. Рекомендация № Rec (2003) 4 Комитета министров Совета Европы «Об общих правилах борьбы с коррупцией при финансировании политических партий и избирательных кампаний» (принята 08.04.2003 на 835-ом заседании представителей министров) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт].

52. Романенко О.В. Финансирование политических партий в России: конституционно-правовые проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 197 с.
53. Руководящие принципы правового регулирования деятельности политических партий (принято Венецианской комиссией на 84-м пленарном заседании, Венеция, 15–16.10.2010) [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: [сайт]. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/81988?download=true> (дата обращения: 21.09.2018).
54. Сколько бюджетных средств получают политические партии в 2018 году // Слово и дело: аналитический портал. [2018]. URL: <https://ru.slovodilo.ua/2018/02/08/infografika/politika/skolko-byudzhetnyh-sredstv-poluchat-politicheskie-partii-2018-godu> (дата обращения: 13.09.2018).
55. Третий оценочный раунд. Отчет о выполнении рекомендаций Российской Федерации «Прозрачность финансирования политических партий» (принято ГРЕКО на 64-ом пленарном заседании, Страсбург, 16–20.07.2014) [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ: [сайт]. [2018]. URL: [https://genproc.gov.ru/anticor/doks/GrecoRC3\(2014\)1_Russia_RU.pdf](https://genproc.gov.ru/anticor/doks/GrecoRC3(2014)1_Russia_RU.pdf) (дата обращения: 21.09.2018).
56. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
57. Финансирование политических партий и избирательных кампаний [Электронный ресурс] // International idea supporting democracy worldwide: [сайт]. [2018]. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/funding-of-political-parties-and-election-campaigns-RU.pdf> (дата обращения: 13.09.2018).
58. Финансовые отчеты политических партий [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия РФ: [сайт]. [2018]. URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/finance> (дата обращения: 21.09.2018).
59. Финансовый отчет политической партии «Нур Отан». [Электронный ресурс] // Политическая партия «Нур Отан»: [сайт]. [2018]. URL: <http://nurotan.kz/financial-report> (дата обращения 13.09.2018).
60. Хамидуллин К.Ш. Финансово-правовые основы деятельности политических партий в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 193 с.
61. ЦИК установила размер ассигнований из государственного бюджета на 2018 год, выделяемых для финансирования политических партий [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Молдовы: [сайт]. [2018]. URL: <http://www.cec.md/index.php?pag=news&id=1496&rid=21426&l=ru> (дата обращения 21.09.2018).

REFERENCES

1. Babai E.A. [The problems of indirect funding of election campaigns of political parties]. In: *Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki, professional'noi podgotovki i pravoprimereneniya: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current Problems Of Legal Science, Training And Law Enforcement: Proceedings of the International Theoretical and Practical Conference]. Khabarovsk, RITS KHGAEP Publ., 2007. pp. 85–93
2. [Elections to the Chamber of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus of the Sixth Convocation (a Collection of Electoral Statistics). The Central Committee of the Republic of Belarus on Elections and Holding Republican Referenda. Minsk. 2016.]. In: *Izbiratel'naya komissiya Respubliki Belarus'* [The Electoral Commission of the Republic of Belarus:]. (2018). Available at: <http://rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PPNS6-Itogi.pdf> (accessed: 21.09.2018).

3. [The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly 10.12.1948)]. In: *Rossiiskaya gazeta*. 1995.
4. Gaidukevich O.V [It Is Necessary to Introduce State Funding of Political Parties in Belarus]. In: *Politicheskii ring*. (2018) Available at:<http://politring.com/dialog/minsk/241-gaydukevich-v-belarusi-nado-vvesti-gosudarstvennoe-finansirovanie-politicheskikh-partiy.html> (accessed: 13.09.2018).
5. [The Money of the Party]. In: *Analiticheskaya sluzhba Turan* [Analytical service of Turan]. (2018). Available at:<http://turaz.az/ext/news/2018/5/free/analytics/ru/119355.htm> (accessed: 13.09.2018).
6. [The GRECO report fourth evaluation round corruption Prevention in respect of members of Parliament, judges and prosecutors, adopted at the 77th plenary meeting of GRECO (Strasbourg, 16–18 October 2017)]. In: *General'naya prokuratura RF* [The General Prosecutor of the Russian Federation]. (2018). Available at:<https://genproc.gov.ru/anticor/international-cooperation/greco/greco2018.pdf> (accessed: 13.09.2018).
7. [Report on the State of the Freedom of Press]. In: *Freedom House*. (2018) Available at: <https://freedomhouse.org/> (accessed: 03.09.2018)
8. Dolgikh F.I. *Pravovoe regulirovanie finansirovaniya tekushchei deyatelnosti politicheskikh partii Rossii* [Legal Regulation of Financing of Current Activities of the Political Parties of Russia]. Moscow, *Yurist Publ.*, 2017. 334 p.
9. [European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission) Report on “Thresholds and Other Features of Electoral Systems That Hinder the Passage of Parties to Parliament (II)”]. In: *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Konsul'tantPlyus”* [Access from sprav.-the legal system “ConsultantPlus”].
10. [The Law of the Azerbaijan Republic dated 17.05.1996 no. 73-IQ “On the Status of Deputies of Milli Majlis of the Azerbaijan Republic”]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries]
11. [The Law of the Azerbaijan Republic dated 03.06.1992 year no. 147 “On Political Parties”]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries]
12. [The Law of the Republic of Armenia dated 30.12.2016 ZR-224 “On Political Parties”]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
13. [The Law of the Republic of Belarus dated 05.10.1994, no. 3266-XII “On Political Parties”]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS countries].
14. [The Law of the Republic of Kazakhstan dated July 15, 2002 no. 344-II “On Political Parties”]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS countries].
15. [The Law of the Kyrgyz Republic dated 12.06.1999 no. 50 “On Political Parties”]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
16. [The Law of the Republic of Moldova dated 21.12.2007 No. 294-XVI “On Political Parties”]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
17. [The Law of the Republic of Tajikistan dated 13.11.1998 no. 680 “On Political Parties”]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].

18. [The Law of the Republic of Turkmenistan dated 10.02.2012 no. 254-IV dated 10.02.2012 no. 254-IV "On Political Parties"]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
19. [The Law of the Republic of Uzbekistan dated 26.12.1996 no. 337-I "On Political Parties"]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
20. [The law of the Republic of Uzbekistan dated 30.04.2004 no. 617-II "About the financing of political parties"]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the legal system, Australianfor. Legislation of the CIS countries].
21. [The Law of Ukraine dated 05.04.2001 no. 2365 "On Political Parties in Ukraine"]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG*. Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
22. [The Index of the Freedom of Speech in the World]. In: "*Reportery bez granits*" v svoem reitinge ["Reporters without Borders" in Their Rating]. (2018). Available at: <https://rsf.org/en> (accessed: 03.09.2018).
23. Kakitelashvili M.M. [The Parliament of the Eurasian Economic Union and the Role of Political Parties in its Formation: a Problem]. In: *Monitoring pravoprimeneniya* [Law Enforcement Monitoring], 2017, no. 2, pp. 23–32.
24. Kakitelashvili M.M. *Konstitutsionno-pravovye problemy finansirovaniya izbiratel'nykh kampanii v predstavitel'nye (zakonodatel'nye) organy gosudarstvennoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional and Legal Problems of Financing Election Campaigns for State Representative (Legislative) Bodies in the Russian Federation: PhD Thesis in Law]. Moscow, 2008. 265 p.
25. Kakitelashvili M.M. *Konstitutsionno-pravovye problemy finansirovaniya politicheskikh partii i izbiratel'nykh kampanii v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and Legal Problems of Financing Political Parties and Election Campaigns in the Russian Federation]. Moscow, Galleya Print Publ., 2017. 264 p.
26. Karmanov A.B., Ermakova E.L. [Alternative Financing of Electoral Process: Legislation and Practice]. In: *Zhurnal o vyborakh* [Election Journal], 2005, no. 5, pp. 16–20.
27. Kolesov M.V. [Participation of Prosecution in Educational Work and Public Education]. In: *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: problemy vospitaniya XIV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [Higher Education for the 21st Century: Problems of Education of the 14th International Scientific Conference] Moscow, Publishing House of MosSU Publ., 2017. pp. 445–449
28. Kolyushin E.I. *Izbiratel'nye fondy: nauchno-prakticheskoe posobie* [Election Campaign Funds: Theoretical and Practical Guide]. Moscow, RTSOIT Publ., 2009. 136 p.
29. [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome 04.11.1950)]. In: *SZ RF* [Collection of the Legislative Acts of the Russian Federation], 2001, no. 2. Art. 163.
30. [Convention on Standards of Democratic Elections, Electoral Rights and Freedoms in the CIS States. However, in Our Opinion There Is a Need for Restrictions on Making Any Donations from Legal Entities]. In: *SZ RF* [Collection of the Legislative Acts of the Russian Federation], 2005, no. 48. Art. 4971.
31. [The Constitution of the Republic of Azerbaijan (adopted at the National Referendum on 12.11.1995)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].

32. [The Constitution of the Republic of Armenia (adopted at the referendum on 05.07.1995)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
33. [The Constitution of the Republic of Belarus dated 15.03.1994 No. 2875-XII (adopted at the 13th session of the Supreme Council of the Republic of Belarus)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
34. [The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the Republican referendum on 30.08.1995)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
35. [The Constitution of the Republic of Kyrgyzstan (approved by the referendum on 27.06.2010)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
36. [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993)]. In: *SZ RF* [Collection of Registration of Russian Federation], 2014, no. 31. Art. 4398.
37. [The Constitution of the Republic of Moldova (adopted by the Parliament 29.07.1994)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the legal system, Australianfor. Legislation of the CIS countries].
38. [The Constitution of the Republic of Tajikistan (adopted at the national referendum on 06.11.1994)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
39. [The Constitution of Turkmenistan (adopted by the Supreme Council and promulgated by the President of Turkmenistan on 18.05.1992 no. 691-XII)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
40. [The Constitution of the Republic of Uzbekistan (adopted on 8 December 1992 at the eleventh session of the Supreme Council of the Republic of Uzbekistan of the twentieth convocation)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
41. [The Constitution of Ukraine (adopted at the fifth session of the Verkhovna Rada of Ukraine on 28 June 1996 no. 254к/96-BP)]. In: *Dostup iz pravovoi sistemy SoyuzPravoInform. Zakonodatel'stvo stran SNG* [Access from the Legal System, Australianfor. Legislation of the CIS Countries].
42. [Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the seventh special session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on 07.10.1977)]. In: *Vedomosti VS SSSR* [Bulletin of the Supreme Court of the USSR], 1977, no. 41. Art. 617.
43. [The International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly)]. In: *Vedomosti VS SSSR* [Bulletin of the Supreme Court of the USSR], 1976, no. 17. Art. 291.
44. Melikyan A.B. *Pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo finansirovaniya deyatel'nosti politicheskikh partii (konstitutsionno-pravovoi aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Regulation of the State Funding of Political Parties (Constitutional and Legal Aspect): PhD Thesis in Law]. Moscow, 2011. pp. 9.
45. [The Mission of the OSCE/ODIHR Election Observation. Final Report]. In: *OBSE*. (2018). Available at: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/kyrgyzstan/374746?download=true> (accessed: 13.09.2018).

46. Nikolaev A.S. [Legislative regulation of the financial activities of political parties in the Russian Federation]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitution and Municipal Law], 2004, no. 5, pp. 23–26.
47. [The Money of the Party]. In: *Contact.az* (2018). Available at: www.contact.az/ext/news/2018/5/free/analytics/ru/119355.htm (accessed: 13.09.2018).
48. [The parliamentary party of Tajikistan intends to obtain funding through the state budget]. In: *Media group/Tajikistan Asia-plus* [Media group/Tajikistan Asia-plus]. (2018). Available at: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20130221/parlamentskie-partii-tadzhikistana-namereny-poluchat-finansirovanie-za-schet-gosbyudzheta> (accessed: 13.09.2018).
49. Platonova N.I. *Pravovoe regulirovanie finansirovaniya tekushchei deyatel'nosti politicheskikh partii v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh: sravnitel'no-pravovoi analiz: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Regulation of the Funding of Current Activities of Political Parties in the Russian Federation and Foreign Countries: Comparative Legal Analysis: PhD Thesis in Law]. Rostov-on/D, 2015. 136 p.
50. [Political parties as a burden for the state budget. Do we need this?]. In: *IA "24.kg"*. (2018). Available at: https://24.kg/vlast/88007_politicheskaya_partiya_kak_nagruzka_dlya_gosbyudjeta_nam_eto_nado/ (accessed: 13.09.2018).
51. [Recommendations (2003) 4 of the Committee of Ministers of the Council of Europe "On common rules against corruption in the funding of political parties and electoral campaign" (08.04.2003 835 Adopted on the meeting of representatives of Ministers)]. In: *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from sprav.-the legal system "ConsultantPlus"].
52. Romanenko O.V. *Finansirovanie politicheskikh partii v Rossii: konstitutsionno-pravovye problemy: dis. ... kand. yurid. nauk* [The Funding of Political Parties in Russia: Constitutional and Legal Issues: PhD Thesis in Law]. Moscow, 2004. 197 p.
53. [The guiding principles of the legal regulation of activities of political parties (Adopted by the Venice Commission at the 84th plenary session (Venice, 15–16 October 2010)]. In: *Organizatsiya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope* [The Organization For Security and Cooperation in Europe]. Available at: <https://www.osce.org/ru/odihr/81988?download=true> (accessed: 21.09.2018).
54. [How many funds political parties would have in 2018]. In: *Slovo i delo. Analiticheskii portal* [Word and Deed. Analytical portal]. (2018). Available at: <https://ru.slovoidilo.ua/2018/02/08/infografika/politika/skolko-byudzhethnyx-sredstv-poluchat-politicheskie-partii-2018-godu> (accessed: 13.09.2018).
55. [The third evaluation round. Report on the implementation of the recommendations of the Russian Federation "Transparency of Party Funding". GRECO adopted at the 64th plenary meeting (Strasbourg, 16–20 June 2014)]. In: *General'naya prokuratura RF* [The General Prosecutor of the Russian Federation]. (2018). Available at: [https://genproc.gov.ru/anticor/doks/GrecoRC3\(20141_Russia_RU.pdf](https://genproc.gov.ru/anticor/doks/GrecoRC3(20141_Russia_RU.pdf) (accessed: 21.09.2018).
56. [The Federal Law dated 11.07.2001 n 95-FZ "On Political Parties"]. In: *SZ RF* [Collection of Legal Acts of the Russian Federation], 2001, no. 29. Art. 2950.
57. [The Funding of Political Parties and Electoral Campaigns Guide on Financing of Political Activities. The International Institute For Democracy and Facilitation of Elections]. In: *International idea supporting democracy worldwide*. (2018). Available at: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/funding-of-political-parties-and-election-campaigns-RU.pdf> (accessed: 13.09.2018).

58. [Financial Reports of Political Parties]. In: *Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya RF* [The Central Election Committee of the Russian Federation]. (2018). <http://www.cikrf.ru/politparty/finance/> (accessed: 21.09.2018).
59. [Financial Report of the Political Party "Nur Otan"]. In: *Politicheskaya partiya "Nur Otan"* [Political party "Nur Otan"]. (2018). Available at: <http://nurotan.kz/financial-report> (accessed: 13.09.2018).
60. Khamidullin K.Sh. *Finansovo-pravovye osnovy deyatel'nosti politicheskikh partii v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Financial and Legal Bases of Political Parties Activities in the Russian Federation: PhD Thesis in Law]. Moscow, 2015. 193 p.
61. [CEC established the amount of appropriations from the state budget for 2018 allocated for the funding of political parties]. In: *Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Moldovy* [The Central Election Committee of Moldova]. (2018). Available at: <http://www.cec.md/index.php?pag=news&id=1496&rid=21426&l=ru> (accessed: 21.09.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Какителашвили Михаил Михайлович – кандидат юридических наук; доцент кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации;
e-mail: mmk2010@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail M. Kakitashvili – PhD in Law, associate professor at the Department of International Cooperation in Prosecutorial Activity of the University at Prosecutor's Office of the Russian Federation;
e-mail: mmk2010@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Какителашвили М.М. Проблемы государственного и частного финансирования политических партий в государствах-участниках СНГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 70–90.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-70-90

FOR CITATION

Kakitashvili M.M. The Issues of Public and Private Funding of Political Parties in CIS Countries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 70–90.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-70-90

УДК 316.334.3:321(470+571)

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-91-113

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Колесников Е.В., Плотникова И.Н., Старшова У.А.

Саратовская государственная юридическая академия

410056, Саратовская обл., г. Саратов, Вольская ул., д. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу становления социальной государственности в Российской Федерации. Рассмотрены особенности закрепления и реализации данной группы прав в конституционном законодательстве Республики Беларусь, Украины, государств западной демократии – США, ФРГ. Использован метод материалистической диалектики в современной интерпретации, применялись формально-юридический, сравнительно-правовой, социологический, исторический, статистический приёмы познания. Автор приходит к выводу, что взаимосвязь данных типологических групп правомочий личности с задачей построения социального государства в современной России позволяет выявить важный аспект развития постсоветской государственности и раскрыть природу социальных и экономических прав. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: Конституция РФ 1993 г., социальное государство, законодательство, конституционные социальные и экономические права и свободы, мероприятия и программы по развитию образования и здравоохранения, конституционные ценности.

THE FORMATION OF SOCIAL STATE IN THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIAL, ECONOMIC AND HUMAN RIGHTS DEVELOPMENT

E. Kolesnikov, I. Plotnikova, U. Starshova

Saratov State Law Academy

1, Volskaya st., Saratov, Saratov Region, 410056, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation of social state in the Russian Federation. The features of fixing and implementing of this group of rights in the constitutional legislation of the Republic of Belarus, Ukraine, the countries of Western democracy – the USA and Germany are considered. The method of materialistic dialectics in modern interpretation is used, formal-legal, comparative-legal, sociological, historical, statistical methods of cognition are applied. The author comes to the conclusion that the interrelation of these typological groups of individual powers with the task of building a social state in modern Russia makes it possible to identify an important aspect of the development of post-Soviet state and to reveal the nature of social and economic rights. Recommendations on improvement of the legislation are offered.

Key words: The 1993 Constitution of the Russian Federation, social state, legislation, constitutional social and economic rights and freedoms, actions and programs for development of education and health care, constitutional values.

Введение

Важнейшей качественным признаком современного государства является его характеристика в качестве демократического правового и социального.

Строительство демократической государственности невозможно без укрепления его социальных основ в широком смысле. Такая государственность, как показывает зарубежный опыт, должна иметь высокоразвитую экономику и социальную сферу.

Государственная власть существует в конкретных исторических социально-экономических условиях. Её институты должны в той или иной мере удовлетворять потребности, интересы граждан (подданных), а само государство – стремиться к осуществлению принципов социальной справедливости. Это направление деятельности государства и охватывается понятием “социальное” [2, с. 401–404; 23, с. 343; 27, с. 15–18].

Насущные проблемы, возникающие в сложно организованном обществе, может решать только государство. Как показывает исторический опыт, никакие иные институты (включая армию и церковь) не могут выполнять такую организационно-регулирующую роль в непроизводственной области, которую осуществляют государство, его органы, учреждения, государственные и муниципальные служащие.

Социальное государство следует рассматривать в трёх аспектах: нормативном – как конституционный принцип, закреплённый в актах законода-

тельства, концептуальном – как идею и её развитие в различных научных теориях, практическом – как реальное функционирование государственного механизма в социально-экономической области.

“Генератором” социальной политики выступает государство, гарантирующее разнообразную поддержку слабозащищённым в социальном плане гражданам, другим лицам.

Возникновение и развитие концепции социального государства

Впервые понятие “социальное государство” появилось в середине XIX в. в трудах известного немецкого юриста Лоренца фон Штейна (1815–1890). Теория Л. Штейна сложилась под влиянием учений Г. Гегеля, гегельянцев, французских социалистов, в результате анализа развития буржуазных отношений в Европе. Немецкий профессор считал, что предназначение государства заключается в восстановлении равенства и свободы, защите всех нуждающихся; государство должно обеспечить процветание для всех. В монографии, изданной в 1846 г. в Германии, он доказывал, что социальное государство должно поддерживать полное равенство в правах для всех классов, оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу своих граждан (подданных) и тем самым способствовать благополучию всех [41, с. 215].

По мнению современного учёного Х. Байера, социальное государство – это централизованно управляемая за-

бота об обеспечении граждан во всех жизненных положениях (ситуациях). Оно раскрывается как главнейшее проявление современной демократии и основывается на экономическом либерализме [36, с. 9].

Важнейшая цель современного государства – гарантировать достойную жизнь среднестатистическому гражданину, исходя из нормативов установленного прожиточного минимума. История европейских стран показывает, что, начиная с конца XIX в., институты государства берут на себя всё больше полномочий и ответственности для помощи самым нуждающимся – прежде всего инвалидам, больным, многодетным.

Наиболее последовательно концепция социального государства нашла отражение в конституционном и текущем законодательстве Федеративной Республики Германии (ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 21-2, ч. 1 ст. 28 Основного Закона ФРГ) [15, с. 187, 188, 190; 33].

В условиях демократии ответственность общества за достойное существование неабсолютна, она наступает лишь тогда, когда гражданин не может самостоятельно обеспечить себя самого, свою семью, близких. Социальное государство руководствуется постулатом, согласно которому первостепенна ответственность личности, в том числе в сфере социальных отношений. Государство должно стремиться дать равные стартовые возможности каждому для обеспечения достойной жизни, помочь в трудной ситуации. При этом исключительно важна роль личной инициативы, самостоятельности, предприимчивости.

Принципы и основы концепции социальной государственности выра-

жены в гл. 1 Конституции РФ 1993 г. [42]. Во-первых, определение человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности. Во-вторых, первичность (“верховенство”) человека, гражданина во взаимоотношениях с институтами власти. Защищать и соблюдать права и свободы человека и гражданина должны все органы публичной власти (ст. 2). В-третьих, Россия, провозгласившая себя социальным государством, принимает обязательство проводить эффективную государственную социальную политику, направленную на рост благосостояния граждан (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ).

Разумеется, государство должно выделять средства на оборону и безопасность. Однако наибольшей статьей расходов в 2018 г. стала социальная политика. Кроме того, в отдельной строке федерального закона о государственном бюджете определяются такие важные для граждан меры поддержки, как размер материнского (семейного) капитала, разнообразные социальные выплаты [43].

В последние годы из-за социально-экономического кризиса в отраслях социальной сферы складывается сложная ситуация. В первую очередь – недофинансирование этих отраслей и необходимость оказания социальными организациями коммерческих услуг, которые, в конечном счёте, приводят к неравенству в их получении различными категориями граждан.

В основе социальной политики лежит принцип социальной справедливости. Осуществление принципа справедливости – важнейшая стратегическая задача социального государства. Государственная политика, проводимая различными ветвями

власти – прежде всего исполнительными органами – должна отличаться согласованностью, рациональностью в распределении (перераспределении) имеющихся материальных и других ресурсов. Важно, чтобы не возникали конфликты, коллизии, не происходила правовая, социальная и культурная изоляция определённых социальных, этнических групп населения.

Демократическое государство предполагает эффективную социальную защиту граждан в различных формах. Гарантии подобной защиты устанавливаются нормативно-правовыми актами, преимущественно федеральными законами и законами российских субъектов. Социальная защита касается различных категорий граждан (детей, пожилых, инвалидов, многодетных) и охватывает деятельность государственных и муниципальных органов, и коммерческих негосударственных объединений. В любом случае эта защита не может носить локальный или региональный характер и распространяется на всех нуждающихся. В содержание понятия “социальная защита” необходимо включать совокупность различных мероприятий государственной, муниципальной и общественной направленности. Под ним также понимают согласованную комплексную систему мер, применяемых для реализации основных субъективных прав, законодательные, экономические, организационные и другие средства, а также институт самозащиты [32, с. 526]. Употребляемая в литературе категория “социальная защищённость” по содержанию близка к первой и обычно рассматривается как результат реализации всей сово-

купности социально-экономических прав человека [25, с. 18].

После Второй мировой войны в законодательстве ряда стран западной демократии появилось понятие “социальная защита”. В него традиционно включают разнообразные виды социальной поддержки граждан: медицинское обслуживание, пенсии по возрасту, инвалидности, пособия по беременности и родам, по болезни, производственному травматизму, многодетным малообеспеченным семьям.

В совместном ведении Российской Федерации и её субъектов находятся сложные и финансово затратные вопросы социальной поддержки. Они касаются таких вопросов, как пенсионное обеспечение, основы обязательного социального страхования и материальных льгот для отдельных категорий граждан – ветеранов Великой Отечественной войны, лиц, награждённых государственными премиями, медалями, орденами. Российские субъекты вправе вводить дополнительные меры социальной помощи [14, с. 545].

Учитывая сказанное, можно дать следующее определение. *Социальная защита* – это комплекс согласованных и взаимосвязанных мер, услуг, льгот, компетенций, направленных на удовлетворение потребностей малоимущих и нуждающихся граждан, создание условий для их самообеспечения за счёт средств государственного (федерального), регионально-субъектного и муниципального бюджетов, негосударственных источников.

В современной России социальное государство останется во многом мифом без объединения государственных, предпринимательских действий,

общественности для решения сложных насущных проблем. Для изменения ситуации предпринимательское сообщество должно решать вопросы трудовых отношений, прежде всего занятости, охраны труда. Бизнес должен активно поддерживать учреждения образования, социальной сферы, включая спортивные и физкультурные организации.

Основы концепции социального государства выражены в нормах и принципах учредительного акта 1993 г. Исходя из базовых, фундаментальных предписаний, актов текущего законодательства, Российская Федерация, являясь демократическим государством и обеспечивая народовластие, официально установила обязанности по выработке и осуществлению эффективной социальной политики.

Анализируя природу российского социального государства как ценность, надо отметить необходимость создания в общенациональном масштабе благоприятных правовых и организационных возможностей (условий), при которых сами граждане могли бы обеспечить приемлемый материально-финансовый уровень для себя и своей семьи. Опека (надзор) со стороны государственных органов, в том числе правоохранительных, не должны ни заменять, ни подавлять свободу предпринимательства, экономическую активность граждан.

Несомненно, социальным может стать только правовое государство, т. е. такое, в котором юридические механизмы развиты настолько, что способны найти разумный баланс между интересами государства, общества и бизнеса и не допустить ни хаоса, ни государственного патернализма. Сме-

шанная, социально ориентированная экономика с различными видами (формами) собственности – важнейшая основа демократической социальной государственности. Это государство имеет качественное, эффективное законодательство, сильную судебную власть. Оно руководит социально-экономической сферой, обеспечивает и гарантирует социальные и другие права граждан, осуществляет законотворчество, регулирует разнообразные отношения и связи, т. е. определяет основные пределы публичной деятельности. Социальное государство, действуя в интересах всех, заботиться о благополучии граждан, коллективов, создаёт для них равные возможности.

Построение социальной государственности невозможно без полноценной государственной функции социального развития. Посредством её реализации в России на основе рыночной экономики должны: быть созданы условия достойной жизни каждому и обеспечиваться национальное согласие, гражданский мир; оказываться помощь уязвимым категориям граждан; защищаться социальные, экономические и другие права и свободы; укрепляться, совершенствоваться демократический и политический строй.

Важнейшей целью социального государства является осуществление правомочий личности, связанных с правом на достойную жизнь (ст. 7 Конституции РФ). Оно в контексте развития социальной государственности является наиболее значимым. В отечественном правоведении эта проблема активно разрабатывалась известным дореволюционным юристом П.И. Новгородцевым [29, с. 321].

Социальное государство – важнейший компонент внутриправового и международного статуса государства, гарантирующего экономические и социальные права и свободы и соответствующие официальные государственные обязанности. Основной такой обязанностью, исходя из конституционного смысла, являются обеспечение и реализация разнообразных правомочий личности на достойную жизнь и свободное развитие. Современное государство также имеет ещё как минимум две характеристики – демократическую и правовую (ст. 1, 2 Конституции РФ).

Свободное развитие человека и достойный уровень жизни – это воплощение идеи социального государства, его конечная цель и результат, что, собственно, и закреплено в ряде конституционных актов европейских государств.

Существенная роль в становлении социального государства принадлежит судебным органам, прежде всего Конституционному Суду РФ. Защита прав и свобод – одно из главных направлений его деятельности. Так, каждое третье постановление этого высшего суда, принятое в 2008–2017 гг., касалось защиты или реализации всей совокупности социальных и экономических прав и свобод. Проверка конституционности закона по жалобам граждан является одним из самых действенных средств защиты правомочий личности. По утверждению В.Д. Зорькина, Конституционный Суд РФ согласует различные, нередко противоречивые, интересы сторон в пространстве права, что способствует законности и развитию демократии [8, с. 7]. Многие правовые позиции данного органа

конституционного правосудия связаны именно с реформированием и развитием социального законодательства [6; 22; 30].

Общая характеристика социальных прав

В демократической, постсоветской Конституции РФ 1993 г. провозглашён широкий круг основных правомочий человека и гражданина. В учредительном акте права и свободы регламентируются без разделения их на определённые группы, без указания наименования видов прав или отношений, которые они регулируют. Заметим, что многие отечественные и зарубежные учёные не выделяют как самостоятельные основные социальные и экономические права, объединяя их в общую группу прав социально-экономической направленности. Общепринятым в советском и российском правоведении являлось разграничение прав и свобод на личные, социально-экономические и политические. Именно поэтому в ст. 39 Конституции Союза ССР 1977 г. использовался термин “социально-экономические права”. В учебных целях и в политико-правовом просвещении подобное допустимо. Однако необходимо учитывать, что социальные и экономические права обладают различным материально-правовым содержанием и являются относительно самостоятельными. Многообразие этих групп прав, однородных по содержанию, их динамичное развитие требует новой типологической характеристики.

По своей сущности социальные права – это базовые (стартовые) воз-

возможности человека и гражданина, нацеленные на достаточный уровень жизни человека и его семьи, удовлетворение их потребностей. Совокупность этих прав (во взаимодействии с другими правами) призвана обеспечить гражданам, другим лицам определённую защищённость и жизненную стабильность. Без активной целенаправленной деятельности государства, его органов, должностных лиц осуществление социальных и некоторых других прав невозможно.

Социальные и экономические права закреплены в Конституции РФ и в содержательном плане являются фундаментальными и субъективными. Признаки данной объединённой группы прав:

1) являются основными и прямо обозначены в конституционных предписаниях;

2) обладают высшей юридической силой, ибо никакие иные установленные в Российской Федерации права и свободы не могут противоречить зафиксированному в конституционном тексте (гл. 2);

3) подлежат повышенной защите, их номенклатура не может быть уменьшена, произвольно изменена. Принципиально также то, что возможно обращение за защитой нарушенного права в Конституционный Суд РФ и по ряду оснований – в международные правозащитные органы (ч. 3 ст. 46 Конституции России);

4) имеют общедемократическую, гуманитарную направленность, исторически при своём зарождении были тесно связаны с моральными и религиозными нормами (предписаниями), т. к. касались вопросов солидарности,

взаимопомощи, благотворительности [13];

5) позволяют претендовать на получение от государства определённых материальных и смежных благ и услуг;

6) во многих случаях выступают как обеспечительные права – гарантии, делающие реальным осуществление других возможностей индивида.

Анализируемые права возникли в результате классовой борьбы трудящихся за свои права ещё в XIX в. Однако целостную нормативную характеристику получили только в XX в. Эта группа прав относится к правам “второго поколения”.

Надо отметить, что социальные права в национальных конституциях закреплены не одинаково. Так, в американской Конституции 1787 г. нет какого-либо упоминания о социальном характере государства, социальных правах. Такой же подход присущ и некоторым другим государствам [24, с. 187, 291, 292; 31]. Так, в афро-азиатских странах реестр социальных и экономических прав характеризуется, как правило, декларативностью, формальностью, отсутствием реальных гарантий [4, с. 14, 15].

В Европе эта группа прав достаточно полно была отражена в Германии ещё в первой трети XX в. [17, с. 108, 109, 113]. Веймарская немецкая Конституция 1919 г. установила всеобщее школьное обучение (ст. 145); ввела в школах и вузах общественные стипендии (п. 3 ст. 146). Она гарантировала свободу профсоюзной деятельности (ст. 159) и социальное страхование (ст. 161). Конституция допускала создание рабочих советов на предприятиях (ч. 2 ст. 165). Это важное соци-

ально-экономическое правомочие с политической составляющей.

В силу особенностей социально-экономического и политического развития в США социальные права фиксируются не в общенациональной Конституции 1787 г., а в учредительных актах субъектов федерации. Так, достаточно подробно право на образование отражено в Конституции штата Иллинойс 1970 г. [38].

В Соединенных Штатах Америки право на охрану здоровья регламентируется решениями Конгресса. В декабре 2012 г. Верховный Суд признал конституционность реформы здравоохранения, инициируемой президентом Б. Обамой. Суд пришёл к выводу, что главная составляющая реформы – требование об обязательном приобретении медицинской страховки – соответствует Конституции США и отвечает интересам американцев [39].

Иностранный опыт регулирования данной группы прав неоднозначен и разнообразен. Так, в Германии социальные права присутствуют и в Основном законе 1949 г. (в несистематизированной форме) и весьма значительно в имплементированной в законодательство Европейской Социальной Хартии [15, с. 179, 182, 184, 188].

В Конституциях 1918 г. и 1925 г. социальные права не устанавливались. Впервые права данной группы были провозглашены в Конституции Союза ССР 1936 г. и, соответственно, в учредительных актах союзных республик того периода. Это – права на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости (ст. 122–124, 126 Основного закона РСФСР 1937 г.). Конституции конца 70-х гг. содержательно расширили номенкла-

туру этих прав, в частности, дополнив его правом на жилище [44].

На динамику развития социальных прав воздействуют общепризнанные международные акты. Прежде всего надо отметить Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. Согласно положениям этого важнейшего источника международного права, нормальная жизнедеятельность индивида предполагает активное использование всей палитры экономических, социальных, культурных, гражданских и политических прав [45].

В связи со сказанным сомнения в том, что «целесообразно ли ... признавать социальные права наравне с иными правами полноценным элементом каталога конституционных прав и свобод человека и гражданина и соответственно фиксировать их в конституциях» [3, с. 31], не состоятельны. Социальные права – это позитивные права, которые демократические государства обязаны не только признавать, но и гарантировать.

В действующих Конституциях стран СНГ социальные права регламентируются в целом в соответствии с международными стандартами.

Так, в Конституции РФ 1993 г. установлены следующие права данной группы: 1) трудовые права (ст. 37); 2) право на отдых (ч. 5 ст. 37); 3) право на государственную защиту семьи, материнства и детства (ст. 38); 4) право на социальное обеспечение (ст. 39); 5) право на жилище (ст. 40); 6) право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41); 7) право на образование (ст. 43).

В эту же группу входят и экологические права, имеющие определённую

специфику: а) право на благоприятную окружающую среду; б) на достоверную информацию о её состоянии; в) право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу, экологическим правонарушением (ст. 42 Конституции РФ). Однако в настоящее время эти права достаточно декларативны и не конкретизированы в должной мере текущим законодательством.

Многие правоведы не выделяют в особую группу социальные права, объединяя их в общую, укрупненную группу социально-экономических прав [11, с. 168, 169; 18, с. 140, 141; 19, с. 150; 20, с. 143–145; 21, с. 18–20; 42–48]. Необходимость такой дифференциации можно объяснить тем, что одни и те же права можно отнести как к социальным, так и к экономическим (яркий пример – совокупность трудовых прав). Частично это оправдано задачами вузовского учебного процесса при преподавании конституционного права и других дисциплин государственно-правового цикла. Однако многообразие основных прав и свобод, развитие и трансформация последних требуют вычленения однородного содержания и дифференциацию на относительно самостоятельные, но взаимосвязанные права – социальные, экономические, культурные.

Безусловно, социальная направленность присуща совокупности культурных прав. На современном этапе данная группа прав имеет самостоятельное значение и вплотную примыкает к социальным и экономическим правам, неизменно взаимодействуя с ними [9, с. 59–68]. Что касается права на образование, на наш взгляд, его следует рассматривать как комплексное социальное и культурное право, имею-

щее сложное и относительно однородное содержание.

Охранять и реализовывать социальные и экономические права и свободы призван весь государственный механизм – Президент РФ, представительные, исполнительные, судебные органы, прокуратура, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Все они, действуя в рамках своей компетенции, реализуют данные важные правомочия личности, руководствуясь Конституцией России, актами российского законодательства и международного права.

Гарантированность анализируемой группы прав и свобод (как и других) обусловлена следующими факторами: 1) закреплением обязанности Российского государства защищать права и свободы как высшую ценность (ст. 2); 2) запретом на издание федеральных и иных законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55); 3) введением обязанности (императива) не нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17); 4) установлением системы государственной (в том числе и судебной) защиты прав и свобод (ч. 1 ст. 45); 5) предоставлением каждому обеспечивать свои права и свободы всеми легитимными способами (ч. 2 ст. 45); 6) регламентацией условий ограничения прав и свобод только законом (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Несомненно, гарантированность правомочий личности в соответствии с базовыми стандартами предполагает и создание соответствующих социальных, экономических и организационных условий реализации рассматриваемых прав и свобод.

Российское государство гарантирует социальные и иные права, закреплённые в национальном законодательстве и предусмотренные международными обязательствами. Приоритетом в обеспечении этих прав обладают именно российские граждане.

Право на образование и право на охрану здоровья: история становления в России

Своеобразна природа конституционного права на образование, сочетающего и социальные, и культурные правомочия личности. Есть все основания отметить сложный, комплексный, а по некоторым позициям синкретический (от греч. *synkretismos* – соединение, объединение) характер права, закреплённого в ст. 43 Конституции [5, с. 611]. Он детерминирован следующими факторами: во-первых, взаимосвязью и взаимообусловленностью сфер образования и культуры; во-вторых, образование – основа интеллектуального и духовно-нравственного совершенствования личности; в-третьих, образование призвано не только прививать профессиональные навыки и умения, но и художественные и культурные ценности, в том числе содействует взаимопониманию, толерантности (от лат. *tolerantia* – терпение) между народами, расовыми и религиозными группами [5, с. 661].

Впервые право на образование было провозглашено в советском конституционном акте – Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 17 раздела второго), но распространялось формально-юридически только на рабочих и беднейших крестьян [16, с. 200]. Более развернуто это право охарактеризовано в Кон-

ституции Союза ССР 1936 г. (ст. 121). Гарантировалось развитие различных видов (форм) образования на основе связи и обучения с жизнью и производством [16, с. 241]. Совокупность основных прав, включая право на образование и их реализация, позволила Советскому государству в короткие сроки выполнить важные цивилизационные задачи – создать мощную промышленность, ликвидировать неграмотность, развить сферы образования, науки, культуры. Отметим, что обязательное всеобщее восьмилетнее образование для молодёжи, установленное ещё Конституцией Союза ССР 1936 г. (ч. 2 ст. 136) стало реальностью только в 50-е гг. после кровопролитной Великой Отечественной войны и восстановления разрушенного народного хозяйства.

Конституция Союза ССР 1977 г. обогатила и развила данное право (ст. 45). Она ввела всеобщее обязательное среднее образование для молодёжи, повсеместно ставшее доступным к концу 60-х гг. XX в., предусматривала бесплатную выдачу школьных учебников, условия для самообразования граждан.

С самых первых лет после революции 1917 г. и до конца 80-х гг. в Советском государстве существовала жёстко централизованная и идеологизированная в духе марксизма-ленинизма система образования и подготовки кадров. Согласно Конституции Союза ССР 1977 г. (ст. 25), в Советском Союзе функционировала единая система народного образования, которая служила коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодёжи [16, с. 117].

Радикальные социально-экономические и политические реформы в Советском Союзе и в России в начале 90-х гг. привели к смене общественного строя, что, в конечном счёте, было отражено в действующей Конституции РФ 1993 г. Право на образование получило развёрнутую характеристику (ч. 1–5 ст. 43).

Базовая норма закрепила общедоступность дошкольного, общего и среднего образования. Вводилось в качестве обязательного одиннадцатилетнее обучение. Российские граждане, другие лица, законно находящиеся на российской территории, вправе на конкурсной основе получать бесплатно высшее образование.

Характеристика права на образование полностью соответствует общепризнанным международно-правовым актам.

В современных условиях развитие отношений в анализируемой сфере регламентировано федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 21 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. В нём закреплены социально-экономические, организационно-правовые основы образования, принципы государственной политики России в этой области, общие правила функционирования образовательной системы и осуществления образовательной деятельности [46]. При этом законодатель рассматривает образование как единую целостную систему с компонентами воспитания и обучения, направленную на развитие человеческого капитала и общества. В целом это соответствует традиционному либерально-европейскому подходу к образованию.

Важнейшим социальным правомочием личности является право на охрану здоровья, впервые закреплённое в Конституции Союза ССР 1977 г. (ст. 42). В учредительном акте 1993 г. оно обогатилось и сформулировано как право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41). Охрана здоровья – это инициативная, рассчитанная на длительный период, деятельность государства, его органов и учреждений, а также граждан. На законодательном уровне установлены правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья, прав и обязанностей личности в сфере здравоохранения, гарантии реализации этого права, полномочия и ответственность федеральных, региональных и муниципальных органов. Важнейшие отношения в анализируемой области урегулированы в федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [47].

В той или иной степени данное право отражено во многих зарубежных конституционных актах. Так, в Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с посл. изм.) оно фиксируется традиционно как право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения (ст. 45). В Конституции Украины 1996 г. (с посл. изм.) данное право (ст. 49) включает полномочия: 1) на охрану здоровья; 2) на медицинскую помощь; 3) на медицинское страхование [10, с. 345, 347, 348].

В системе конституционных правомочий личности право на охрану здоровья занимает одно из доминирующих мест. Здоровье – это величайшая ценность. Согласно одному из реше-

ний Конституционного Суда РФ, в Российской Федерации особой защите подлежат такие значимые для всего общества и отдельного человека неотчуждаемые блага, как жизнь и здоровье [48]. Характерно, что федеральный законодатель в соответствии с общепризнанными и международными стандартами определяет здоровье как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют не только заболевания, но и расстройства функций органов и систем организма.

Реализация данного права значима для индивида (лица) и общества. Ценность конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь на индивидуальном уровне обусловлена прежде всего ценностно-ориентированным отношением к здоровью, которое может быть высоким и низким [12, с. 171, 172]. В первом случае устойчивая установка индивида на здоровый образ жизни, на проведение профилактических мероприятий позволяет поддерживать наиболее приемлемый уровень последнего и приводит к минимальной потребности в ресурсах различных систем здравоохранения в рамках реализации соответствующего основного права. Это обеспечивает индивидуальную безопасность и высокий уровень благополучия применительно к жизни и человеческому здоровью. При низком ценностно-ориентированном отношении к здоровью аксиологическая ценность анализируемого права (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ) невысока, что неизбежно приводит к ухудшению самочувствия, усугублению имеющихся проблем, и, в конечном счёте – к инвалидности и смерти.

Общим интегративным показателем качества жизни и здоровья человека является продолжительность его жизнедеятельности, составляющая в России на конец 2017 г. всего 72,6 года [26; 28]. Средний возраст россиян за последние два десятилетия существенно вырос, но в целом по сравнению с другими странами является достаточно скромным – Россия по долголетию занимает 96-е место в мире. В числе лидеров по этому показателю – Япония, Швейцария, Сингапур, в которых продолжительность жизни равна 83–84 года [28].

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию на 2018 г. поставлена задача: к 2030 г. увеличить среднюю продолжительность жизни как минимум до 80 лет [49]. Осуществить эту важную социальную цель как часть стратегии по “сбережению народа” возможно только при условии повышения качества медицинской помощи, её доступности. По данным печати, во многих регионах, включая и Саратовскую область, граждане недовольны услугами в таких сферах, как акушерство, гинекология, стоматология, педиатрия [1; 7].

Под влиянием общественного мнения федеральный законодатель в 2017 г. ввёл независимую оценку качества условий оказания услуг медицинскими организациями. В частности, по таким основаниям, как доступность медицинской информации, комфортность (от лат. *conforture* – усиливать – совокупность бытовых удобств, уют) [5, с. 301] предоставления данных услуг, в том числе время предоставления медицинской услуги, доброжелательность, вежливость врачей, других медицинских работников.

Повышение качества работы учреждений здравоохранения, медицинских услуг может быть достигнуто только на основе инновационных, научных подходов. 28 декабря 2012 г. Правительством РФ была принята Стратегия развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 г. [50]. Она призвана быть научной основой системы здравоохранения, а также направлена на радикальное улучшение качества медицинской помощи различным категориям граждан.

Функционирование медицинских учреждений XXI в. предполагает, как сказано в правительственном акте, Стратегии развития медицинской науки, в частности, создание передовых и уникальных учреждений – центров биоинформации, клиник (больниц) трансляционной и доклинической медицины, банков клеточных технологий.

Отметим, что существующих нормативно-правовых источников, регулирующих отношения в сфере медицины и здравоохранения, недостаточно для развития наиболее динамичных областей, имеющих, как правило, новаторский и междисциплинарный характер. Поэтому в Стратегии развития медицинской науки от 28 декабря 2012 г. сказано о необходимости разработки на федеральном уровне законопроектов, регулирующих статус инновационных продуктов и технологий: 1) отношения по пересадке органов и тканей; 2) об обращении тканевых медицинских продуктов; 3) о генно-терапевтических медицинских средствах; 4) о биомедицинской этике. Такие проекты должны быть подготовлены Министерством здравоохранения РФ и Российской Академией наук в кратчайшие сроки. 8 июня 2016 г. принят Государственной

Думой федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» № 180-ФЗ, вступивший в силу 1 января 2017 г. [51]. Он регламентирует весь комплекс отношений, возникающих в связи с разработкой, доклиническими и клиническими исследованиями, экспертизой, государственной регистрацией, производством, реализацией, применением, хранением, транспортировкой, вывозом в Российскую Федерацию и вывозом из неё биомедицинских клеточных продуктов. Этот Закон ввёл запрет на создание эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов (ст. 3).

По многим аспектам рассмотренные права, установленные в российской Конституции (ч. 1 ст. 41, ч. 1 ст. 43), являются сущностными и типичными для всей системы социальных правомочий. Несмотря на определённые успехи в их осуществлении и доступности, имеются значительные проблемы в гарантировании этих прав, в том числе в законодательной сфере.

Социальные права и свободы взаимосвязаны с экономическими правами и свободами, обладающими самостоятельным содержанием.

Экономические права и свободы

По своей сущности основные экономические права и свободы являются значимыми и фиксированными возможностями личности, обеспечивающими её свободу в экономической сфере. Они направлены на удовлетворение потребностей и интересов человека и гражданина в осуществлении предпринимательской деятельности, выборе рода деятельности и профес-

сии, владении и распоряжении имуществом на праве собственности.

Разграничение между социальными и экономическими правами возможно провести, исходя из содержания их правомочий, которые являются структурными элементами содержания данных прав. Следует отметить, что имеются существенные отличия и в правомочиях пользования социальным благом. На первый взгляд и те, и другие права направлены на удовлетворение материальных биологических потребностей (продуктов, питания, обихода, жилья, комфортной окружающей среды, физического здоровья, достойного уровня жизни и благосостояния). Однако возможность пользоваться социальным благом в содержании экономических прав состоит как в удовлетворении материальных биологических, так и социологических потребностей (в труде как созидательной, преобразовательной деятельности, необходимой для существования личности). При этом целью предпринимательской деятельности является получение личного дохода (прибыли), не ограниченного размерами, и свободное распоряжение им после уплаты обязательных платежей. Традиционные правомочия осуществления права собственности – владение, пользование и распоряжение материальными вещами без определённого ценового выражения.

Указанные права направлены на обеспечение жизненно необходимых материальных и социальных благ всем членам общества. И в первую очередь они предполагают осуществление фиксированных выплат и предоставление льгот тем слоям населения, которые не могут обеспечить себя самосто-

ятельно в силу болезни, достижения определённого возраста, нахождения вне государства или региона своего проживания в силу чрезвычайных обстоятельств. Целесообразно согласиться с мнением, что экономические права являются формой проявления свободы личности в сфере экономики и в большей степени проистекают из природы человека, между тем как социальные, – из природы общества, которое заинтересовано в поддержании гражданского мира, достигаемого в том числе и путём перераспределения ресурсов сверху вниз при помощи государства [34, с. 52].

Отметим, что при исследовании сущности и содержания прав человека, зарубежными учёными и практиками зачастую противопоставляются традиционные “классические”, личные и политические (негативные) права “особым” социально-экономическим (позитивным) правам, объём реализации и гарантированности которых находится в зависимости от степени развития и состояния экономики в государстве.

Такой подход согласуется и с конституционной практикой некоторых зарубежных стран, согласно которой, право на свободу частного предпринимательства и инициативы – это личное (гражданское) право. Оно производно от прав и свобод первого поколения, провозглашающих индивидуальную свободу личности (в различных сферах), с акцентом на право частной собственности.

Опыт конституционного регулирования в США показывает, что из группы экономических прав только право собственности получило своё закрепление в американской Конституции

1787 г. как личное право (поправки 5 и 14 к Конституции) [37] путём негативного способа определения правосубъектности личности – в виде запрета изъятия собственности без справедливого вознаграждения, в случае отчуждения для общественного пользования и без законной правовой процедуры. Свобода предпринимательской деятельности в США на конституционном уровне не регламентируется. Экономические права получили своё оформление и развитие в отраслевом законодательстве федерации и штатов. Тем не менее важность обеспечения государством основных экономических свобод: работать, пользоваться плодами своего труда; владеть и контролировать своё имущество; участвовать в свободном рынке – была подчеркнута Президентом США Р. Рейганом в Экономическом билле о правах Америки от 3 июля 1987 г. [35].

Исследовательский центр *Heritage Foundation* (США), проводящий анализ экономической свободы по большинству стран мира, с 1995 г. определяет экономическую свободу как основополагающее право каждого человека контролировать свой труд и собственность, свободу работать, производить, потреблять и вкладывать средства любым способом, а также свободу перемещения труда, капитала и товаров [40].

Многие российские правоведы включают в состав экономических прав не только свободу труда как базовый принцип организации социально-экономической жизни, но и иные (отдельные), либо – “все” трудовые права, закреплённые в ст. 37 Конституции РФ [6, с. 19; 34, с. 51]. Полагаем, что основные трудовые права необходимо от-

нести к социальным правам, которые одновременно являются и правами-гарантиями этого права – свободы труда и выбора рода деятельности и профессии. Данная позиция соответствует регламентации трудовых прав, установленных в общепризнанных международно-правовых актах.

Для Российского государства после подавления в период авторитарного прошлого имманентно присущих практически каждому человеку прав в сфере экономической свободы, имеющегося опыта признания в советских Конституциях многих социальных прав было недостаточно. Необходимо было закрепить в Основном законе России экономические права, традиционно признаваемые в странах с либерально-демократическим режимом. Это: право на предпринимательскую деятельность (ч. 1 ст. 34); частной собственности (ст. 35); самостоятельное правомочие – право частной собственности на землю (ст. 36), свобода труда, выбора рода деятельности и профессии (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ).

Свобода экономической деятельности закреплена в конституционном и текущем законодательстве. В ч. 1 ст. 34 Конституции РФ право на свободное использование своих способностей (умений, навыков, задатков) и имущества для ведения предпринимательской деятельности признаётся как право человека и гражданина. Оно распространяется на всех физических лиц, включая иностранных граждан. Таким образом, субъектами права на предпринимательскую деятельность по отечественному законодательству являются российские граждане, не ограниченные в установленном порядке в дееспособности, иностранцы,

лица без гражданства. При государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя иностранного гражданина или лица без гражданства в регистрирующий орган должна быть представлена копия документа, подтверждающего право указанных лиц временно или постоянно проживать в России.

При этом не следует рассматривать право на предпринимательскую деятельность только в рамках индивидуального предпринимательства. Субъектом данного права могут быть как отдельные лица, так и коллективы граждан, создавшие предприятие и владеющие им на праве собственности. Конституционный Суд РФ в постановлении от 24 октября 1996 г. подчеркнул, что акционерное общество и другие хозяйственные общества являются юридическими лицами – объединениями, которые образованы гражданами для совместного осуществления конституционных прав [52].

Относительно осуществления предпринимательской деятельности иностранными гражданами и юридическими лицами (иностранцами инвесторами) следует отметить, что в соответствии с законодательством для иностранных инвесторов в России устанавливается правовой режим деятельности не менее благоприятный, чем для российских инвесторов (за некоторыми исключениями, устанавливаемыми федеральными законами).

Конституционное право человека и гражданина на предпринимательскую деятельность включает в себя разнообразные правомочия, являющиеся структурными элементами содержания данного права. Предприниматель, осуществляя правомочие действия,

вправе добровольно и свободно использовать принадлежащее ему на праве собственности или на ином вещном или обязательственном праве имущество, имущественные права, а также наёмный труд и свои способности, реализуя свободы: выбора рода занятий и профессии, использования и распоряжения собственностью, учреджения предприятий.

В отношении права частной собственности надо отметить, что в действующей Конституции России (ст. 8) были провозглашены принципы многообразия форм собственности и равной защиты частной, государственной и муниципальной собственности. Юридическое равенство форм собственности, их признание и равная защита означает, что все формы собственности, и частная, и публичная (государственная и муниципальная), одинаково признаются и охраняются Конституцией РФ и иным российским законодательством. В ст. 35 Основного закона России было закреплено право частной собственности “каждого”, т. е. человека и гражданина, как гарантированное и неотъемлемое право. Отличительным признаком данного права является сложное нормативное содержание, т. к. в его структуре выделяются различные по своей направленности правомочия. В ст. 35 Конституции России регламентируется юридическая возможность лица иметь “свое” имущество посредством традиционной “триады”: а) владения; б) пользования; в) распоряжения. Особенность права собственности как субъективного права заключается именно в обладании определённым социальным благом – вещью (имуществом) и воз-

возможностью распоряжения им по своему усмотрению.

Конституция устанавливает различные виды собственности на землю и другие природные ресурсы (ч. 2 ст. 9). Что касается права собственности на землю, то считаем целесообразным установить более веские и конкретные ограничения права собственности на земельные участки, нежели на иные объекты вещных прав. Это обусловлено положениями ст. 9 Конституции РФ, которая провозглашает землю как основу жизни и деятельности народов, что предполагает повышенную охрану и защиту земельных ресурсов.

В современных условиях считаем необходимым выработку государством эффективных конкретных мер, направленных на выявление и устранение существенных препятствий при осуществлении основных экономических прав. И немаловажную роль при этом играют бизнес-сообщества, их мнение должно быть услышано и учтено, а также общественные профсоюзные организации, создаваемые в

целях реализации и защиты основных экономических прав. Государственные и муниципальные органы должны создать открытые и комфортные условия для предпринимательства.

Заключение

Социальная государственность в России находится в стадии становления. Совокупность основных социальных и экономических прав и свобод, закреплённых в Конституции РФ, по существу есть выражение нового поколения прав и свобод в контексте российской цивилизации, неперемный фактор и условия устойчивого и прогрессивного развития личности, экономики, социальной сферы.

Социальное государство призвано обеспечивать гражданам достойные условия жизни, защищённость, справедливость. В связи с этим необходимо совершенствовать действующие акты федерального законодательства и издавать новые – для реализации конституционных норм и принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аваков А. Почему Крым завидует Дагестану // Московский комсомолец. 2018. 16 марта.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. 5-е изд., пераб. и доп. Т. 1. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 864 с.
3. Алебастрова И.А. Социальные права: конституционные обещания, пожелания или привидения? // Государство и право. 2010. № 4. С. 30–38.
4. Берлявский Л.Г., Колесников Е.В. Конституционное право зарубежных стран: государства Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока: учеб. пособие для магистрантов и аспирантов. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.
5. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: Центрполиграф, 2005. 816 с.
6. Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма: Инфра-М, 2017. 272 с.
7. Гусенко М. Жертва красоты: косметолог может быть опасен // Российская газета. 2018. 27 марта.
8. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма, 2017. 592 с.

9. Ивакина Д.С. Конституционные права и свободы граждан Российской Федерации в области культуры. Старый Оскол: Тонкие наукоемкие технологии, 2016. 208 с.
10. Кириленко В.П., Мандрыка Е.В. Конституционное законодательство государств – участников СНГ: вопросы теории и практики. Симферополь: Таврия, 2009. 596 с.
11. Ковешников Е.М., Марченко М.Н., Стешенко Л.А. Конституционное право стран Содружества Независимых Государств. М.: Норма: Инфра-М, 1999. 464 с.
12. Колесников Е.В., Литовкина М.И. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации как конституционная ценность // Право и политика: научный журнал. 2016. № 2. С. 167–177.
13. Колотова Н.В. Нравственные предпосылки социальных прав // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 118–127.
14. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В.Д. Карповича. М.: Юрайт-М: Новая правовая культура, 2002. 959 с.
15. Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма: Инфра-М, 1997. 816 с.
16. Конституция общенародного государства: сборник / под общ. ред. М.С. Смиртюкова, К.М. Боголюбова. М.: Политиздат, 1978. 248 с.
17. Конституции буржуазных стран: в 2 т. Т. 1 / под ред. Ю.В. Ключникова. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 337 с.
18. Конституционное право России: учебник / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. М.: Юрист, 2003. 538 с.
19. Конституционное право России: учебник / под ред. Г.Н. Комковой. М.: Юрист, 2006. 399 с.
20. Конституционное право России: учебник / под ред. В.Т. Кабышева. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2016. 364 с.
21. Конституционное право: университетский курс: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М.: Проспект, 2015. 432 с.
22. Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: сб. докладов / В. Зорькин и др. М.: Институт права и публичной политики, 2008. 318 с.
23. Кутафиу(н?) О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 544 с.
24. Маклаков В.В. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: учебник. 2-изд., испр. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 896 с.
25. Малеин Н.С. О социальной защищенности личности в правовом государстве // Советское государство и право. 1990. № 6. С. 16–23.
26. Миркин Я. Путь к «золотому миллиарду» // Российская газета. 2018. 20 марта.
27. Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. М.: Юридическая литература, 1999. 254 с.
28. Невинная И. Пусть Альцгеймер подождет: секреты японского долголетия // Российская газета. 2018. 28 марта.
29. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Наука, 1995. 448 с.
30. Снежко О.А. Защита социальных прав граждан: теория и практика. М.: ИНФРА-М, 2013. 244 с.
31. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс: Универс, 1993. 768 с.
32. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Д. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформ-центр, 1997. 525 с.

33. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. М.: Юридическая литература, 1981. 367 с.
34. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / под общ. ред. Ф.М. Рудинского. М.: Права человека, 2009. 495 с.
35. America's Economic Bill of Rights, July 3, 1987 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=34513> (дата обращения: 21.03.2018).
36. Bair H. Ehrlichkeit im Sozialstaat. Zurich, 1998. 152 p.
37. Constitution of the United States. 1787 [Электронный ресурс]. URL: https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (дата обращения: 14.04.2018).
38. Constitution of Illinois. 1970: Comment. Springfield, 2005. 185 p.
39. Health Care and the Supreme Court // The New York times. 2012. Dec. 6.
40. Index of Economic Freedom [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heritage.org/index/about> (дата обращения: 14.04.2018).
41. Stein L. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften Deutschlands. Stuttgart, 1876. 346 s.
42. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках в Конституцию РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
43. Федеральный закон от 05.12.2017 № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 50. Ст. 7533.
44. Конституция (Основной Закон) РСФСР. М.: Советская Россия, 1978. 64 с.
45. ??? URL: <http://www.refworld> (дата обращения: 22.04.2018).
46. Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 50. Ст. 7563.
47. Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 50. Ст. 7544.
48. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П // Российская газета. 2005. 7 июня.
49. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Российская газета. 2018. 2 марта.
50. Стратегия развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 № 2580-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 2. Ст. 11.
51. Российская газета. 2018. 7 авг.
52. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.1996 № 17-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5202.

REFERENCES

1. Avakov A. [Why Crimea is Jealous of Dagestan]. In: *Moskovskii komsomolets (stolich. vyp.)*. March 16, 2018.
2. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: ucheb. kurs: v 2-kh tt.* [The Constitutional Law of Russia: academic course: in 2 vols]. M.: Norma; Infra-M, 2014. 864 p.
3. Alebastrova I.A. [Social Rights: Constitutional Promises, Requests or Ghosts?]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2010, no. 4, pp. 30–38.
4. Berlyavskii L.G., Kolesnikov E.V. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran: gosudarstva Severnoi Afriki, Blizhnego i Srednego Vostoka* [Constitutional Law of Foreign Countries: the

- States of North Africa and the Middle East: a course for undergraduates and postgraduates]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 184 p.
5. Moskvina A.YU., comp. *Bol'shoi slovar' inostrannykh slov* [Big Dictionary Of Foreign Words]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005. 816 p.
 6. Bondar' N.S. *Ekonomicheskii konstitutsionalizm Rossii: ocherki teorii i praktiki* [Economic Constitutionalism of Russia: Essays on Theory and Practice]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2017. 272 p.
 7. Gusenko M. [Victim of the Beauty: Cosmetologist Can Be Dangerous]. In: *Rossiiskaya gazeta*. March 27, 2018.
 8. Zor'kin V.D. *Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktika* [The Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice]. Moscow, Norma Publ., 2017. 592 p.
 9. Ivakina D.S. *Konstitutsionnye prava i svobody grazhdan Rossiiskoi Federatsii v oblasti kul'tury* [Constitutional Rights and Freedoms of the Citizens of the Russian Federation in the Field of Culture]. Stary Oskol, LTD. "Tonkie naukoemkie tekhnologii" (TNT) Publ., 2016. 208 p.
 10. Kirilenko V.P., Mandryka E.V. *Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo gosudarstv* [The Constitutional Law of States]. Simferopol, Tavriya Publ., 2009. 596 p.
 11. Koveshnikov E.M., Marchenko M.N., Steshenko L.A. *Konstitutsionnoe pravo stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [The Constitutional Law of the CIS Countries]. Moscow, Norma; Infra-M Publ., 1999. 464 p.
 12. Kolesnikov E.V., Litovkina M.I. [The right to health and medical care in the Russian Federation as a constitutional value]. In: *Pravo i politika: nauchnyi zhurnal* [Law and Policy: a Scientific Journal]. 2016, no. 2, pp. 167–177.
 13. Kolotova N.V. [Moral Preconditions of Social Rights]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2015, no. 5, pp. 118–127.
 14. Karpovich V.D., ed. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentaries on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Yurait-Moscow, New Law Culture Publ., 2002. 959 p.
 15. Okun'kov L.A. *Konstitutsii gosudarstv Evropeiskogo Soyuza* [The Constitutions of the States of the European Union]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 1997. 816 p.
 16. Smirnyukov M.S., Bogolyubov K.M., eds. *Konstitutsiya obshchenarodnogo gosudarstva: sbornik* [The Constitution of the National State: a Collection]. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 248 p.
 17. Klyuchnikov Yu.V., ed. *Konstitutsii burzhuaznykh stran: v 2 tt. T. 1* [The Constitutions of the Bourgeois Countries: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow – Leningrad, State Social Economy Publishing House Publ., 1935. 337 p.
 18. Kokotov A.N., Kukushkin M.I., eds. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [The Constitutional Law of Russia]. Moscow, Yurist Publ., 2003. 538 p.
 19. Komkova G.N., ed. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [The Constitutional Law of Russia]. Moscow, Yurist Publ., 2006. 399 p.
 20. Kabyshev V.T., ed. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [The Constitutional Law of Russia]. Saratov, Publishing House of Saratov State Law Academy Publ., 2016. 364 p.
 21. Kazannik A.I., Kostyukov A.N., eds. *Konstitutsionnoe pravo: universitetskii kurs: v 2-kh tt. T. 1* [Constitutional Law: academic course: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Prospect Publ., 2015. 432 p.
 22. Zor'kin V. et al. *Konstitutsionnyi printsip sotsial'nogo gosudarstva i ego primeneniye konstitutsionnymi sudami: sb. dokladov* [The Constitutional Principle of the Social State and Its Application by the Constitutional Courts: a Collection of Papers]. Moscow, Institute of Law and Public Policy Publ., 2008. 318 p.

23. Kutafin O.E. *Rossiiskii konstitutsionalizm* [Russian Constitutionalism]. Moscow, Norma Publ., 2008. 544 p.
24. Maklakov V.V. *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya chast'* [Constitutional (State) Law of Foreign Countries. General Part]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2012. 896 p.
25. Malein N.S. [On Social Security of the Individual in a Legal State]. In: *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1990, no. 6, pp. 16–23.
26. Mirkin Ya. Put' k "zlotomu milliardu" [The Path to the "Golden Billion"]. In: *Rossiiskaya gazeta*. March 20, 2018.
27. Morozova L.A. *Problemy sovremennoi rossiiskoi gosudarstvennosti* [The Issues of the Modern Russian State]. Moscow, Legal Literature Publ., 1999. 254 p.
28. Nevinnaya I. Pust' Al'tsgeimer podozhdet: sekrety yaponskogo dolgoletiya [Let Alzheimer Wait: the Secrets of Japanese Longevity]. In: *Rossiiskaya gazeta*. March 28, 2018. ¶29.
29. Novgorodtsev P.I. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 448 p.
30. Snezhko O.A. *Zashchita sotsial'nykh prav grazhdan: teoriya i praktika* [The Protection of the Social Rights of Citizens: Theory and Practice]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 244 p.
31. Zhidkov O.A., ed. *Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [United States of America: Constitution and Legislative Acts]. Moscow, Progress, Univers Publ., 1993. 768 p.
32. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.D. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia]. Moscow, Yurinformsentr Publ., 1997. 525 p.
33. Khesse K. *Osnovy konstitutsionnogo prava FRG* [The Foundations of the Constitutional Law of Germany]. Moscow, Legal Literature Publ., 1981. 367 p.
34. Rudinskii F.M. *Ekonomicheskie i sotsial'ye prava cheloveka i grazhdanina: sovremennye problemy teorii i praktiki* [Economic and Social Rights of Man and Citizen: Modern Theory and Practice]. Moscow, Human Rights Publ., 2009. 495 p.
35. America. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=34513> (accessed: 21.03.2018).
36. Bair H. *Ehrlichkeit im Sozialstaat*. Zurich, 1998. 152 p.
37. Constitution of the United States. 1787. Available at: https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (accessed: 14.04.2018).
38. Constitution of Illinois. 1970: Comment. Springfield. 2005. 185 p.
39. Health Care and the Supreme Court. In: *The New York times*, 2012. Dec. 6
40. Index of Economic Freedom. Available at: <https://www.heritage.org/index/about> (accessed: 14.04.2018).
41. Stein L. *Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften Deutschlands*. Stuttgart, 1876. 346 s.
42. [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments introduced by Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30 December 2008 no. 6-FKZ dated 30 December 2008 no. 7-FKZ of 5 February 2014 no. 2-FCL dated July 21, 2014 no. 11-FCL)]. In: *Sobr. Zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31. Art. 4398.
43. [On the Federal Budget for 2018 and the Planning Period of 2019 and 2020: the Federal Law of December 5, 2017 no. 362-FZ]. In: *Sobr. Zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 2017, no. 50. Art. 7533.
44. [Bulletin of the Supreme Council of the USSR]. 1977, no. 41. Art. 617; [Constitution (Basic Law) of the RSFSR]. Moscow, Soviet Russia Publ. 1978. 64 p.

45. Available at: www.refwold/ (accessed: 22.04.2018).
46. [Collection of the Legislation of Russian Federation], 2012, no. 53. Art. 7558; 2014, no. 19. Art. 2289; no. 30, p. 4257; 2015, no. 1. Art. 42; 2017, no. 50. Art. 7563.
47. [Collection of the Legislation of Russian Federation]. 2011, no. 48. Art. 6724; 2016, no. 1. Art. 9; no. 15. Art. 2055; 2017, no. 3 (part 1). Art. 4754; no. 31. Art. 4791; no. 50. Art. 7544. Art. 7563.
48. [The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 31, 2005. No. 6-P]. In: *Rossiiskaya gazeta*, June 7, 2005.
49. [The Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly on 1 March 2018.]. In: *Rossiiskaya gazeta*. March 2, 2018
50. [Strategy for the Development of Medical Science in the Russian Federation for the Period up to 2025. Approved. The Decree of the RF Government dated 28 December 2012 № 2580-R]. In: *Sobr. Zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 2. Art. 11.
51. *Rossiiskaya gazeta*. 2016. June 28, 2018; August 7 2018.
52. [The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October, 24th, 1996. No. 17-P]. In: *Sobr. Zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 45. Art. 5202.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесников Евгений Викторович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник научно-образовательного центра, профессор кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии; e-mail: k_kmp@ssla.ru

Плотникова Инна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии; e-mail: innap17@mail.ru

Старшова Ульяна Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии; e-mail: Starshova@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Kolesnikov – Doctor of Law, Chief researcher of the Scientific and Educational Center, Saratov State Law Academy (SSLA), Professor at the Department of Constitutional Law of the SSLA; e-mail: k_kmp@ssla.ru

Inna N. Plotnikova – PhD in Law, associate professor at the Department of Constitutional Law, Saratov State Law Academy; e-mail: innap17@mail.ru

Ulyana A. Starshova – PhD in Law, associate professor at the Department of Constitutional Law, Saratov State Law Academy; e-mail: Starshova@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесников Е.В., Плотникова И.Н., Старшова У.А. Становление социального государства в Российской Федерации: проблема развития социальных и экономических прав человека и гражданина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 91–113.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-91-113

FOR CITATION

Kolesnikov E.V., Plotnikova I.N., Starshova U.A. The Formation of Social State in the Russian Federation: Social, Economic and Human Rights Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 91–113.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-91-113

УДК 316.334.3

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-114-125

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ходусов А.А.*Международный юридический институт**27427, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Целью данной работы являются характеристика представленности проблем социального государства в научной литературе, определение понятия и критериев социального государства, а также перспектив государства по отношению к современному обществу. Процедура и методы исследования соотносятся со сравнением концепции социального государства с концепцией и природой государственной власти. Результатами проведённого исследования является обоснованность следующих аспектов: социальное государство подразумевает не только социальное обеспечение со стороны государства, но и структурное реформирование общества, а также то, что социальное государство из теоретического концепта трансформируется в практику политического управления посредством реализации государственной социальной политики. Значимость материалов, представленных в статье, определяется акцентом на том, что понятие социальной справедливости является одним из ключевых понятий социального государства, однако сущность и определение этого понятия не выработаны с большой степенью точности ни наукой, ни практикой. Материалы статьи могут быть использованы в научной и лекционной работе.

Ключевые слова: социальное государство, социальная политика, природа власти, социальная справедливость, социальные болезни, социальные обязательства.

TOWARDS THE ISSUE OF NATURE AND PROBLEMS OF A WELFARE STATE

A. Khodusov*International Law Institute**4, st. Kashenkin Lug, Moscow, 27427, Russian Federation*

Abstract. The purpose of this article is to analyze the representation of the welfare state issues in academic literature; to provide a definition of the concept of welfare state and its features; to reveal the prospects for state–society relationship. The procedure and methods of the research correlate with the comparison of the concept of a welfare state adjoining to the concept and nature of government. The results of the conducted research are the following: welfare state means not only social security from the state, but also structural reforming of the society; welfare state is being transformed from a theoretical concept into practices of political management through the realization of state social policy. The relevance of the article is due to the fact that the concept of social justice is one of the key concepts of welfare state, however the nature and definition of this concept have not been sufficiently developed either in science, or in practice. The materials of the article can be used in further research and lecturing.

© CC BY Ходусов А.А., 2018.

Key words: social state, social policy, nature of power, social justice, social diseases, social obligations.

В научной литературе [1; 2; 6; 8; 9; 14; 15; 16; 17; 19; 20; 21] сущность и проблемы социального государства, как правило, исследуются сквозь призму государственной социальной политики. Концептуальные проблемы и анализ категории «социальное государство» рассматриваются в трудах В.Г. Белова, П.К. Гончарова, Н.Н. Гриценко, Б.Н. Королева, Л.Н. Кочетковой, И.В. Леонова, С.Г. Хорловой, А.Ф. Хромцова, Ф.И. Шаркова и др.

Очень интересны положения Ф. Ницше о концепции социального государства. Интерес представляет позиция именно этого философа в силу того, что он высказывает совершенно противоположную точку зрения рассматриваемой – о том, что государство должно являться государством силы, а не государством поддержания всеобщей слабости. По мнению философа, неравенство существовало ещё до государства. Поэтому уже тогда не могло существовать свободного волеизъявления и установленного договором баланса интересов людей, поскольку любое соглашение, по мнению Ницше, основано на признании равноправия и свободы воли – одного из основных начал гражданского права, которое также используется и при построении гражданского общества. В условиях наличия источника власти – а любое сообщество индивидов в силу своей природы в любом случае имеет источник власти, рождающий подчинение более слабого сильному – о договоре не может быть и речи [13, с. 304–320]. Поскольку государство является источником власти, социальное

государство предполагает социальную природу власти, что закреплено в Конституции РФ в виде единого источника власти – многонационального народа РФ, однако в таком случае получается парадокс, поскольку государство, состоящее из социальных иждивенцев, которые не способны самостоятельно решить ни одну возникающую проблему, не может быть источником власти, поскольку такие ослабленные лица не могут являться индивидуальными источниками власти, поэтому такая концепция может восприниматься критически в разрезе того, что только сильный многонациональный народ может являться действительным источником власти, однако население, перекладывающее рашение любых самых мелких проблем на государство, по определению не может являться таким сильным народом, поэтому природа власти в государстве не может являться социальной и коллективной в принципе. Природа власти является индивидуальной, при этом принцип социального государства основан на распределении благ между нуждающимися, более слабыми, исходя из подчинительных патерналистских качеств, т. е. заведомого подчинения более социально слабого индивида сильному за предоставление на социальной основе неких материальных благ.

Иными словами, природа и концепция социального государства соседствует с концепцией и природой государственной власти, имеющей административную природу, не признающую никакого равноправия. В связи с этим переживают кризис социальные

установки всеобщего равенства индивидов в социальном государстве, государство «всеобщего благосостояния и благоденствия» терпит крах при столкновении с административной природой государственной власти.

В. Зорькин считает, что в научный оборот данное понятие ввёл в середине XIX в. немецкий учёный Лоренц фон Штайн, который выработал критерии социального государства [10, с. 7].

В настоящее время социальное государство употребляется в юридической и научной литературе наряду с термином «государство всеобщего благосостояния». Как указывает в своей работе Т.Н. Губанкова, между этими понятиями существуют определённые различия. Социальное государство подразумевает не только социальное обеспечение со стороны государства, но и структурное реформирование общества, участие трудящихся в управлении производством. Государство «всеобщего благосостояния» связывают с государственным предоставлением льгот и социального обеспечения граждан.

Социальное государство из теоретического концепта трансформируется в практику политического управления посредством реализации государственной социальной политики. Это означает, что социальное государство определяется по совокупности не только теоретически и законодательно закреплённых принципов и норм права, но по их реализации на практике, создании доступной социальной среды во всех сферах общественной жизни и общественной деятельности.

Как отметил профессор В.И. Жуков, социальная политика представ-

ляет собой совокупность разноуровневых управленческих воздействий на жизнедеятельность различных групп населения с целью консолидации общества и обеспечения стабильности политической власти на основе правового регулирования [7, с. 5].

В современных условиях социальность рыночной экономики означает её всеобщность, а также её ориентированность на наиболее социально слабые и уязвимые слои населения, однако такой подход противоречит природе рыночных отношений. Рыночные отношения и рыночная экономика предполагает одним из главных принципов наличие конкуренции, которая развивается в свободных условиях и не ограничивается в разумных пределах государством. Конкуренция предполагает наличие конкурентной борьбы между субъектами свободного рынка, в которой первенство одерживает тот из конкурентов, кто способен обеспечить лучшие условия, лучшее качество товаров или услуг, а также адекватную подходящую стоимость. Конкуренция на рынке, в свою очередь, порождает сильных и слабых игроков, каждый из которых занимает свою определённую нишу на рынке, равно как и в обществе каждый занимает определённую социальную ячейку.

Таким образом, свободный рынок предоставляет неоднородную продукцию, которая не может быть одинаковой в силу наличия конкурентной борьбы. Как правило, различие в конкурентной и рыночных позициях отражается на стоимости товаров или услуг, поэтому рыночная экономика не может являться социальной, поскольку она ориентирована на спрос и предложение, а не на предоставление

всем субъектам социума одинаковых товаров и услуг. Рыночная экономика направлена на получение субъектом предпринимательской рыночной деятельности максимальной прибыли, что в принципе противоречит социальным целям всеобщего благосостояния, поэтому рыночная экономика не может быть социальной.

Понятие социальной справедливости действительно является одним из ключевых понятий социального государства, однако сущность и определение этого понятия не выработаны с большой степенью точности ни наукой, ни практикой. Вместе с тем понятие социальной справедливости, отделимой от сфер общественной жизни как таковой, в массовом восприятии не существует. Оно наполняется экономическим, моральным, политическим и правовым содержанием в зависимости от ситуации. Как правило, в большинстве случаев, социальная справедливость в массовом сознании связана с распределением материальных благ, доходов, а также с вопросами правоприменения. Данный подход снова основан на советском наследии, когда социальная справедливость понималась как государственная политика примерно равномерного распределения благ среди всех социально-учетных групп.

Таким образом, в сознании советского, а впоследствии и российского гражданина социальная справедливость была связана исключительно с материалистическим мировоззрением, материальными благами и их распределением. Такой подход представляется однобоким, примитивным и не учитывающим множества нематериальных аспектов.

Как указывает в своей работе О.Э. Васькина, социальная справедливость в указанном смысле была невозможна без принадлежности человека к определённой социально-учётной группе, однако любое выделение социальной группы означало дифференциацию по каким-либо отличительным признакам, что предполагало наличие таких дифференцирующих признаков, которые в конечном счёте и становились причиной социального неравенства и, как следствие, нарушения принципа социальной справедливости, когда различные социально-учётные группы получали различное количество материальных благ [4].

Таким образом, социальная справедливость и её достижение также ставятся под вопрос, а сама идея социальной справедливости также может восприниматься как фикция.

По мнению В.Н. Кручинина, провозглашённый принцип социального государства ещё не делает Россию социальным государством по факту – более верно, как считает исследователь, было бы обозначить Российскую Федерацию как страну, находящуюся на переходном этапе становления социального государства. На настоящий момент окончательно не определена концепция доктрины устройства социальной сферы России. Нарботки же концепции социального государства, социальной доктрины РФ, сферы социального страхования пока носят лишь приблизительный характер и не являются приоритетными в сфере исполнительной и законодательной политики [12].

Наряду с этим создатели концепции чётко понимали, что она не должна становиться документом, деклари-

рующим позиции какой-либо одной части политиков или учёных. По сути, она такой не стала.

С точки зрения Г.Р. Бутаева, современная концепция социального государства отличается от всех предыдущих. Она приобрела новые целевые установки, при этом концептуально изменилась парадигма социального государства. Если ранее наиболее развитые зарубежные государства ставили перед собой задачу обеспечения всеобщего благосостояния всех без исключения членов общества, то на сегодня наметились новые направления развития социального государства. В нынешних условиях государство уже не может бесконечно расширять социальную сферу, расширять социальную политику, обеспечивающую социальную защиту всех реципиентов. Социальная политика является наиболее затратной и расходной частью бюджета. Как отмечает автор, одной из негативных сторон расширения социальной политики и восприятия её всеми слоями населения как социальной защиты и обеспечения благосостояния всех без исключения является провоцирование социального иждивенчества и социального паразитизма, который подавляет творческую и свободную экономическую активность трудоспособность населения страны, которое в условиях наличия мер всеобщей социальной поддержки никак не заинтересовано в принятии каких-либо самостоятельных экономических, предпринимательских шагов, хотя общеизвестно, что именно предпринимательская и творческая активность является катализатором развития социальной и экономической сферы го-

сударства, а не бюджетное дотирование и финансирование [3].

Рассматривая тематику социально-го государства и опираясь на содержательную сущность конституционной модели социального государства Российской Федерации, мы имеем возможность в Основном Законе выделить среди остальных несколько блоков (уровней) регламентации соответствующих общественных отношений [18]:

– первый – связан с фиксацией самого понятия (принципа) социального государства. В ч. I ст. 7 Конституции определяется, что Российская Федерация есть социальное государство, политика которого ориентирована на создание условий, которые призваны обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие личности. Следует отметить важный факт, что именно человек, личность является объектом, критерием социального государства. Условия жизни человека, измеряемые такими качественными параметрами, как «свобода» и «достоинство», являются мерилom социального государства;

– второй – связан с определением направлений деятельности и основных функций Российского государства как социального государства (п. 2 ст. 7 Основного Закона). В качестве таких векторов деятельности выступают мероприятия по поддержке семьи, отцовства, материнства, детства, пожилых людей и инвалидов, а также охрана труда и здоровья людей и т. п. Вместе с тем речь в этой статье Конституции идёт и о тех механизмах, при помощи которых государство внедряет в жизнь свою политику в социальной сфере, а также гарантирует исполнение возло-

женных на него социальных функций. Всё это является основными звеньями общего механизма социальной политики государства. Особую, значительную роль играют такие критерии, как комплекс социальных служб, государственные пенсии, гарантированный государством минимальный размер оплаты труда, различные пособия и другие гарантии социальной защиты граждан. По сути, здесь также можно говорить о фундаментальных составляющих социального государства в РФ;

– третий, – базируясь на постулатах Основного Закона, регламентирует социальные отношения и закрепляет основополагающий принцип социального государства – признание в качестве основных прав индивидуума весьма обширной группы юридических возможностей человека и гражданина в социальной сфере.

В частности, в Основном Законе установлены следующие права индивида:

– свободно по своему усмотрению распоряжаться своими собственными способностями к труду;

– право на труд в рамках условий, которые соответствуют требованиям гигиены и безопасности;

– право самостоятельно выбирать профессию и род деятельности (п. 1 ст. 37);

– человек имеет право получать вознаграждение за свой труд в размере не ниже установленного федеральным законодательством минимального размера оплаты труда (МРОТа), исключая какую бы то ни было дискриминацию;

– в соответствии с п. 3 ст. 37 Конституции гражданин имеет право на защиту от безработицы.

Российское законодательство также признаёт право на коллективные и индивидуальные трудовые споры с применением способов их разрешения, установленных федеральным законодательством, не исключая права на забастовку, о чём говорится в ч. 4 ст. 37 Основного Закона РФ.

Конституцией Российской Федерации в п. 5 ст. 37 закрепляется право на отдых, право на социальное обеспечение в случае болезни, потери кормильца, при наступлении инвалидности; в ст. 39 закреплено право на социальное обеспечение для воспитания детей, на социальные пенсии, а также другие права. В ч. 2 ст. 39 Конституции России закреплены устанавливаемые законом права на социальные пособия и государственные пенсии.

Исходя из истории вопроса, мы говорим, что социальное государство – это детище капиталистического общества [11], но многократно изменённое под влиянием социалистической системы. Следовательно, становится понятно, почему результаты его (государства) развития – это ценное достижение капиталистических стран с развитой общественно-экономической политикой. К ним можно отнести перечисленные А.Г. Володиным в его работе «Политическая экономия демократии» многочисленные и разнообразные социально-культурные приобретения.

Первым из таких приобретений назовём: интериоризацию общественным сознанием ценности таких систем, как образование, медицина, социальное обеспечение; способность воспроизводства индивида одновременно с принятием государства в качестве совокупного института, который

способен в пределах попечительских функций гарантировать постоянность этого процесса.

Вторым можно назвать курс граждан на сопряжение собственных интересов с интересами гармоничного развития всего человечества, с адекватным уровнем потребления, в частности, материальных благ. Такой социально-психологический союз называется «новый коллективизм», который, в свою очередь, становится для западноевропейского общества одной из многих приобретённых со знаком «благо» общечеловеческих характеристик.

Третьим благоприобретением можно назвать осознание гражданами идеи всеобщей зависимости друг от друга и людей, и интересов в нынешнем социуме, осознание сложносоставности западноевропейского общества, понимание природы равновесия в нём, а также восприятие как общественно необходимых попечительских функций государства [5, с. 123].

Однако процесс укрепления основ социального государства в развитых странах, начиная с последней четверти XX в., был фактически приостановлен процессом глобализации. Из самой сущности социального государства вытекает, что оптимальным масштабом его проявления является национальный масштаб. Конкретно-исторические обстоятельства возникновения и развития социального государства прочно связывают его с историей стран Западной Европы и США. В связи с этим сегодня остро встает вопрос о том, какова же судьба социального государства в условиях размывания национальных границ и превращения

мира в единую транснациональную систему?

Являясь исторической формой достижения социального компромисса, социальное государство в своё время помогло погасить революционное пламя классового конфликта в западноевропейских странах. Демонтаж или ослабление социального государства неизбежно повлечёт за собой пересмотр «социального контракта», а значит, и возвращение рисков возможных социальных конфликтов. Только эти риски будут воспроизводиться уже не в рамках одной страны, а в масштабах всего мира.

Социальное государство предполагает постоянное расширение социальной сферы, когда каждому члену общества обеспечивается предоставление тех или иных государственных гарантий, пособий, льгот и т. д., когда средний уровень благосостояния обеспечивается каждому члену данного общества, однако такое возможно лишь до определённого предела. Начиная с определённой пороговой критической точки численности населения такого социального государства, оно начинает испытывать нехватку ресурсов, за счёт которых покрываются социальные обязательства, взятые на себя в прежние годы. Нечто подобное наблюдается сейчас в России, когда «лёгкие» деньги от продажи нефтепродуктов и дешёвые западные кредиты во многом ограничены, а социальные обязательства, исчерпывающе и многообещающе раздаваемые в прежние годы, в том числе и до выборов, нужно выполнять. При этом такие прежние обязательства ложатся тяжким бременем на бюджет государства и составляют большую часть расходной части.

При этом такая социальная прослойка, получающая адресную социальную поддержку, не относится к экономически активной части населения. Более того, привыкнув получать в прежние годы аналогичную социальную поддержку, такая прослойка населения питает большие социальные надежды и ожидания даже на увеличение социального содержания. Непопулярные меры в виде сокращения по социальным обязательствам, принятым на себя в прошлые годы, наносят существенный урон концепции социального государства, однако они помогают уменьшить дефицит бюджета.

Негативными социальными болезнями, очень распространёнными в действующей модели социального государства, являются социальное иждивенчество и социальный паразитизм, который, как показало исследование, является унаследованным ещё с советского времени, когда безвольные и пассивные граждане привыкли во всём полностью полагаться на государство.

В случае слабого и бессильного общества, больного социальным иждивенчеством, государственная власть никак не связана с самим обществом, и такое общество не может являться источником какой-либо власти, потому как ни один из таких индивидов этой властью не обладает. В таком случае допустимо существование государства как источника власти отдельно от общества, при этом государство такое в обществе в принципе не нуждается, и наоборот, такое бессильное общество иждивенческого типа нуждается в государстве, являющемся источником социальной поддержки. При этом сама государственная власть, а значит, и го-

сударство могут занимать какую угодно позицию по отношению к обществу – оно может как отрицать его, так и относиться нейтрально, не будучи никак в нём заинтересовано. Парадоксально, но такое государство будет являться социальным, поскольку общество заинтересовано в существовании государства, которое является источником существования такого общества из-за социальной поддержки. Государство же в лице государственной власти существует как вещь в себе, не нуждаясь ни в чём, обладая источником власти, который никак не связан с обществом и народом.

Такое государство может предоставлять определённые социальные права, которые могут как гарантироваться формально, так и просто фактически, однако реализация таких прав будет затруднена в связи с тем, что государство не имеет никаких реальных обязательств перед обществом и своими гражданами вследствие того, что такое общество не является источником власти, единственной формой возникновения и существования любого государства.

Такое государство будет предъявлять к обществу повышенные социальные обязательства, поскольку они будут являться следствием существования всего общества за счёт средств социальной поддержки, выделяемых государством. За невыполнение социальных обязательств могут устанавливаться существенные социальные и юридические санкции, за счёт чего может быть произведено социальное расслоение общества на лиц, соблюдающих и исполняющих социальные обязательства и не исполняющих их. Неисполнение таких обязательств мо-

жет являться поводом для лишения социальной поддержки и деклассирования ряда социальных элементов в низшую социальную прослойку, за счёт которой исполняющие свои обязательства члены такого общества могут получать дополнительные по-

слабления или дополнительную поддержку. Таким образом, такое государство будет постоянно искусственно воспроизводить социальное неравенство, основанное на изначальном равенстве и социальной природе государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулкеримов К.К. Государственная социальная политика в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 25 с.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России: избранные статьи 2010–2016. Махачкала: Издательство ДГУ; М: Проспект, 2016. 501 с.
3. Бутаев Г.Р. Теоретико-правовые основы развития социального государства // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 59–61.
4. Васькина О.Э. Социальная справедливость в массовом сознании советского общества // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2009. № 8. С. 22–26.
5. Володин А.Г. Политическая экономия демократии. М.: Гуманитарий, 2008. 288 с.
6. Готов С.А., Фомиченко М.П., Паюшин М.К. Правовое положение личности: монография. М.: Федеральный центр образовательного законодательства, 2014. 620 с.
7. Жуков В.И. Социальная политика: парадигмы и приоритеты. М.: Союз, 2000. 312 с.
8. Игнатюк Н.А. Государственно-частное партнёрство в Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009. 400 с.
9. Кладов А.Ю. Формирование социального государства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
10. Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: сборник документов. М.: Институт права и публичной политики. 2008. 852 с.
11. Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. Социальное государство в условиях глобализации // Новое в российском и международном праве. Вып. X. На пути к социальному государству: 15-летие российской Конституции. М.: Центр прав человека РГСУ, 2009. С. 135–146.
12. Кручинин В.Н. Социальное государство и его функции в условиях современной России // Научно-исследовательские публикации. 2013. № 1. С. 15–30.
13. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем.; сост., ред., прим. К.А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2002. С. 557–750.
14. Пашуков А.Л. Социальная сущность, социальная функция, социальная политика государства: теоретический и сравнительно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 232 с.
15. Резванова Л.А. Сущность социального государства и ее проявление в сфере образования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 25 с.
16. Самойленко В.А. Социальная функция современного Российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 27 с.
17. Семигин Г.Н. Социальная справедливость и право. М.: Современная экономика и право, 2008. 198 с.

18. Скуратов Ю.И. Социальное государство: общее и уникальное в конституционной практике России // Новое в российском и международном праве. Вып. X. На пути к социальному государству: 15-летие российской Конституции. М.: Центр прав человека РГСУ, 2009. С. 13–16.
19. Сочнева Е.Н. Роль социальной политики в построении социального государства: автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2009. 44 с.
20. Феоктистов А.В. Сущность Российской Федерации как социального государства: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
21. Шапошников С.П. Социальное государство: теоретико-правовая модель: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 23 с.

REFERENCES

1. Abdulkirimov K.K. *Gosudarstvennaya sotsial'naya politika v sovremennoy Rossii: avtoref. diss. ... kand. polit. nauk* [State Social Policy in Modern Russia: Abstract of PhD Thesis in Political Sciences]. Moscow, 2012. 25 p.
2. Avakyan S.A. *Konstitutsionnoye pravo Rossii: izbrannyye stat'i 2010–2016. Makhachkala: Izd-vo DGU* [Constitutional Law of Russia: Selected Articles 2010–2016]. Makhachkala, DSU publishing house Publ., Moscow, *Prospectus Publ.*, 2016. 501 p.
3. Butayev G.R. [Theoretical and Legal Foundations of the Welfare State Development]. In: *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Dagestan State Pedagogical University], 2010, no. 2, pp. 59–61.
4. Vaskina O.E. [Social justice in mass consciousness of the Soviet society]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of Volgograd State Pedagogical University], 2009, no. 8, pp. 22–26.
5. Volodin A.G. *Politicheskaya ekonomiya demokratii* [The Political Economy of Democracy]. Moscow, Humanitarian Publ., 2008, 288 p.
6. Glotov S.A., Fomichenko M.P., Payushin M.K. *Pravovoye polozheniye lichnosti: monografiya* [The Legal Status of the Individual: A Monograph]. Moscow, Federal Center for Educational Law Publ., 2014. 620 p.
7. Zhukov V.I. [Social Policy: Paradigms and Priorities]. Moscow, *Soyuz Publ.*, 2000. 312 p.
8. Ignatyuk N.A. *Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo v Rossiyskoy Federatsii* [Public-Private Partnership in the Russian Federation]. Moscow, *Eksmo Publ.*, 2009. 400 p.
9. Kladov A.Yu. *Formirovaniye sotsial'nogo gosudarstva v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [The Formation of the Welfare State in the Russian Federation: Abstract of PhD Thesis in Law]. Moscow, 2005. 28 p.
10. *Konstitutsionnyy printsip sotsial'nogo gosudarstva i yego primeneniye konstitutsionnymi sudami: sb. dok.* [The Constitutional Principle of the Welfare State and its Application by Constitutional Courts: Collection of Documents]. Moscow, Institute of Law and Public Policy Publ., 2008. 852 p.
11. Kochetkov V.V., Kochetkova L.N. [The Welfare State in the Context of Globalization]. In: *Novoye v rossiyskom i mezhdunarodnom prave. Vyp. X. Na puti k sotsial'nomu gosudarstvu: 15-letiyе rossiyskoy Konstitutsii* [New in Russian and International Law. Issue X. On the Way to the Welfare State: the 15th Anniversary of the Russian Constitution]. Moscow, Center for Human Rights, RSSU Publ., 2009. Pp. 135–146.
12. Kruchinin V.N. [The Welfare State and its Functions in Modern Russia]. In: *Nauchno-issledovatel'skiye publikatsii* [Research Publications], 2013, no. 1, pp. 15–30.
13. Nietzsche F. [Beyond Good and Evil]. In: *Sochineniya: v 2 tt. T. 2* [Works in two vols. Vol. 2]. M. *Eksmo Publ.*, 2002. Pp. 557–750.

14. Pashukov A.L. *Sotsial'naya sushchnost', sotsial'naya funktsiya, sotsial'naya politika gosudarstva: teoreticheskiy i sravnitel'no-pravovoy aspekt: diss. ... kand. yurid. nauk* [Social Nature, Social Function, Social Policy of the State: Theoretical and Comparative Legal Aspects: PhD Thesis in Law]. Moscow, 2005. 232 p.
15. Rezvanova L.A. *Sushchnost' sotsial'nogo gosudarstva i yeye proyavleniye v sfere obrazovaniya: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [The Nature of the Welfare State and its Manifestation in Education: Abstract of PhD Thesis in Law]. Rostov-on-Don, 2004. 25 p.
16. Samoilenko V.A. *Sotsial'naya funktsiya sovremennogo Rossiyskogo gosudarstva: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [The Social Function of the Modern Russian State: Abstract of PhD Thesis in Law]. Vladimir, 2006. 27 p.
17. Semigin G.N. *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social Justice and Law]. Moscow, Modern Economics and Law Publ., 2008. 198 p.
18. Skuratov Yu.I. [The Welfare State: Common and Unique in the Constitutional Practice of Russia]. In: *Novoye v rossiyskom i mezhdunarodnom prave. Vyp. X. Na puti k sotsial'nomu gosudarstvu: 15-letiyе rossiyskoy Konstitutsii* [New in Russian and International Law. Issue X. On the Way to the Welfare State: the 15th Anniversary of the Russian Constitution]. Moscow, APKI PPRO, Human Rights Center for the Russian State Social University Publ., 2009. Pp. 13–16.
19. Sochneva E.N. *Rol' sotsial'noy politiki v postroyenii sotsial'nogo gosudarstva: avtoref. diss. ... dokt. ekon. nauk* [The Role of Social Policy in Building a Welfare State: Abstract of Doctoral Thesis in Economics]. Moscow, 2009. 44 p.
20. Feoktistov A.V. *Sushchnost' Rossiyskoy Federatsii kak sotsial'nogo gosudarstva: konstitutsionno-pravovoy analiz: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [The Nature of the Russian Federation as a Welfare State: A Constitutional Legal Analysis: Abstract of PhD Thesis in Law]. Moscow, 2008. 26 p.
21. Shaposhnikov S.P. *Sotsial'noye gosudarstvo: teoretiko-pravovaya model': avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [The Welfare State: Theoretical Legal Model: Abstract of PhD Thesis in Law]. St. Petersburg, 2010. 23 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ходусов Алексей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института;

e-mail: yustas-73@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Khodusov – PhD in Law, associate professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, International Law Institute;

e-mail: yustas-73@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ходусов А.А. К вопросу о сущности и проблемах социального государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 114–125.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-114-125

FOR CITATION

Khodusov A.A. Towards the Issue of Nature and Problems of a Welfare State. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 114–125.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-114-125

УДК 342.8

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-126-133

НОВЕЛЛЫ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ США

Шидловский А.В.*Южный федеральный университет**344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, д. 88, Российская Федерация*

Аннотация. Цель работы – представить российскому научному сообществу новеллы избирательного законодательства и избирательного процесса в Соединенных Штатах Америки в целом и в штате Нью-Йорк в частности. Автором делается обзор последних законодательных изменений в области регистрации избирателей, введения удостоверения личности избирателя, включения русского языка в список официальных языков избирательного процесса штата Нью-Йорк. Процедура и методы исследования: автором произведён анализ новелл избирательного законодательства США на национальном уровне и в штате Нью-Йорк на конец 2018 г. Методологию исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, формально-догматический, конкретно-социологический, эмпирический, диалектический, аналитический методы, системный подход. Результаты исследования: введена в научный оборот ранее не освещавшаяся в российской научной литературе информация о региональном избирательном законодательстве штата Нью-Йорк в части наделения статусом официального языка избирательного процесса русского языка. Даны интерпретации некоторых положений законодательства и правопонимания избирательного законодательства США и правоприменительной практики. Озвучены пробелы законодательства, требующие дополнительного исследования. Теоретическая и практическая значимость заключается в обобщении новейших юридических источников (законов, хартий, подзаконных нормативно-правовых актов) США и штата Нью-Йорк и выработке предложений по обогащению российской науки и формированию объективного понимания происходящих в США процессов в области конституционного и избирательного права.

Ключевые слова: избирательное право США, избирательный процесс США, выборы в Нью-Йорке, удостоверение личности избирателя.

LATEST CHANGES IN THE US ELECTORAL PROCESS

A. Shidlovsky*Southern Federal University**88, Gorky st., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation*

Abstract. Aim: This article examines some new changes of electoral laws and electoral process in the United States of America. The latest legislative changes made in the fall of 2018 are reviewed: registration of voters, introduction of the voter photo ID, inclusion of Russian in the list of official languages of electoral process of the State of New York.

Methodology: comparative-legal, formal legal, formal dogmatic, sociological, empirical, dialectical, analytical methods and systemic approach.

Outcomes: the new data on regional electoral laws of the State of New York regarding the status of the Russian language were introduced into the Russian scientific literature. The interpretations of some provisions of the legislation and understanding of electoral laws of the U.S. and law-enforcement practice are provided. The legislation gaps demanding additional research are identified. **Theoretical/practical importance:** the latest legal sources (laws, charters, subordinate normative legal acts) of the U.S. and the State of New York were reviewed and some suggestions on enrichment of the Russian jurisprudence and formation of objective understanding of the constitutional and electoral processes in the U.S. were made.

Key words: U.S. Election Law, U.S. election process, elections in New York, voter photo ID.

Современные тенденции в избирательном законодательстве Соединенных штатов Америки включают в себя два основных направления. Во-первых, это расширение информированности избирателей о проходящих выборах и референдумах и вовлечение их в избирательный процесс. Во-вторых, пресечение незаконного голосования путём создания единой национальной базы данных избирателей и принятия новых ограничительных законов.

Рассмотрим подробнее. Сегодня мы имеем дело с двумя расходящимися трендами в американском избирательном законодательстве – на уровне штатов и на уровне федерации. В частности, речь идёт о праве мигрантов (как законно находящихся на территории США, так и нелегалов) голосовать на американских выборах различного уровня. Исторический анализ показывает, что, начиная с 1776 г. и по 1926 г., в 40 штатах США разрешалось голосовать мигрантам на различных выборах. Однако это право постепенно отменялось и полностью исчезло к 1926 г., когда последний штат Соединенных Штатов – Арканзас – запретил голосовать мигрантам. Однако своеобразная и не имеющая аналогов в мире избирательная система США

часто негласно продолжала допускать голосование мигрантов. Этому способствовало и законодательство, которое позволяло голосовать без предъявления в участковую избирательную комиссию удостоверения личности. Подтверждать личность можно было любым формальным способом, например наличием квитанции об оплате услуг ЖКХ, счётом за потребление газа домовладением, уведомлением из налоговой инспекции о сумме подлежащих уплате налогов и пр. Всё это порождало злоупотребления на выборах, когда одни и те же избиратели могли проголосовать несколько раз на различных участках, либо лица, не имеющие права голоса, злоупотребляли пробелами в законодательстве и принимали участие в выборах. Однако чаще всего голосование мигрантов не носило политически мотивированного умысла и сводилось к экономическому интересу. Во многих муниципалитетах США после голосования каждому избирателю членами избирательных комиссий вручается наклейка на одежду с надписью «I VOTED», что означает «Я проголосовал». Имеющий эту наклейку получает право на значительную скидку в день голосования, порой достигающую 30% от стоимости

товара. Многие мигранты ждут дня голосования ради незаконного получения наклейки «I VOTED» с целью осуществления покупок со скидками. В 2012 г. автор статьи был свидетелем того, что в штате Миссури мигранты, получив подобную наклейку, отправились в магазин строительных материалов покупать стройматериалы для строительства коттеджа. Такая порочная практика вынудила законодателя ввести ответственность за незаконное голосование на внутренних выборах в США. Начиная с 1996 г., в Америке принимается несколько федеральных законов, вводящих административную и уголовную ответственность, от штрафа до тюремного заключения до одного года и депортации, за незаконное голосование, к примеру: «18 U.S.C. §611. – Voting by Aliens». United States Congress. Retrieved October 24, 2014 [4], «8 U.S.C. 1182(a)(10)(D) – Inadmissible aliens». Legal Information Institute. Cornell University Law School. Retrieved 2016-04-25 [5], «8 U.S.C. 1227(a)(6) – Deportable aliens». Legal Information Institute. Cornell University Law School. Retrieved 2016-04-25 [6]. Между тем совершенно новой эрой в американском избирательном законодательстве можно считать избирательный кризис 2000 г., когда на выборах Президента США во Флориде разрыв между кандидатами на этот пост составил менее 0,5%, в результате чего компьютер округлил результаты Джорджа Буша в меньшую сторону до целой части процента, показав равенство кандидатов. После чего кандидат от демократов и одновременно вице-президент Альберт Гор потребовал в суде ручного пересчёта голосов. Первоначально дело было рассмотрено окружным судом

[7], затем 8 декабря 2000 г. Верховный суд штата Флорида приказал ручную пересчитать бюллетени в муниципалитетах Майами-Дэйд и Палм-Бич [8]. В ходе ручного пересчёта действительно были выявлены нарушения процесса голосования, так называемые “undervotes” (когда были включены в списки избирателей не совсем “легальные” избиратели), в результате чего стал вопрос о полном ручном пересчёте голосов во всем штате Флорида, однако Верховный суд США в конечном итоге отверг эту идею, объявив избранным президентом республиканца Джорджа Буша [9]. Настоящий избирательный кризис стал отправной точкой новой эры “репрессий” против незаконного голосования. После того, как Буш стал Президентом США, республиканцы начали методично наводить порядок в избирательной системе Америки. В 2002 г. Конгресс США принимает новый базовый избирательный документ, сравнимый с федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] – “The Help America Vote Act” (HAVA) [10]. Данный законодательный акт впервые в США предписал всем штатам к 2006 г. создать единую цифровую базу данных по всем избирателям, т. к. до этого она отсутствовала [2]. 1 марта 2003 г. президент создаёт Министерство внутренней безопасности США (U.S. Department of Homeland Security), к полномочиям которого отнесены вопросы миграции, контроля границы, кибербезопасности и учёта граждан. В рамках министерства было создано Управление по ведению биометрической идентификации (Office

of Biometric Identity Management), которое в том числе осуществляет и контроль избирателей. Согласно HAVA в отношении каждого избирателя США отныне ведётся отдельная историческая запись, включающая следующую информацию:

ФИО;

Физический адрес проживания;

Электронный адрес;

Номер телефона;

Членство в политической партии либо иная политическая аффилиция (сторонник);

История голосования (где, когда, на каких выборах, в каких городах либо за рубежом голосовал избиратель);

История “неголосования” и причина (например, служба в армии);

Через какую систему избиратель был зарегистрирован (включая информацию о том, было ли включение в список избирателей добровольным (лично написал заявление о включении в список избирателей) либо автоматическим);

Этническая и расовая принадлежность;

Пол;

Дата рождения и возрастной ранг.

Дополнительно включается в личную учётную запись избирателя следующая информация:

“Экстремальное голосование” (избиратель голосует слишком часто, т. е. не пропускает ни одних выборов);

Информация обо всём недвижимом имуществе избирателя;

Информация о наличии у избирателя лицензии на охоту и рыбную ловлю;

Наличие в собственности водного транспорта (катера, лодки, яхты, суда);

Наличие в доме купленного огнестрельного оружия;

Наличия диплома врача;

Является ли избиратель благотворителем или политическим жертвователем (вносил деньги на чью-либо избирательную кампанию);

и др.

Описанная выше часть реформы была, по сути, подводкой к введению более жёстких правил регистрации избирателей, а точнее к контролю над незаконным голосованием. После создания единой базы данных избирателей начинается введение законодательных актов на уровне штатов об отмене голосования без удостоверения личности и введении идентификации избирателей только по удостоверениям личности, имеющим фотографию избирателя. Параллельно начинается подготовка общественного мнения к введению “паспорта избирателя” (Voter ID) – аналога российского внутреннего паспорта, с той лишь разницей, что выдавать его в США начали территориальные избирательные комиссии, а не органы полиции. Между тем уже сейчас можно получить Voter ID в офисе Государственного секретаря штата. Перед получением Voter ID избиратель приносит письменную клятву о том, что его имя действительно такое-то (I do solemnly swear (or affirm) that my name is...), что он проживает по указанному адресу (that I reside at...) и что он действительно внесён в список избирателей по определённому избирательному округу (...that I am the person listed in the precinct register under this name and this address...), а также подтверждает дополнительную информацию [11]. На 2017 г. принятие законов штатов об идентификации избирателей – это, пожалуй, самая острая тема как политических, так и научных дебатов. Про-

водится большое количество исследований [12], которые как показывают, что введение законов об идентификации избирателей на руку республиканцам, так как “отсевают” электорат демократов, которые зачастую бедные и могут иметь проблемы с законом, так и придерживаются обратной точки зрения и математически доказывают, что после принятия законов о введении Voter ID отклонения от прошлых результатов голосования составляет не более 1–3%. Однако можно встретить исследования показывающие изменения на уровне 10–20% и даже 400% [13]. Как правило, большим изменениям в результатах голосования после введения Voter ID подвержены территории с компактным проживанием небелого населения. Однако протесты гражданских активистов и демократов не останавливают идущей реформы. Так, на 2012 г. было уже 30 штатов из 50, которые приняли подобные законы [14]. В 2017 г., 1 июня, очередной штат (Миссури) после победы на региональных выборах республиканцев (ноябрь 2016 г., выборы были совмещены с президентскими), также принял соответствующий нормативный акт [15]. Но говорить о том, что республиканцы “закручивают гайки”, было бы так же не совсем корректно. На фоне ужесточающихся требований к регистрации и идентификации избирателей для легальных или легализованных избирателей наметилась тенденция либерализации. К примеру, уже несколько штатов приняли законы, позволяющие на выборах (только на местных) голосовать негражданам США. В штате Мэриленд 10 муниципалитетов внесли изменения в свои нормативные акты и предоставляют право голоса ино-

странным гражданам (муниципалитеты: Takoma Park, Barnesville, Martin's Additions, Somerset, Chevy Chase Sections 3 and 5, Glen Echo, Garrett Park, Hyattsville, и Mount Rainer) [16]. Штат Калифорния в городе Сан-Франциско позволил иммигрантам, не имеющим гражданства США, голосовать и выбирать депутатов в советы школьных округов [17] (аналог совета депутатов районного муниципального уровня, стоящего выше советов сельских поселений в Российской Федерации). Либерализуется и языковое законодательство. Причём это касается не только “исторических” языков США (английский, испанский), но и “экзотических” для Соединенных Штатов – китайского, хинди и др. Так, в штате Нью-Йорк официальными языками выборов в 2016–2017 гг. стали русский, урду, гаитянский, французский, арабский, албанский, греческий, итальянский, польский, тагальский и идиш. Стоит отметить, что русский язык – единственный язык, стоящий особняком и которому посвящён отдельный параграф в Избирательном законе штата Нью-Йорк [18]. Такому положению он, как ни странно, обязан депутатам региональной палаты представителей и конгрессменам, имеющим еврейские корни. Именно еврейская диаспора пролоббировала в интересах всего русскоязычного общества наделение статусом официального языка выборов русский язык. Между тем описанная выше либерализация в избирательном законодательстве США не должна уводить в сторону от общего направления идущих реформ, склоняющихся к централизации всей избирательной системы США по примеру российской избирательной системы.

Создание так называемой *The Election Assistance Commission* (ЕАС) (Комиссии избирательного содействия), по сути являющейся копией российской Центральной избирательной комиссии в виде независимого Агентства Правительства Соединенных Штатов Америки, но с несколько урезанными полномочиями, отчётливо показывает намеченный вектор [5; 6; 7; 17].

Подводя итог, можно предположить, что классические демократические основы американских выборов пошатнулись во время избирательного кризиса 2000 г., разразившегося в штате Флорида. После кризиса в США начался процесс реформ в виде сворачивания децентрализации и «региональных вольностей». Были приняты национальные и региональные законы, вводящие единую базу данных избирателей, введение системы идентификации и контроля избирателей

(Voter ID), начался процесс централизации избирательного процесса. Были созданы Министерство внутренней безопасности США (U.S. Department of Homeland Security) и Агентство «Комиссия избирательного содействия» (The Election Assistance Commission (ЕАС)). Результатом реализации указанных реформ можно пока предположительно считать общенациональное изменение итогов голосования в пользу кандидатов от республиканской партии. Более точные выводы о результатах реформ можно будет сделать по итогам следующих избирательных циклов. Либерализация законодательства для мигрантов и иностранных граждан на муниципальном уровне не компенсирует общего вектора развития избирательной системы США и общей тенденции к её централизации на федеральном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.07.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
2. Шидловский А.В. Конституционно-правовые основания передачи полномочий регистратора граждан по месту проживания от органов полиции территориальным избирательным комиссиям (на примере штата Северная Каролина, США) [Constitutional basis of the transfer of power of enrollment of voters in domicile from police to county election boards in russia (Using North Carolina's practice the U.S.)] // International Scientific Review of the Problems of Law. 2018. May 28.
3. Шидловский А.В. Электоральная коррупция в контексте конституционного права. Некоторые и частичные аспекты в законодательстве России и США // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 3. С. 59–69.
4. United States Code, 2006 Edition, Supplement 5, Title 18 // CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE.
5. United States Code, 2012 Edition, Supplement 4, Title 8 // ALIENS AND NATIONALITY.
6. United States Code, 2006 Edition, Supplement 5, Title 8 // ALIENS AND NATIONALITY.
7. Gore v. Miami-Dade County, Leon County trial court (decided December 4, 2000).
8. Gore v. Harris, 772 So. 2d 1243, 1248, no. 6. Supreme Court of Florida (decided December 8, 2000).
9. Bush v. Gore, 531 US 98 (decided December 12, 2000) // Supreme Court. 2000.

10. "The Help America Vote Act of 2002," (HAVA), Pub. L. 107–252, 116 Stat. 1666. 2002.
11. Missouri Revised Statutes, Chapter 115, Title IX // SUFFRAGE AND ELECTIONS. 2017.
12. Weinstein-Tull J. Election Law Federalism. 114 Mich. L. Rev. 747. 2016.
13. Christensen R., Schultz Identifying T.J. Election Fraud Using Orphan and Low Propensity Voters // *American Politics Research*. 2014. Vol. 42 (2). P. 311–337.
14. Chelsie L.M. Bright & Michael S. Lynch, Kansas Voter ID Laws // *Advertising and Its Effects on Turnout; Political Research Quarterly*. 2017. Vol. 70 (2). P. 340–347.
15. Missouri Revised Statutes, Chapter 115, §115.427, Title IX // SUFFRAGE AND ELECTIONS. 2017.
16. Ron H. Political Rights in the Age of Migration: Lessons from the United States // *Int. Migration & Integration*. 2015. No. 16. P. 99–118.
17. Tara K. Sharing Vote // *Noncitizen Voting Rights in Local School Board Elections*. 93 Cal. L. Rev. 271. 2005.
18. N.Y.U.C.C. Law § 3–506. Boards of elections; voting materials in Russian // STATE OF NEW YORK, 2017, ELECTION LAW.

REFERENCES

1. [Federal Law dated 12.06.2002 no. 67-FZ (ed. on 03.07.2018) "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation" (as amended, extended and enforced on 01.10.2018)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 17.06.2002, no. 24. Art. 2253.
2. Shidlovsky A.V. Constitutional basis of the transfer of power of enrollment of voters in domicile from police to county election boards in Russia (Using North Carolina practice in the U.S.)). In: *International Scientific Review of the Problems of Law* (Boston, USA. 28 May, 2018). P. 15–20.
3. Shidlovsky A.V. [Electoral corruption in the context of constitutional law. Some partial aspects in the legislation of Russia and USA]. In: *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik* [North Caucasus Bulletin of Law], 2018, no. 3, pp. 59–69.
4. United States Code, 2006 Edition, Supplement 5, Title 18. In: *CRIMES AND CRIMINAL PROCEDURE*.
5. United States Code, 2012 Edition, Supplement 4, Title 8. In: *ALIENS AND NATIONALITY*.
6. United States Code, 2006 Edition, Supplement 5, Title 8. In: *ALIENS AND NATIONALITY*.
7. *Gore v. Miami-Dade County, Leon County trial court* (decided December 4, 2000).
8. *Gore v. Harris*, 772 So. 2d 1243, 1248, no. 6. Supreme Court of Florida (decided December 8, 2000).
9. *Bush v. Gore*, 531 US 98, *Supreme Court*, 2000 (decided December 12, 2000).
10. "The Help America Vote Act of 2002," (HAVA), Pub. L. 107–252, 116 Stat. 1666. 2002.
11. Missouri Revised Statutes, Chapter 115, Title IX. In: *SUFFRAGE AND ELECTIONS*, 2017.
12. Justin Weinstein-Tull, Election Law Federalism, 114 Mich. L. Rev. 747. 2016.
13. Christensen R., Schultz Identifying T.J. Election Fraud Using Orphan and Low Propensity Voters. In: *American Politics Research*, 2014, vol. 42 (2), pp. 311–337.
14. Chelsie L. M. Bright & Michael S. Lynch, Kansas Voter ID Laws. *Advertising and Its Effects on Turnout; Political Research Quarterly*, 2017, vol. 70 (2), pp. 340–347.
15. Missouri Revised Statutes, Chapter 115, §115.427, Title IX. In: *SUFFRAGE AND ELECTIONS*, 2017.
16. Ron H. Political Rights in the Age of Migration: Lessons from the United States. In: *Int. Migration & Integration*, 2015, no. 16, pp. 99–118.

17. Tara K. Sharing Vote. In: *Noncitizen Voting Rights in Local School Board Elections*, 93 Cal. L. Rev. 271. 2005.
 18. N.Y.U.C.C. Law § 3–506. Boards of elections; voting materials in Russian. In: *STATEOFNEWYORK*, 2017, ELECTIONLAW.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шидловский Алексей Валерьевич – преподаватель кафедры государственного (конституционного) и муниципального права юридического факультета Южного федерального университета, электоральный эксперт ОБСЕ; международный наблюдатель на выборах Президента США в 2012, 2016 гг. от России;
e-mail: szydlowski@sfedu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Shidlovsky – lecturer at the Department of State (Constitutional) and Municipal Law at the Faculty of Law, Southern Federal University, OSCE electoral expert; International Observer in the US Presidential Election 2012, 2016 from Russia;
e-mail: szydlowski@sfedu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шидловский А.В. Новеллы в избирательном процессе США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 126–133.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-126-133

FOR CITATION

Shidlovsky A.V. Latest Changes in the US Electoral Process. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 126–133.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-126-133

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 343.3.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-134-143

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Жабский В.А., Жилкин М.Г.

*Московский университет Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя,
Московский областной филиал*

143100, Московская обл., Рузский район, пос. Старотеряево, Российская Федерация

Аннотация. Целью работы являются выявление законотворческих проблем, связанных с криминализацией общественно-опасных деяний в сфере предпринимательской деятельности и предложение путей их решения. Исследованы особенности конструирования составов с административной преюдицией в нормах о рассматриваемых преступлениях, сделаны выводы о перспективах внедрения в российское законодательство уголовного проступка. Анализируются подходы к криминализации преступлений в сфере предпринимательской деятельности, совершённых в соучастии. Приводятся примеры неудачного использования понятийного аппарата при описании этих деяний. Обращается внимание на вопросы об уголовной ответственности в связи с развитием новых технологий и ответственности юридических лиц. В целом делается вывод, что способом преодоления накопившихся системных противоречий и ошибок в тексте уголовного закона являются разработка и принятие нового кодифицированного законодательного акта.

Ключевые слова: криминализация, преступления в сфере предпринимательской деятельности, административная преюдиция, уголовный проступок, соучастие, оценочные понятия, блокчейн, ответственность юридических лиц.

SOME PROBLEMS OF CRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS IN BUSINESS

V. Zhabsky, M. Zhilkin

*Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
named after V. Y. Kikot*

Starotereyaevo settlement, Ruzsky district, Moscow Region, 143100, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to identify legislative problems related to the criminalization of socially dangerous acts in the field of entrepreneurial activity and to propose solutions to them. The peculiarities of the construction of the formulations with administrative prejudice in the norms of the crimes in question were studied, and conclusions were made about the prospects for introducing a criminal offense into Russian legislation. The approaches to the criminalization of crimes in the sphere of entrepreneurial activity committed in complicity are analyzed. Examples are given of the unsuccessful use of the conceptual apparatus in describing these acts. Attention is drawn to the issues of criminal liability in connection with the development of new technologies and the liability of legal entities. In general, it is concluded that the way to overcome the accumulated systemic contradictions and errors in the text of the criminal law is the development and adoption of a new codified legislative act.

Key words: criminalization, business crimes, administrative prejudice, criminal misconduct, complicity, valuation concepts, blockchain, liability of legal entities.

Уголовная ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности установлена в статьях уголовного закона, преимущественно сосредоточенных в гл. 22 УК РФ, а также в целом ряде статей, расположенных в иных главах кодекса. В свою очередь, гл. 22 размещена в Разделе III, озаглавленном «Преступления в сфере экономики». При этом, как отмечает Н.А. Лопашенко, «Глава 22 УК – постоянное поле для экспериментов законодателя. На ней было опробовано всё, что можно, чтобы продемонстрировать народу и миру “настоящее” противодействие экономической преступности или борьбу с экономическими преступлениями» [5, с. 27, 35].

Вместе с тем отсутствие системного подхода при криминализации общественно-опасных деяний в сфере

предпринимательской деятельности и конструировании уголовно-правовых норм приводит к тому, что уголовное законодательство неоправданно пополняется специальными нормами, вредоносность этих деяний определяется на основании не качественных, а количественных характеристик, квалифицирующие признаки сходных составов избираются непоследовательно (например, при установлении ответственности за групповые формы преступной деятельности), терминологический аппарат не унифицирован, переполнен оценочными категориями и специальной терминологией. При этом новые криминальные явления (например, в сфере блокчейн-технологий) не получают должной уголовно-правовой оценки, а отдельные вопросы, давно стоящие на повестке

(например, ответственность юридических лиц) не разрабатываются.

В частности, налицо противоречие между отсутствием у ряда криминализованных в статьях гл. 22 УК РФ деяний важнейшего материального признака преступлений – общественной опасности, с одной стороны, и их формальным закреплением в тексте уголовного закона в качестве преступных, с другой.

Так, например, при описании криминализуемых деяний в сфере предпринимательской деятельности законодателем всё чаще применяется такой правовой инструмент, как административная преюдиция в уголовном праве. В действующем уголовном законодательстве предусмотрен один состав преступления в сфере предпринимательской деятельности с административной преюдицией – в ст. 174.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. Ещё один состав преступления имеет так называемую неочевидную (скрытую) преюдицию [10, с. 125–133] – это ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», где указано на неоднократное совершение противоправных деяний без разъяснения преюдиционного характера этого преступления.

На первый взгляд, использование в уголовном законодательстве административной преюдиции выглядит довольно простым и оправданным приёмом юридической техники. Однако практическое применение построенных с использованием этого приёма норм нередко вызывает затруднения.

Сложности в доказывании, связанные с требованиями уголовно-процессуального законодательства, на практике имеют своим следствием то, что правоприменители нередко избегают возбуждать уголовные дела по статьям УК РФ, описывающим составы преступлений с административной преюдицией. Тем самым сконструированные подобным образом нормы остаются неработающими, а лица, совершающие соответствующие деяния, де факто избегают юридической ответственности. Виновные как бы выводятся не только из-под уголовной ответственности, но и из-под административной ответственности.

Конструкция административной преюдиции в уголовном праве не оправдала себя, о чём наглядно свидетельствует накопившаяся правоприменительная практика. Более перспективный путь декриминализации деяний, не представляющих общественной опасности (а равно тех деяний, общественная опасность которых незначительна), состоит в их полном переводе в разряд административных правонарушений. При этом в КоАП РФ необходимо предусмотреть санкции, адекватные тому вреду, который наносится общественным отношениям в результате совершения этих деяний. Это позволит наряду с прочим учесть и факт неоднократности совершения деяния. К лицам, виновным в совершении деяний, не соответствующих материальному признаку преступлений, не должна применяться сила уголовной репрессии. В ином случае можно говорить о чрезмерности легального государственного насилия и не о достижении целей уголовного наказания, а об их выхолащивании.

При этом судебная преюдиция вполне оправданно использована законодателем как средство дифференциации уголовной ответственности при описании квалифицированных составов преступлений (например, в ч. 2 ст. 169 УК РФ).

Ещё одним важным вопросом, самым активным образом обсуждающимся в науке уголовного права, является вопрос о категории “уголовный проступок” [6, с. 68]. Вместе с тем способ его введения в российскую правовую систему пока не определён. Будет ли это дополнение к УК РФ в виде альтернативы преступлению, либо, напротив, его следует поместить в КоАП РФ в качестве наиболее опасного вида правонарушений, а может, это будет симбиоз “отрезанных” частей уголовного и административного законодательства, объединённых в отдельный закон [4, с. 7]. Никто внятного ответа на эти вопросы пока дать не может.

На наш взгляд, закрепление в отечественном законодательстве категории “уголовный проступок” не должно свестись лишь к усложнению терминологического аппарата уголовного закона. Направленность уголовно-правовой реформы в этой части заключается в том, чтобы лица, совершившие незначительные по своей общественной опасности деяния, не были бы социально стигматизированы судимостью. А государство не тратило бы финансовые, организационные и иные ресурсы для привлечения подобных лиц к ответственности с соблюдением трудоёмкой уголовно-процессуальной формы.

К числу уголовных проступков необходимо отнести совершаемые в сфере предпринимательской деятельности

преступления небольшой тяжести, а также “предпринимательские” преступления с административной преюдицией. Переводить в разряд уголовных проступков деяния в сфере предпринимательской деятельности, уже описанные в КоАП РФ (в том числе и те, за совершение которых предусмотрены наказания в виде ареста или штрафов в крупном размере), вряд ли целесообразно, т. к. этот шаг может привести к повторению имеющейся сегодня ситуации излишней криминализации и дублирования уголовно-правовых запретов. Безусловно, к уголовным проступкам не могут быть отнесены деяния, в качестве способа совершения которых выступает насилие и которые затрагивают общественные отношения, касающиеся охраны жизни человека.

Как уже было отмечено, привлечение к ответственности за совершение уголовного проступка не должно сопровождаться для осуждённого таким негативным последствием, как судимость. Кроме того, санкции за совершение уголовных проступков не должны предусматривать лишения свободы. Исключение составляют злостное уклонение от исполнения назначенного наказания, не связанного с лишением свободы, а также случаи рецидива (в широком смысле).

Значимую роль использование системного подхода в построении норм уголовного закона играет при конструировании квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Вместе с тем на сегодняшний день законодатель явно непоследователен при криминализации квалифицирующих и особо

квалифицирующих признаков преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Так, в частности, непоследовательность можно обнаружить при анализе подходов к криминализации рассматриваемых деяний, совершённых в соучастии.

В ряде статей гл. 22 УК РФ говорится лишь об одной возможной форме совместного совершения преступлений – совершении их организованной группой (п. «а» ч. 2 ст. 171, п. «а» ч. 2 ст. 171.3, п. «а» ч. 2 ст. 172, п. «в» ч. 2 ст. 179, ч. 2 ст. 181, ч. 2 ст. 184, ч. 2 ст. 185.3, ч. 3 ст. 186, ч. 2 ст. 187 УК РФ), а другие, напротив, могут быть совершены лишь группой лиц по предварительному сговору (п. «б» ч. 2 ст. 173.1, п. «а» ч. 2 ст. 199, ч. 2 ст. 200.3, п. «а» ч. 2 ст. 200.4, п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 5 ст. 200.5 УК РФ). В одном составе законодателем упомянута лишь такая форма соучастия, как группа лиц (п. «б» ч. 2 ст. 200.1 УК РФ).

Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ), могут быть совершены как группой лиц по предварительному сговору (ч. 1.1, п. «а» ч. 4 и п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ), так и организованной группой (п. «а» ч. 2, п. «а» ч. 4 и п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ). Аналогичного подхода законодатель придерживается и в нормах статей, предусматривающих уголовную ответственность за: незаконные организацию и проведение азартных игр (п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ соответственно); легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённого другими

лицами преступным путём (п. «а» ч. 3 ст. 174 и п. «а» ч. 4 ст. 174 УК РФ соответственно); легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённого лицом в результате совершения им преступления (п. «а» ч. 3 ст. 174.1 и п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ соответственно); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём (п. «а» ч. 2 ст. 175 и ч. 3 ст. 175 УК РФ соответственно); незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ч. 3 ст. 180 и ч. 4 ст. 180 УК РФ соответственно); злоупотребление при эмиссии ценных бумаг (ч. 2 ст. 185 и ч. 3 ст. 185 УК РФ соответственно); нарушение порядка учёта прав на ценные бумаги (ст. 185.2 УК РФ); воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ч. 2 ст. 185.4 УК РФ); незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ч. 2 ст. 189 и ч. 3 ст. 189 УК РФ соответственно); незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ч. 2 ст. 191 УК РФ); приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ч. 2 ст. 191.1 и ч. 3 ст. 191.1 УК РФ соответственно); уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ч. 1.1 ст. 193 и п. «б» ч. 2 ст. 193

УК РФ соответственно); совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (п. «б» ч. 2 ст. 193.1 и п. «б» ч. 3 ст. 193.1 УК РФ соответственно); уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (п. «а» ч. 2 ст. 194 и ч. 4 ст. 194 УК РФ соответственно); контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий (п. «а» ч. 2 ст. 200.2 и ч. 3 ст. 200.2 УК РФ соответственно) [11].

Групповой способ совершения преступления существенно повышает общественную опасность деяния, что должно быть во всех случаях учтено законодателем. В этой связи как верное решение следует оценить то, что федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [11] ст. 171.1 и ст. 193 УК РФ были дополнены ч. 1.1, предусматривающей повышенную уголовную ответственность за эти деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору. Вместе с тем аналогичный пробел до сих пор имеет место в ст. 172, ст. 178, ст. 179, ст. 186, ст. 187 УК РФ, а также в целом ряде иных статей гл. 22 УК РФ [2, с. 59].

При этом в значительном количестве статей гл. 22 УК РФ законодатель не счёл необходимым криминализовать в качестве квалифицирующих или особо квалифицирующих признаков какие-либо формы совместной преступной деятельности. Если в одних случаях подобное законодательное решение является вполне оправданным,

то в других – его обоснованность выглядит не так однозначно.

В целом наиболее рациональным способом преодоления накопившихся системных противоречий и ошибок в тексте уголовного закона являются разработка и принятие нового кодифицированного законодательного акта.

Отдельное внимание при описании в новом кодифицированном уголовном законе преступлений в сфере предпринимательской деятельности следует уделить понятийному аппарату. К сожалению, качество нормативного материала гл. 22 УК РФ не находится на должном уровне, а включённые в неё статьи изобилуют оценочными категориями, неточными терминами и неоднозначными формулировками. Так, например, в ст. 172.2 УК РФ содержится такая, безусловно, требующая отдельного пояснения, которое законодателем так и не сделано, формулировка, как «объём, сопоставимый с объёмом привлечённых денежных средств и (или) иного имущества». В отсутствии соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации критерии подобной «сопоставимости» остаются в каждом конкретном случае на усмотрении правоприменителя [1, с. 28].

Аналогичным образом на оценочный характер использованного в ст. 177 УК РФ термина «злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» указано в Методических рекомендациях по выявлению и расследованию этого преступления [7].

На повестке дня стоит и вопрос о целесообразности криминализации новых деяний в сфере предпринимательской деятельности. В последние

годы происходит перманентное усложнение общественных отношений, вызванное появлением и внедрением в повседневную жизнь людей новых информационных технологий. Появляются новые предметы преступных посягательств и существенным образом модифицируются способы совершения преступлений. Так, несомненного внимания со стороны законодателя заслуживают уголовно-правовые аспекты оборота цифровых (электронных) валют и использования технологии блокчейна. Следует определить то, какие именно из совершаемых в этой сфере деяний представляют общественную опасность и должны влечь за собой наступление уголовной ответственности. И обладают ли используемые виновными способы совершения подобных деяний принципиально новой спецификой, в силу наличия которой они должны быть описаны в самостоятельных статьях уголовного закона.

Ранее разработанный Минфином России проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» признан Правительством РФ требующим доработки с учётом результатов мониторинга обращения денежных суррогатов (в том числе криптовалют), а также проведения с учётом зарубежного опыта дополнительного анализа рисков их возможного использования в противоправных (преступных) целях [9].

Следует признать, что «отрасль блокчейн-индустрии находится на начальной стадии своего развития, в настоящее время является саморегулируемой, находясь вне правового поля

многих государств. Законодательное регулирование криптовалют и блокчейн-технологий в целом начинает только складываться, большая часть регуляторов ещё не понимает, каким образом можно создать работоспособную нормативно-правовую базу с учётом уникальных особенностей криптовалют» [8, с. 48].

Не теряет своей актуальности вопрос о необходимости и обоснованности введения уголовной ответственности юридических лиц. Одним из негативных следствий отсутствия в нашей стране института уголовной ответственности юридических лиц является невозможность «экстерриториального уголовного преследования иностранных юридических лиц» [3]. Дополнение уголовного закона нормами об уголовной ответственности юридических лиц позволит привлекать к уголовной ответственности не только отечественные, но и иностранные фирмы и международные организации. Вопрос целесообразности дополнения отечественного законодательства нормами об уголовной ответственности юридических лиц не закрыт и требует дальнейшего глубокого анализа, в частности, с рассмотрением его международно-правовых и криминологических аспектов, а также неизбежно возникающих проблем юридической техники [2; 4; 6].

Таким образом, представляется возможным сформулировать следующие концептуальные идеи.

В ходе законодательного решения вопросов отграничения легальной хозяйственной деятельности, осуществляемой в соответствии с гражданским законодательством, от деятельности, подпадающей под действие

уголовного закона, основное внимание должно быть сосредоточено на совершенствовании механизмов гражданско-правовой ответственности, а не на дальнейшей криминализации деяний, не представляющих общественной опасности.

Преступления небольшой тяжести, совершаемые в сфере предпри-

нимательской деятельности, а также “предпринимательские” преступления с административной преюдицией необходимо отнести к числу уголовных проступков. Конструкция административной преюдиции в уголовном праве не оправдала себя, о чём наглядно свидетельствует накопившаяся правоприменительная практика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11. С. 21–29.
2. Жуковская И.В., Ларичев В.Д. Справедливость правового регулирования экономических отношений // Безопасность бизнеса. 2017. № 3. С. 58–63.
3. Козлова Н. Приступить к ликвидации. В Госдуму внесен закон об уголовной ответственности юридических лиц // Российская газета. 2015. 24 марта.
4. Колоколов Н.А. Уголовная политика: в поисках “дорожной карты” // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 3–12.
5. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 27–35.
6. Максимов С.В. Двадцатилетие новейшей уголовно-правовой политики России: предварительные итоги и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 58–68.
7. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) (утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154953 (дата обращения: 30.11.2018).
8. Недорезков В.В. Криптовалюты на базе технологии блокчейна: проблемы правового регулирования // Банковское право. 2017. № 4. С. 45–49.
9. Письмо ФНС России от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 «О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST001&n=162766#039103298674502307> (дата обращения: 30.11.2018).
10. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 125–133.
11. Федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4258.

REFERENCES

1. Asnis A.Ya. [Some problems of criminal responsibility for the organization of financial pyramids]. In: *Advokat* [Lawyer], 2016, no. 11, pp. 21–29.

2. Zhukovskaya I.V., Larichev V.D. [Fairness of legal regulation of economic relations]. In: *Bezopasnost' biznesa* [Business Security], 2017, no. 3, pp. 58–63.
3. Kozlova N. [Proceed to liquidation. A Law on Criminal Liability of Legal Entities in the State Duma]. In: *Rossiiskaya gazeta* 24 March, 2015.
4. Kolokolov N.A. [Criminal Policy: In Search of Roadmap]. In: *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings], 2017, no. 2, pp. 3–12.
5. Lopashenko N.A. [Crimes in the Sphere of Economic Activities: on the Ruins of Penal Law]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 2, pp. 27–35.
6. Maksimov S.V. [The Twentieth Anniversary of the Latest Criminal-Legal Policy of Russia: Preliminary Results and Prospects]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2016, no. 4, pp. 58–68.
7. [Methodical Recommendations on Detection and Investigation of Crimes Under Article 177 of the Criminal Code of the Russian Federation (Malicious Evasion from Repayment of Accounts Payable) (App. Federal Bailiff Service of Russia 21.08.2013 no. 04-12)]. In: *Konsul'tantPlyus: Spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154953/ (accessed: 30.11.2018).
8. Nedorezkov V.V. [Cryptocurrency Technology of the Blockchain: Problems of Legal Regulation]. In: *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2017, no. 4, pp. 45–49.
9. [Letter of the Federal Customs Service of Russia dated 03.10.2016 no. OA-18-17/1027 “On the Control Treatment of Cryptocurrencies (Virtual Currencies)”]. In: *Konsul'tantPlyus: Spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST001&n=162766#039103298674502307> (30.11.2018).
10. Sidorenko E.L. [Administrative Prejudice in Criminal Law: The Problem of Enforcement]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Russian Law Journal], 2016, no. 6, pp. 125–133.
11. [Federal Law of the Russian Federation 03.07.2016 No. 325-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation]. 04.07.2016, no. 27 (p. II). Art. 4258.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жабский Валерий Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя;
e-mail: vzhabskii@mail.ru

Жилкин Максим Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя;
e-mail: zmax71@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery A. Zhabsky – Doctor of Law, associate professor, professor at the Department of Criminal Law at Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot
e-mail: vzhabskii@mail.ru

Maxim G. Zhilkin – PhD in Law, associate professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology at Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot;
e-mail: zmax71@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жабский В.А., Жилкин М.Г. Отдельные проблемы криминализации общественно-опасных деяний в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 134–143.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-134-143

FOR CITATION

Zhabsky V.A., Zhilkin M.G. Some Problems of Criminalization of Socially Dangerous Acts in Business. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 134–143.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-134-143

РАЗДЕЛ IV.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК: 343

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-144-152

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ахмедханова С.Т., Ахмедханова С.Т., Кахбулаева Э.Х.

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Министрства юстиции РФ), Северо-Кавказский институт (филиал)

367008, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Агасиева, д. 87, Российская Федерация

Аннотация. На современном этапе развития и постоянного совершенствования информационных отношений в различных сферах общества наблюдаются тенденции роста осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации. В связи с этим возникает необходимость достаточно серьезного реформирования со стороны законодателя и усиления регулирования со стороны государства информационной базы с целью обеспечения информационной безопасности и целостности общегосударственных интересов. С этой целью в данной статье предложены меры по предупреждению и профилактике преступлений в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: криминология, информационная безопасность, компьютерные преступления, профилактика, предупреждение.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF COMPUTER CRIMES

Akhmedkhanova S.T., Akhmedkhanova S.T., Kahbulayeva E.H.

North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of Russia)

87, Agasieva st., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russian Federation

Abstract. Along with continuous improvement of information relations in various spheres of society there are tendencies to the growth of illegal access to computer information. In this regard, there is a need for serious reform on the part of the legislator and the strengthening of state regulation of the information base in order to ensure information security and integrity of national interests. To attain this goal the authors of the article suggest some measures to prevent cybercrimes.

Key words: criminology, information security, computer crime, prevention.

Рассматривая и изучая историю последних десятилетий, можно сделать вывод, что происходит постоянный, прогрессирующий рост преступлений, совершаемых с использованием ПК (персонального компьютера), усложняются и изменяются способы совершения данных преступлений и тем самым затрудняется возможность для правоохранительных структур обнаружить признаки данных преступлений, выявить и привлечь к уголовной ответственности лиц, совершающих данные преступления, а также установить количество жертв и суммы ущерба.

Во-первых, преступления данной категории приносят лицам огромные, колоссальные прибыли, осуществляются данные действия сравнительно лёгким способом, посредством доступа к финансовым средствам определённых физических лиц либо организаций. Во-вторых, если говорить о преступно заинтересованных и действующих группах, получение информации, относящейся к категории конфиденциальной для ряда государственных органов и значимых на мировом рынке коммерческих структур, является для преступной группировки мощным инструментом оказания воздействия на данные структуры с целью реализации своих преступных замыслов и обеспечения собственной безопасности, а также для продвиже-

ния определённых требований, создавая при этом угрозу причинения вреда общественным интересам. В-третьих, преступления, направленные на создание, распространение и последующее использование вредоносных компьютерных программ, создают существенную угрозу национальной безопасности, имеют огромное социально-правовое значение, т. к. все системы жизнеобеспечения страны закреплены именно в электронных носителях и возможность вмешательства со стороны может причинить колоссальный вред. В условиях современной глобализации информационное поле становится ареной, на которой возникают различные соглашения международного характера, и вмешательство в данный процесс со стороны различных преступных группировок будет способствовать росту международного терроризма. В подтверждение можно привести исследованные статистические данные, полученные с официального сайта Совета безопасности РФ, согласно которым в 2017 г. было выявлено 900 тыс. попыток проникнуть в секретные данные служб государственной власти, и 79 тыс. из них раскрыты как попытки проникнуть на официальный сайт Президента РФ [1].

Российской информационной сфере присуще несовершенство правовых отношений, и поэтому пользователи не всегда располагают точными юри-

дическими ориентирами нормального правомерного поведения при пользовании информационными носителями. Это, в свою очередь, порождает и повышает степень криминологической уязвимости основных центров компьютерной секретной информации для участников недобросовестных информационных отношений.

Но есть и другая сторона, связанная с тем, что информационная сфера не имеет возможности развиваться сбалансировано, поскольку технические меры безопасности и организационно-правовые структуры развиты достаточно слабо, что ухудшает и делает пассивной работу предупредительных организаций, чья деятельность направлена на создание устойчивой и сильной базы для информационного обмена. На сегодняшний день существует угроза криминальных посягательств на государство, общество, коммерческие организации со стороны преступных хакерских группировок, и поэтому необходимость разработки эффективной предупредительной и профилактической программы, направленной на защиту и обеспечение информационной безопасности, является приоритетной программой Российского государства [2]. При разработке данных программ необходимо постоянно и целенаправленно изучать криминологические особенности компьютерных преступлений, необходимо работать с лицами, совершающими данные преступления, изучать их личностные характеристики, основные детерминанты их преступного поведения с целью постоянного совершенствования системы информационной безопасности, создания прочной и устойчивой базы, не подвергающей-

ся хакерским атакам со стороны преступных группировок, формирования прочной и недоступной государственной системы внутреннего и внешнего управления. Компьютерные технологии всё чаще выступают орудиями совершения преступлений, о чём свидетельствует изученная мною статистика ущерба, нанесённого бюджету Российской Федерации за последний год, оценивающегося в 6 млрд. долларов, тогда как в США ущерб от данной категории преступлений составляет 4 млрд. долларов, во Франции 1 млрд. евро, в Германии 2 млрд. евро; при этом наблюдается, по данным статистического исследования, постоянное увеличение и рост преступлений данной направленности [3].

Увеличение числа преступлений с использованием компьютерных технологий обусловлено также тем, что данный вид преступления всё чаще совершается интеллектуально предприимчивой категорией лиц, использующей определённые изощрённые методы проникновения в засекреченную базу данных государственных структур и коммерческих организаций. Возраст и стаж преступников весьма различны: от молодых до взрослых, от малообразованных до высококвалифицированных специалистов.

В качестве детерминанты выступают также трудности, возникающие в процессе применения уголовно-правовых диспозиций судебными и следственными органами, вызванные казуистичной формулировкой норм, регулирующих преступления в области компьютерных программ, а также влиянием других норм при применении указанных правоохранительными органами. Причиной распростране-

ния преступлений данной диспозиции также является недостаточное исследование всех аспектов, касающихся привлечения лиц к уголовной ответственности, не достаточно точное определение понятия компьютерных преступлений и постоянно возникающая необходимость совершенствования института ответственности за преступления данной направленности с использованием опыта зарубежных стран [4].

Основными тенденциями, причинами и условиями роста и развития компьютерных преступлений являются: увеличение количества преступлений в области компьютерных программ с использованием постоянно совершенствующихся хакерских программ, рост профессионализма, респектабельности, интеллекта компьютерных преступников, усложнение процесса изучения личности преступника в связи с постоянным омоложением состава преступников и увеличения количества лиц, ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности, колоссальные суммы причинённого материального ущерба государственному бюджету, явно превалирующего над суммами других видов преступлений, активный процесс перерастания компьютерной преступности в разряд международной, а также достаточно высокий уровень латентности подобных преступлений. Это усложняет возможности разработки и применения программ, направленных на предупреждение компьютерных преступлений. Латентность данного вида преступления связана прежде всего с небрежностью совершения пользователем-правонарушителем в силу его неопытности и неосведомлённости о

преступном характере совершаемых им действий. Часто потерпевшая сторона умалчивает в силу незаинтересованности о противоправном деянии либо не сообщает вовремя об имевшем место факте готовящегося преступления. Количество нераскрытых и неучтённых преступлений в области компьютерной информации правоохранительными структурами также влияет на уровень латентности преступления [5].

Криминологическая характеристика личности преступника показала, что система его ценностей выражена искажением нравственных приоритетов. Чаще всего личностные качества характеризуются ярко выраженными чертами эгоизма и свойственными этому стремлениями к материальному благополучию. Данные лица создают для себя наиболее комфортные условия, закрываясь от всего общества, но в то же время создавая узкую группу по эгоистическим интересам, так называемые объединения хакеров, для удобства совершения преступлений с использованием компьютерной информации и новейших компьютерных технологий. Им свойственно обычно деформированное, ослабленное сознание, и их нравственные приоритеты искажены призмой своих представлений об окружающем мире, что является причиной выбора преступной линии поведения [6].

Основными мотивами противоправного поведения преступников данной области, как справедливо отмечал В.Б. Вехов, являются:

- 1) присутствие корыстных соображений при совершении преступлений в сфере компьютерной информации;

2) цели политического характера, связанные со шпионажем, направленные на подрыв финансово-экономической и денежно-кредитной политики государства как внутри страны, так на международной арене;

3) совершение студентами и профессиональными программистами в целях исследовательской мотивации различных современных технологий и программ.

4) хулиганские побуждения и озорство, а также личная вражда и месть.

При изучении структуры личности можно выделить следующие подструктуры: физиологические, социально-демографические, психологические, нравственно-моральные, уголовно-правовые [7].

С криминологической точки зрения можно составить портрет преступника, совершающего преступления в сфере компьютерной информации, примерно такой: лицо в возрасте от 20 до 40 лет, имеющее достаточный опыт работы в данной сфере, к уголовной ответственности ранее не привлекавшееся, являющееся достаточно мыслящей личностью, способной принимать ответственные решения, работник, добросовестно исполняющий свои обязанности, нетерпимый к насмешливому отношению, имеющий устойчивый статус в глазах окружающих людей, любящий работать в уединённой атмосфере, для решения рабочих вопросов до конца часто задерживающийся и редко использующий отпуск.

При тщательном изучении характеристики лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, можно прийти к выводу, что это лица, чертами которых являются

аутизация и интравертированность, т. е. данным лицам свойственно уходить в себя, отгораживаться от всех проблем и от окружающих, направлять свои интересы только на удовлетворение своих собственных потребностей и нужд, а связано это в основном с нарушением социального общения и отгороженностью от нормальных контактов.

В целях избегания неправомерного доступа к компьютерной информации и сохранения секретности государственной информации необходимо применить правовые, социальные и организационно-технические меры [8].

В качестве организационно-технических можно рассматривать разработку специальных защитных программ, направленных на исключение возможности доступа к секретной информации, составляющей государственную тайну. Посредством использования защитных программ можно постепенно прийти к сокращению количества преступлений в области неправомерного доступа к компьютерной информации, осуществить совершенствование социально-экономических, функциональных проблем, возникающих в информационной сфере, путём изменения системы ценностей и формирования определённых морально-этических, основанных на диспозициях уголовно-правовых норм, правил при осуществлении работы с компьютерными технологиями.

Если говорить о социальной направленности, меры предупреждения и профилактики должны быть в первую очередь сориентированы на достаточно широкую социальную превенцию, основной целью которой

является минимизация компьютерных преступлений, снижение зависимости у индивида, начиная с детского возраста, от видеоигр и Интернета. Возникает необходимость создания дополнительных субъектов, осуществляющих постоянную борьбу с данными видами преступлений. Негосударственные общественные объединения и структуры, объединения молодёжи, основными задачами которых являются обогащение духовно-нравственной сферы современного индивида, воспитание чувства ответственности и формирование этико-правовых приоритетов, вовлечение современного поколения в научные и спортивные мероприятия, а также привитие с детского возраста чувства любви к Родине.

Если касаться правовых мер предупреждения, тут возникает необходимость совершенствования законодательной сферы, регулирующей данную область, путём изложения ч. 1 ст. 273 УК РФ в следующей редакции: «Создание программ для персонального компьютера путём внесения изменений в существующие программы, целью которого является несанкционированное уничтожение, блокирование, изменение и модификация любых нарушений работы персонального компьютера, системы, сети, а равно использование, распространение таких программ и машинных носителей» [9].

Возникает вопрос о целесообразности включения в качестве квалифицирующего обстоятельства в ст. 272 в чч. 2, 3 ещё одного непосредственного объекта – отношения собственности, где потерпевший рассматривается как главный обязательный элемент данного объекта посредством дополнения ч. 2 ст. 272 УК РФ новым квалифици-

рующим признаком «сопряжённое с применением значительного материального ущерба потерпевшему».

Для дифференциации и усиления ответственности за осуществление неправомерного доступа к компьютерной информации, учитывая признаки, раскрывающие субъективную сторону данного преступления, можно выделить некоторые дополнительные мотивы и цели совершения преступления, рассматривая их в качестве новых квалифицирующих признаков: «То же деяние, совершенное лицом:

- из корыстных побуждений с целью извлечения определённой выгоды для себя либо по найму;
- из хулиганских побуждений, нарушая установленные в обществе нормы;
- с целью скрыть факт совершения другого преступления либо облегчить его совершение».

На наш взгляд, необходимо дополнить гл. 28 УК РФ новым нормативно-правовым актом – ст. 272.1 УК РФ «Незаконное завладение персональным компьютером с целью осуществления доступа к охраняемым законом компьютерным информациям» и квалифицирующими признаками.

В составы большей части преступлений можно включить в качестве квалифицирующего дополнения «совершение преступления с использованием компьютерной информации, персонального компьютера и сети ЭВМ» [10].

Рассмотренный в данной статье материал может быть использован в научных исследованиях по данной тематике, а предложенные меры социального характера, а также меры, направленные на совершенствование

существующего законодательства, компьютерных программ и дополняют способность дальнейшему улучшению программ предупреждения и профилактики преступлений в области

ЛИТЕРАТУРА

1. Вехов В.Б., Голубев В.А. Расследование компьютерных преступлений в странах СНГ: монография / под ред. Б.П. Смагоринского. Волгоград: ВА МВД России, 2014. 304 с.
2. Грунин О., Грунин С. Экономическая безопасность организации. СПб.: Питер, 2002. 160 с.
3. Егоров В.С. Понятие состава преступления в уголовном праве: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. 80 с.
4. Малышенко Д.Г. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 166 с.
5. Приговор Басманного районного суда г.Москвы от 06.05.2011 [Электронный ресурс] // Правосудие: [сайт]. URL: http://basmanny.msk.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=77600021105121427202311000128572 (дата обращения: 07.10.2018).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2008/01/12/sud-voprosy-dok.html> (дата обращения: 30.11.2018).
7. Старичков М.В. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший её копирование // Деятельность правоохранительных органов и государственной противопожарной службы в современных условиях: проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Чернов. Иркутск: ВСИ МВД России, 2013. С. 202–204.
8. Спирина С.Г. Криминологические и уголовно-правовые проблемы преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 216 с.
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4223.
10. Шмонин А.В. Формирование понятия «преступления, сопряженные с банковскими технологиями» // Банковское право. 2005. № 6. С. 28–32.

REFERENCES

1. Vekhov V.B., Golubev V.A. *Rassledovaniye komp'yuternykh prestupleniy v stranakh SNG: monografiya* [Investigation of Computer Crimes in the CIS Countries: a Monograph]. Volgograd, VA MIA of Russia Publ., 2014. 304 p.
2. Grunin O., Grunin S. *Ekonomicheskaya bezopasnost' organizatsii* [Economic Security Organization]. St. Petersburg, Peter Publ., 2002. 160 p.
3. Egorov B.C. *Ponyatiye sostava prestupleniya v ugovnom prave* [The Concept of Crime in Criminal Law]. Moscow, Psychological and Social Institute Publ., 2001. 80 p.
4. Malysenko D.G. *Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernyy dostup k komp'yuternoy informatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for illegal access to computer information: PhD thesis in Law]. Moscow, 2002. 166 p.
5. [The Verdict of the Basmanny District Court of Moscow dated 06.05.2011]. In: *Pravosudiye* [Justice]. Available at: http://basmanny.msk.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_

- text&srvc_num=1&id=77600021105121427202311000128572 (accessed: 10.07.2015).
6. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.12.2007 no. 51 "On Judicial Practice in Cases of Fraud and Embezzlement"]. In: *Rossiiskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2008/01/12/sud-voprosy-dok.html> (accessed: 30.11.2018).
 7. Starichkov M.V. [Criminal Liability For Unauthorized Access to Computer Information That Caused Its Copying]. In: *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov i gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby v sovremennykh usloviyakh: problemy i perspektivy razvitiya: sb. nauch. tr.* [Activities of Law Enforcement Agencies and the State Fire Service in Modern Conditions: Problems and Development Prospects: Collection of Scientific Works]. Irkutsk, VSI MIA of Russia, 2013. Pp. 202–204.
 8. Spirin S.G. *Kriminologicheskiye i ugovolno-pravovyye problemy prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminological and Criminal Problems of Crimes in the Field of Computer Information: PhD Thesis in Law]. Krasnodar, 2014. 216 p.
 9. [Federal Law dated 07.27.2006 "On Information, Information Technologies and Protection of Information" no. 149-FZ]. In: *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 31 (part 1). Art. 3448; 2010, no. 31. Art. 4196; 2011, no. 15. Art. 2038; 2011, no. 30 (part 1). Art. 4600; 2012, no. 31. Art. 4328; 2013, no. 14, art. 1658; 2013, no. 23. Art. 2870; 2013, no. 27. Art. 3479; 2013, no. 52 (part 1). Art. 6961; 2013, no. 52 (part 1). Art. 6963; 2014, no. 19. Art. 2302; 2014, no. 30 (part 1). *Territoriya nauki* [The Territory of Science], 2015, no. 6 (142). Art. 4223.
 10. Shmonin A.V. [Building the Concept of "Crimes Associated with Banking Technologies"]. In: *Bankovskoye pravo* [Banking Law], 2005, no. 6, pp. 28–32.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахмедханова Самира Телхатовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
e-mail: cabinaken@mail.ru

Ахмедханова Сабина Телхатовна – кандидат экономических наук, доцент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
e-mail: cabinaken@mail.ru

Кахбулаева Эльмира Хасулбековна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
e-mail: cabinaken@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Samira T. Akhmedkhanova – PhD in Law, associate professor at the Department of Criminal Law, North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of Russia);
e-mail: cabinaken@mail.ru

Sabina T. Akhmedkhanova – PhD in Economics, associate professor at North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of Russia);
e-mail: cabinaken@mail.ru

Almira K. Kakhbulayeva – PhD in Law, associate professor at North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of Russia);
e-mail: cabinaken@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ахмедханова С.Т., Ахмедханова С.Т., Кахбулаева Э.Х. Криминологическая характеристика преступлений в сфере информационных технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 144–152.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-144-152

FOR CITATION

Akhmedkhanova S.T., Akhmedkhanova S.T., Kakhbulayeva E.H. Criminological Characteristics of Computer Crimes. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 144–152.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-144-152

УДК 343.16; 343.326

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-153-160

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гринько С.Д.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются состояние противодействия экстремистской направленности и причины экстремистских проявлений, предлагаются меры по повышению эффективности противодействия. С позиции новых научных подходов в статье даётся криминологическая и правовая оценка преступности экстремистской направленности. Новые научные взгляды позволяют сформулировать основные направления и меры противодействия экстремизму в современных условиях. Основными методами исследования проблемы стали методы системного анализа, синтеза, моделирования, а также статистический синтез. Состояние преступности экстремистской направленности анализируется в динамике за последние несколько лет. Выявлены факторы, влияющие на совершение преступлений экстремистской направленности. Проведённое исследование показало, что преступность экстремистской направленности в современных условиях носит стабильный характер, который сохранится в ближайшие годы.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие, взаимодействие, распространение, факторы, меры борьбы.

THE MAIN DIRECTIONS AND MEASURES OF COUNTERACTION TO EXTREMISM IN MODERN RUSSIA

S. Grin'ko

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina st., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

Abstract. Aim: the article analyzes the state of counteraction to the extremist trend and causes of extremist manifestations, suggests measures to increase the effectiveness of counteraction.

Research methods: methods of systemic analysis, synthesis, modeling, as well as statistical synthesis are the main methods of investigation. The state of extremist crime is analyzed in development over the past few years.

Results of research: the study showed that extremist criminality is stable at present and this state will be preserved in the years to come.

Theoretical / practical significance: the article gives a criminological and legal assessment of an extremist crime from the position of new scientific approaches that allow to formulate the main directions and measures to counteract extremism in modern conditions.

Novelty: the factors influencing the commission of extremist crimes were identified.

Keywords: extremism, counteraction, cooperation, distribution, factors, crime fighting measures.

Состояние противодействия преступлениям экстремистской направленности свидетельствует о значительном увеличении числа фактов экстремизма и об активизации запрещённых в России террористических организаций, количество которых возросло. Их деятельность основана на идеологии разжигания религиозной и национальной вражды [1].

Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 17 запрещает нарушение прав и свобод человека и гражданина, а в ч. 2 ст. 29 запрещает пропаганду и агитацию, которые влекут религиозную и национальную ненависть и вражду, а также языковое превосходство [6].

Президент Российской Федерации в своих указах: № 310 от 23 марта 1995 г. [8], № 1336 от 6 сентября 2008 г. [10], № 683 от 31 декабря 2015 г. [9] – обратил внимание общества и правоохранительных органов на то, что экстремизм уже стал угрожать национальной безопасности России, и потребовал от органов государственной власти и МВД России согласованных действий в борьбе с политическим экстремизмом.

С 2004 г. регистрируется рост количества актов экстремистской направленности. Если в 2004 г. в России было совершено 84 таких преступления, то в 2009 г. – 391, 2014 г. – 838, а в 2017 г. – 1 402 [2, с. 303].

Наибольшее количество экстремистских проявлений зарегистрировано в Санкт-Петербурге, Москве и Нижнем Новгороде.

Наибольшее количество преступлений экстремистской направленности в 2017 г. было зарегистрировано по ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства – 985), ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности – 310) и ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации – 65) [2, с. 303]. Наибольший процент в числе экстремистских составляют такие общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 282 УК РФ, как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (74%) [11].

Наибольшее количество экстремистских проявлений во всём мире регистрируется в периоды политического и социально-экономического реформирования общества. Преступления экстремистской направленности регистрировались практически в каждом субъекте Российской Федерации.

Общими причинами, влияющими на распространение экстремистских настроений на национальной и религиозной почве, являются коррупция, бюрократия чиновников и безработица, что снижает эффективность социального управления и доверие населения к органам власти.

В таких условиях эмиссары международных экстремистских организаций стараются повысить количество своих сторонников.

На появление экстремистских настроений в обществе оказывает также влияние постоянно увеличивающаяся миграция, преимущественно мусульманского населения, которое в условиях безработицы занимает рабочие места и пытается привнести свои традиции и менталитет в социально-экономическую жизнь городов с коренным христианским населением, что вызывает неприятие.

Крупные города в силу их экономической привлекательности служат основными центрами миграционных процессов, что неизбежно отражается и на уровне преступности как с участием иностранных граждан, так и в отношении их – обостряется криминальная обстановка.

Миграционные процессы могут послужить дестабилизирующими факторами социально-экономического развития регионов и общественного порядка в них [4, с. 68].

На общественную жизнь в некоторых регионах могут повлиять и идеи нетрадиционного ислама. Органами власти в России созданы благоприятные условия для деятельности всех официально зарегистрированных религиозных организаций, предоставлены равные возможности участия в общественной и политической жизни страны.

В Российской Федерации зарегистрировано 22800 организаций различных конфессий, 3900 из которых являются мусульманскими.

Однако не все из них выполняют требования Конституции Российской

Федерации, некоторые пропагандируют радикальную исламскую идеологию.

Идеологи политического и религиозного экстремизма широко используют новые медиаресурсы для пропаганды и распространения своих идей, в частности ресурсы Интернета, где присутствует множество сайтов антироссийской направленности. Данные сайты вызывают повышенный интерес у исламского населения. Экстремистские организации используют отсутствие цензуры, анонимность принадлежности сайтов, дешевизну и быстроту распространения информации в своих преступных целях.

В настоящее время в Интернете насчитывается около 7 тыс. сайтов экстремистской направленности, из которых более 500 относятся к российскому сегменту, а в 1998 г. их было всего лишь 10.

Многие из лиц, привлечённых к уголовной ответственности, проходили обучение радикальному исламу в странах Ближнего Востока, в которых экстремистские идеи получили наибольшее распространение. Наряду с обучением основам нетрадиционного ислама нередко осуществляется и диверсионно-террористическая подготовка – согласно экспертным оценкам, на данный момент обучение данных направлений прошли уже около 1,2 тыс. чел.

По имеющейся информации, повсеместно наблюдается вытеснение законопослушного мусульманского духовенства, обучавшегося в России, радикально настроенным, прошедшим подготовку в зарубежных исламских учебных заведениях. Известны случаи, когда в отношении традиционных свя-

ценнослужителей совершались особо тяжкие преступления, в том числе убийства, например, в Республике Ингушетия и Ставропольском крае – по одному убийству, а в Республике Дагестан – три.

Основой для создания экстремистских сообществ на территории России являлись незаконные вооружённые формирования террористической направленности. Эмиссары международных экстремистских организаций, преимущественно жители России, проводят идеологическую обработку членов организованных преступных формирований, вовлекая их в радикальные течения ислама [5, с. 35, 36].

Экстремистские идеи в обществе и средствах массовой информации популяризируются. Неоднократно преступления, которые совершены на бытовой почве, освещались как экстремистские. Наряду с реальным отражением событий в прессе регулярно появляются публикации, в которых допускаются некорректные, незетические и враждебные высказывания, затрагивающие проблемы межэтнических и межрелигиозных отношений.

Особую озабоченность вызывает активизация усилий радикалов по привлечению к участию в несанкционированных акциях студентов высших и средних профессиональных учебных учреждений, а иногда и школьников.

Некоторые руководители образовательных учреждений допускают попустительство относительно студентов высших и средних профессиональных учреждений, что приводит к организации широкомасштабных вербовочных работ. Студентам предлагается денежное вознаграждение, а также послабление при сдаче экзаменов и зачётов. В

некоторых вузах созданы этнические землячества и ячейки радикальных организаций. Члены радикальных организаций зачастую придерживаются экстремистских взглядов и провоцируют межнациональные конфликты.

В целях дестабилизации обстановки отчётливо прослеживается тенденция использования различными деструктивными силами в массовых протестных акциях, в том числе на материальной основе, молодёжных право- и леворадикальных организаций, фанатов футбольных клубов, антиглобалистских организаций.

На сегодняшний день осуществляется переход экстремистских группировок к насильственным действиям, а сами они трансформируются в террористические группировки. Данная тенденция характерна и для других стран. Если ранее трансформация экстремистских организаций к насильственным действиям наблюдалась только в Северо-Кавказском федеральном округе, то в последнее время в совершении терактов изобличены экстремистские группировки Приволжского федерального округа и столичного региона Российской Федерации.

Серьёзный ущерб престижу государства наносится противозаконными действиями в отношении иностранных студентов на расовой, национальной и религиозной почве. Крайне негативный общественный резонанс был вызван убийствами иностранных студентов в Москве и Воронеже.

Рост проявлений экстремизма за последние несколько лет обусловлен не только разрастанием экстремистских идей в обществе. Увеличение числа выявленных преступлений экстремистской направленности связано

и с совершенствованием оперативно-розыскной деятельности, а также уголовно-процессуальной и судебной практики. Кроме того, дополнение нескольких статей Уголовного кодекса квалифицирующим признаком экстремистской деятельности также повлияло на рост регистрации данного вида преступности.

Национально-религиозная нетерпимость особенно проявляется в среде молодёжи, что является тревожным сигналом для общества переходного периода. Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует, что именно молодёжь наиболее восприимчива к идеологии радикализма и экстремизма.

Экстремистские организации в целях противодействия российским правоохранительным органам повышают уровень своей конспирации, материально-технического оснащения, физической подготовленности участников протестных акций, привлекая в свои ряды служивших в горячих точках, применяют новые формы протестных акций на основе «флешмоба».

Повышение эффективности противодействия экстремистским проявлениям возможно лишь в тесном взаимодействии органов МВД, ФСБ и войск Федеральной службы национальной гвардии в целях решения следующих задач:

- необходимо постоянно анализировать поступающую оперативную информацию для выявления незарегистрированных религиозных учреждений и их влияния в учебных заведениях, а при установлении противозаконной деятельности принимать меры по прекращению такой деятельности;

- в отношении национальных диаспор осуществлять профилактические меры, препятствующие их использованию в религиозных и национальных конфликтах;

- предупреждать конфликтные ситуации, вызванные различиями национальных культур;

- осуществлять проверки мигрантов, работающих на социально-значимых объектах, по специальным учётам в целях выявления лиц, находящихся в розыске или принимавших участие в незаконных вооружённых формированиях;

- проводить проверки типографий и издательств в целях предупреждения и пресечения их использования для изготовления экстремистских материалов;

- взаимодействовать с ректоратами, деканатами, учебными отделами и студенческими коллективами образовательных учреждений в целях предупреждения распространения экстремистских идей;

- выявлять, предупреждать и пресекать попытки вовлечения молодёжи в деятельность экстремистских организаций;

- обеспечить получение информации о лицах, обучавшихся в зарубежных исламских образовательных центрах радикальной направленности.

Необходим механизм противодействия экстремистским настроениям и вовлечению в сферу влияния экстремистских организаций новых членов, прежде всего студенческой молодёжи [3, с. 183].

В целях предупреждения преступности мигрантов необходимо выделить ряд направлений совершенствования деятельности правоохрани-

тельных и государственных органов в данной сфере:

- контролировать исполнение законов о труде в строительстве, торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве и других сферах использования труда мигрантов;

- обеспечивать рассмотрение жалоб граждан, связанных с незаконной торговлей мигрантами и их проживанием на рабочих объектах;

- оптимизировать обмен информацией правоохранительных органов с органами государственной власти;

- усилить надзор за исполнением трудового и миграционного законодательства;

- повысить взаимодействие правоохранительных органов и спецслужб в целях противодействия незаконной миграции [7, с. 290].

Для успешного реформирования российского общества одной из главных задач государства является создание институтов гражданского общества. Они обеспечивают взаимодействие национальных культур, сохранение ими исторических традиций совместного сосуществования народов.

В межэтническом обществе должно соблюдаться равенство всех наций и народностей, а в Конституции и законодательстве должны устанавливаться равные возможности для развития.

Для решения этой задачи необходимо на государственном уровне противодействовать опасным экстремистским тенденциям, осуществлять контроль за социальными процессами, соблюдать конституционные права граждан. В целях сохранения стабильности и гражданского мира общество должно заботиться о своём развитии и безопасности.

Для успешной борьбы с экстремизмом необходим комплекс мер, выработанный с учётом национальных особенностей страны, включая религиозные, культурологические и иные составляющие [1, с. 34].

Наличие экстремистских проявлений в современной жизни обуславливает дальнейшее совершенствование соответствующей правовой базы.

Защита личности, общества и государства от экстремизма должна осуществляться на концептуальной основе, с учётом его разновидностей и тенденций. Необходимы знания направлений, специфики экстремизма, форм его проявлений, влияния на общественное настроение, прогноз развития.

Эффективность социального противодействия и выбор мер борьбы с экстремизмом зависят от своевременного получения и анализа соответствующей информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокарев С.Н. Экстремизм в современной России: направления и формы противодействия: учеб. пособие. М., 2014. 234 с.
2. Единый отчёт о преступности по России за 2004–2017 гг. ГИАЦ МВД России // Криминальные реалии, реагирование на них и закон / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. 316 с.
3. Законность: состояние и тенденции в 2010–2014 гг. Деятельность прокуратуры по её обеспечению: научный доклад / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 247 с.

4. Капинус О.С. Противодействие преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 5. С. 68–73.
5. Козлов Б.А. Факторы, влияющие на распространение экстремистских настроений и преступлений экстремистской направленности в России. М., 2015. 235 с.
6. Конституция Российской Федерации. М.: Эксмо, 2018. 32 с.
7. Криминология. Особенная часть. Т. 2 / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. 460 с.
8. Указ Президента Российской Федерации от 23.03.1995 № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 23 марта.
9. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 дек.
10. Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 № 1336 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 6 сент.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2018. 256 с.

REFERENCES

1. Bokarev S.N. *Ekstremizm v sovremennoi Rossii: napravleniya i formy protivodeistviya* [Extremism in Modern Russia: Directions and Forms of Opposition]. Moscow, 2014, 234 p.,.
2. Dolgova A.I., ed. [A Single Report on Crime in Russia Over the Period of 2004-2017. The Main Information and Analytical Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. In: *Kriminal'nye realii, reagirovanie na nikh i zakon* [Criminal Realities, Response and Law]. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2018, 316 p.
3. Kapinus O.S., ed. [Legitimacy: the State and Trends in 2010–2014. The Activities of the Office to Ensure: A Research Report. Academy of Prosecutor]. Moscow, Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation Publ., 2015. 247 p.
4. Kapinus O.S. [Combating Migrants' Criminality in the Russian Federation]. In: *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation], 2014, no. 5, pp. 68–73.
5. Kozlov B.A. *Faktory, vliyayushchie na rasprostranenie ekstremistskikh nastroyenii i prestuplenii ekstremistskoi napravlenosti v Rossii* [Factors Affecting the Spread of Extremism and Extremist Crimes in Russia]. Moscow, 2015. 235 p.
6. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Eksmo Publ., 2018, 32 p.,.
7. Kapinus O.S. *Kriminologiya. Osobennaya chast'. T. 2* [Criminology. Special Part. Vol. 2]. Moscow, Yurait Publ., 2016, 460 p.
8. [On Measures to Ensure Coordinated Actions of State Authorities in the Fight Against Manifestations of Fascism and Other Forms of Political Extremism in the Russian Federation: the Decree of the President of the Russian Federation]. In: *Rossiiskaya gazeta*, no. 310, March 23, 1995.
9. [On the National Security Strategy of the Russian Federation: the Decree of the President of the Russian Federation]. In: *Rossiiskaya gazeta*, no. 683, December 31, 2015.
10. [On some Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: the Decree of the President of the Russian Federation]. In: *Rossiiskaya gazeta*, no. 1336, September 6, 2008.

11. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 256 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гринько Сергей Дмитриевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Московского государственного областного университета;
e-mail: grinko-skags@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey D. Grin'ko – PhD in Law, associate professor, associate professor at the Department of Criminal Procedure and Criminology, Moscow Region State University;
e-mail: grinko-skags@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гринько С.Д. Основные направления и меры противодействия экстремизму в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 153–160.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-153-160

FOR CITATION

Grinko S.D. The Main Directions and Measures of Counteraction to Extremism in Modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 153–160.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-153-160

УДК 343.232

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-161-172

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ТЕНДЕНЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Дубровина Е.С.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы модернизации уголовного законодательства России, возникающие в связи с политикой гуманизации. Автором анализируется активно проводимая государством уголовная политика, направленная на гуманизацию, и перспективы дальнейшего развития. На основании проведённого анализа можно сделать вывод, что законодатель вносит изменения в УК РФ, направленные на совершенствование законодательства в соответствии с возникающими потребностями развития общества. Однако в связи с современными темпами происходящих общественных процессов наблюдается недостаточность законодательного регулирования определённых вопросов. По итогам исследования определены основные проблемы, возникающие в процессе правоприменения законодательных новелл, а также существующие возможности их решения. Для достижения целей гуманизации уголовного права прежде всего требуется соблюдение равновесия гуманного подхода в отношении каждого человека без исключений. На современном этапе развития России существует острая потребность в создании условий для продуктивной реализации принципа гуманизма с целью влияния на возрастание эффективности внутренней политики государственной власти.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовное право РФ, гуманизация уголовного права, УК РФ, принцип гуманизма, Дорожная карта, декриминализация.

HUMANIZATION OF CRIMINAL LAW AS A TREND OF PUBLIC DEVELOPMENT

E. Dubrovina*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina st., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation*

Abstract. The article touches upon the problems of modernization of the criminal legislation of Russia arising in connection with the policy of humanization. The author analyzes the criminal policy actively pursued by the state, aimed at humanization and prospects for further development. On the basis of the analysis it can be concluded that the legislator makes changes to the Criminal Code aimed at improving the legislation in accordance with the emerging needs of the society. However, due to the current pace of social processes, there is a lack of legislative regulation of certain issues. The study identified the main problems arising in the process of law

enforcement of legislative novels, as well as the existing opportunities to solve them. In order to achieve the objectives of humanization of criminal law, first of all, it's necessary to maintain a balance of humane approach to each person without exception. In modern Russia there is an urgent need to create conditions for the productive implementation of the principle of humanism in order to influence the increase in the effectiveness of the internal policy.

Key words: criminal policy, criminal law of the Russian Federation, humanization of criminal law, Criminal Code of the Russian Federation, humanity principle, Roadmap, decriminalization.

Потребность в модернизации уголовного законодательства вызвана: во-первых, процессами мировой глобализации; во-вторых, быстрыми темпами научно-технического прогресса; в-третьих, необходимостью последовательного развития и реализации провозглашённых в УК РФ принципов. На фоне процесса глобализации происходит проникновение норм международного права в другие правовые семьи, в разные системы законодательства, в том числе в отраслевое законодательство с таким основным методом регулирования, как метод властных предписаний. Необходимость обеспечения охраны и защиты прав человека и гражданина способствовала распространению глобализационных процессов на уголовное право России. На сегодняшний день влияние международно-правовых норм на отечественное уголовное право заключается в определении основных направлений развития правовой политики.

Уголовно-правовая политика – элемент внутренней политики. Это главный компонент государственной политики противодействия преступности и направление деятельности публичной власти в сфере защиты наиболее значимых для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений от преступных посягательств. Уголовная политика представляет со-

бой государственную деятельность по управлению развитием криминальных процессов, которая направлена на регулирование и снижение показателей преступности. Ядром уголовной политики выступает уголовное право. На данном основании уголовное право объективно воспринимается как уголовная политика в узком смысле. Уголовно-правовая политика отражается в принципах определения круга преступных деяний, их законодательных признаков, формулировании идей и принципиальных положений, форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность в целях её снижения и сглаживания её отрицательного воздействия на социальные процессы [10, с. 9].

Права и свободы гражданина являются высшей ценностью в государстве. Принцип гуманизма как явление разноаспектное выступает в качестве принципа цивилизованных общественных отношений, устанавливающего выстраивание взаимоотношений между личностью, обществом и государством, отношение к окружающим и лично к себе на основании норм нравственности. Принцип гуманизма базируется на признании ценности человеческой личности как активного и благоразумного индивида, который имеет право на жизнь, свободу, всестороннее и гармоничное развитие и реализацию собственных способностей, а

также на соблюдении и претворении в жизнь этих прав. Содержание данного принципа можно рассматривать в философском, юридическом и историческом аспектах. Сущность представляют нравственные ценности, отражающие гуманность общественных взаимоотношений. В качестве нравственных ценностей понимаются отношения людей в обществе, их интеллектуальные и духовные стремления, соответствующие моральным требованиям людей и удовлетворяющие их духовные потребности. Общечеловеческие ценности, которые не зависят от тех или иных социальных, политических и национальных признаков. Гуманизация законодательства – прогрессивный и исторически predetermined процесс развития. При рассмотрении проблем гуманизации уголовного судопроизводства преимущественным направлением признаётся внедрение общечеловеческих ценностей и гарантий их реализации для учёта интересов человека, его прав и свобод, индивидуальных особенностей его личности в каждом судебном следствии и принимаемом решении [5, с. 43]. Действующее уголовное законодательство России включает в себя норму, закрепляющую принцип гуманизма, основной целью которого является обеспечение безопасности гражданина и недопущение унижения человеческого достоинства при назначении наказания. В настоящее время гуманизация выступает объективной потребностью развития российского общества и является основным направлением реформы уголовно-правовой системы. Гуманизация представляет собой продвижение и закрепление в сфере общественной

жизни идей, взглядов и убеждений, проникнутых гуманизмом. Соответственно, гуманизация уголовного законодательства – это процесс изменения уголовного закона и практики его применения, реализуемый для усиления степени криминальной защищённости человека и установления принципов равенства, справедливости, человечности. Говорить о гуманизации уголовного законодательства можно, если государство: отказывается от применения наказания в виде смертной казни; от телесных наказаний и каторжных работ; от общей конфискации имущества, которая предполагает изъятие всего имущества, полученного как в результате совершения преступления, так и законным путём; вводит санкции за совершение преступлений, которые соразмерны опасности совершенного деяния; устанавливает особенности уголовной ответственности по отношению к несовершеннолетним лицам; осуществляет декриминализацию некоторых преступных деяний, в которых основным объектом, охраняемым уголовным законом, не являются конституционные права граждан на жизнь, здоровье и личную свободу; расширяет основания для освобождения от уголовной ответственности, а также для включения и использования наказаний, альтернативных лишению свободы [2, с. 835].

В послании Федеральному Собранию в 2008 г. Президент РФ отметил важность гуманизации уголовного закона: «...нельзя забывать и о таком принципиальном вопросе, как гуманизация закона и порядка его применения» [11]. С тех пор каждое послание Президента затрагивает различные аспекты проводимой государством гуманизации.

Основными направлениями процесса гуманизации российского уголовного законодательства выступают:

- улучшение правового положения личности в рамках уголовного права;
- декриминализация отдельных видов преступлений;
- совершенствование и смягчение системы уголовных наказаний, модернизация уголовно-исполнительных норм [9, с. 72].

Уголовное законодательство должно быть гуманным и соответствовать реалиям XXI в., но при этом оно должно оставаться жёстким. Уголовный Кодекс РФ в ч. 2 ст. 43 закрепляет цели применения наказания, а именно: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение совершения новых преступлений. Достижение целей применения наказания опирается не на жёсткость и негуманность наказания, а на его неизбежность. Назначенное за определённое преступление наказание и его эффективность в равной мере должны обеспечивать восстановление справедливости и защиту прав потерпевших. Выбор несопоставимо сурового наказания для деяния наказания в пользу мягкости или, наоборот, чрезмерности, перевес в одну из этих сторон способен оказать влияние на жизнь общества в целом [4, с. 365]. Актуальность изучения проблем гуманизации уголовного права определяется сегодняшним представлением о значении принципа гуманизма для реализации обеспечения конституционных гарантий человека в уголовном законодательстве, поскольку их обеспечение не должно нарушать права и законные интересы как законопослуш-

ных граждан, так и лиц, совершивших преступления.

Гуманистические ценности охватывают все стороны современного уголовного права. Вместе с тем факт присутствия компонентов нравственных ценностей в правовых нормах не предполагает стопроцентной гарантии реализации основ гуманизма. Для эффективной реализации важно стремиться к разработке детального механизма, который способен обеспечить реальное функционирование гуманистических ценностей в целях соблюдения, защиты, уважения прав и законных интересов граждан и расширения правовых гарантий.

Первый аспект деятельности по реализации и совершенствованию процесса гуманизации уголовного законодательства в России касается назначения наказания. Закреплённая в УК РФ система наказаний предусматривает излишне обширный спектр ответственности за одно и то же деяние при отсутствии конкретных критериев оценки обстоятельств его совершения. По причине размытости границ усмотрения суда возникает проблема неупорядоченности в практике назначения уголовных наказаний. Гуманизация уголовного законодательства предполагает необходимость расширения практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы. Вместе с этим для решения данной проблемы важно совершенствовать механизм исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Прежде всего судам следует учиться рассматривать лишение свободы как вынужденную меру за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Наказание должно способствовать ис-

правлению лица, совершившего преступление, а это достижимо и без применения лишения свободы, которое в первую очередь демонстрирует силу и устрашение [6, с. 7]. Тем не менее до сих пор активнее всего судами применяется наказание в виде лишения свободы, несмотря на такие актуальные проблемные стороны назначения лишения свободы, как высокий уровень репрессивности уголовного закона и значительность суммы, в которую встаёт государству экономическое содержание уголовно-исполнительной системы. Законодатель принимает меры к исправлению сложившейся ситуации: так, с 2017 г. стал применяться такой вид наказания, как принудительные работы – ещё одна альтернатива лишению свободы, однако у судей назначение такого наказания пока что популярностью не пользуется. Кроме этого, требуется внесение изменений в законодательную регламентацию наказаний, не связанных с лишением свободы, а также лишения свободы [8, с. 138].

Следующая проблема состоит в стабильно редком использовании на практике судами возможности сменить категорию преступления на более мягкую, которая установлена в ч. 6 ст. 15 УК РФ. Данная норма раздвинула границы для индивидуализации наказания и была введена в 2011 г. Однако до сих пор суды используют её очень редко. За 2017 г. приговор смягчили 1851 человеку, что составляет 0,5% от всех осуждённых за преступления средней, тяжкой и особо тяжкой категорий. В мае 2018 г. Пленум ВС РФ принял постановление, нацеленное помочь судам гуманизировать и индивидуализировать наказание, исполь-

зуя действующий Уголовный Кодекс. Постановление разъясняет вопросы учёта смягчающих обстоятельств и прописывает алгоритм принятия такого решения. Верховный Суд рекомендует судьям проверять возможность применения смягчения приговора в каждом конкретном случае. Детальные разъяснения должны облегчить принятие решений о применении ч. 6 ст. 15 УК РФ, поспособствовать активному использованию данной нормы закона и появлению практики применения [12].

Ещё один аспект государственной деятельности, направленной на гуманизацию уголовного законодательства, – декриминализация ряда уголовных преступлений, выделение преступлений с административной преюдицией, смягчение наказаний за экономические преступления. К реализации вопросов правовой политики РФ по декриминализации общественных отношений следует подходить со всей ответственностью, имея глубокое понимание всего комплекса явлений, которые могут оказаться затронуты, и возможных последствий для общества и государства. С таким многосторонним подходом реально избежать появления спорных моментов и проблем, а также решить ряд важных задач, существующих на практике – разгрузить правоохранительные и судебные органы; изменить показатели структуры преступности; обеспечить реализацию принципа справедливости и соразмерности уголовного наказания совершённому преступлению.

В связи с этим в октябре 2017 г. Верховным Судом России был одобрен законопроект о введении в Уголовный Кодекс уголовного проступка. Речь

идёт о преступлениях небольшой тяжести, которые представляют собой минимальную общественную опасность, за которые не предусмотрено в УК РФ наказание в виде лишения свободы. Законопроект предполагает смягчение ответственности за уголовный проступок, сокращение сроков давности обвинительного судебного приговора и сроков давности привлечения к уголовной ответственности, уменьшение сроков отбытого наказания для возможности условно-досрочного освобождения, а также новое основание для освобождения от уголовной ответственности, которое заключается в совершении уголовного проступка доселе законопослушным лицом, впервые оступившимся, предполагающее замену на применение иных мер уголовно-правового характера. Вследствие этого можно сделать очевидный вывод о нацеленности законопроекта на гуманизацию уголовного законодательства, однако возникают опасения, что дифференциация уголовных проступков и составов правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, вызовет немало дискуссий и споров в правоприменительной практике. Поэтому законодателю необходимо уточнить конкретные критерии для разделения уголовных преступлений, уголовных проступков и административных правонарушений.

В проводимых изменениях российского законодательства выделяются тенденции снижения верхних пределов санкций по некоторым преступлениям, изменения нижних пределов санкций, а также при назначении наказания уделяется большое значение факту совершения впервые либо рецидиву преступлений. Законодате-

лем высказывается позиция, что за экономические преступления должно следовать экономическое наказание. Внесённые изменения в УК РФ коснулись освобождения от уголовного преследования лиц, в первый раз совершивших преступление в сфере экономической деятельности, при полном возмещении ущерба, причинённого преступными действиями, и выплате штрафа. Рекомендации для дальнейших изменений в урегулировании существующих проблем правоприменения в данной сфере заключаются в закреплении конкретных определений преступления в сфере экономической деятельности и преступления в сфере предпринимательской деятельности. Для устранения разногласий, возникающих на практике, требуется установление в Уголовном Кодексе критериев для их разделения, поскольку сейчас данные преступления регулируются гл. 22 УК РФ и признаются в целом преступлениями в сфере экономической деятельности. Вышеназванные изменения отечественного законодательства в сфере декриминализации обусловлены фактом излишней репрессивности в связи с имеющейся у лица судимостью. В том числе в отношении последствий за преступления небольшой тяжести. В связи с этим предупреждение совершения новых преступлений зависит от проводимой политики по изменению положения лиц, отбывших наказание и вернувшихся в общество. Осуществляя политику гуманизации уголовного законодательства, важно повлиять на изменение аспекта, который находит отражение в гуманном отношении общества и государства к бывшим осуждённым. Поскольку этот аспект,

с одной стороны, может подталкивать к совершению очередных преступлений в отсутствии необходимых условий для существования с судимостью, а с другой стороны, имеет большое значение для возможности начать новую нормальную жизнь, использовать шанс вернуться в социум в качестве исправившегося человека даже после того, как он остуился.

В рамках гуманизации уголовного законодательства важно обратить внимание на развитие института освобождения от уголовной ответственности. Касаемо этого момента, в 2016 г. законодателем была введена в УК РФ норма, регулирующая освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Результаты впечатляющие – по итогам первого полугодия 2017 г. по основаниям данной ст. 76.2 УК РФ было освобождено 7335 лиц, в том числе 239 несовершеннолетних. Важное место в деятельности по совершенствованию уголовно-правовой политики занимает продолжение осуществления разработки мер освобождения от наказания для лиц, не представляющих опасности для общества. Расширение практики применения института освобождения от наказания способно оказать влияние на снижение показателей совершения преступлений. Происходит это по той причине, что в данном институте находит яркое отражение проявление гуманности к осуждённому лицу и предоставление шанса на исправление. Законодателю необходимо расширять основания для условного, условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом. Для преступлений с имущественным ущербом и в

сфере экономики необходимо расширить применение освобождения от уголовной ответственности с выплатой компенсации государству и возмещением ущерба потерпевшему, а также разработать процессуальный механизм освобождения от наказания.

Говоря о политике гуманизации, важно упомянуть аспект назначения наказания в отношении несовершеннолетних. Стоит задача предотвратить дальнейшую преступную деятельность данными лицами, а не поспособствовать пополнению рядов преступников, поскольку они не всегда могут осознавать тяжесть совершённых преступлений. В связи с этим законодательством предусмотрены принудительные меры воспитательного воздействия, освобождение от наказания с помещением в специальные учебно-воспитательные учреждения, а также особая важность индивидуализации уголовной ответственности для несовершеннолетних. При назначении наказания учитываются влияние старших по возрасту лиц, условия жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности. Законопроектом об уголовных проступках также предполагается освобождение от ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия для впервые совершивших уголовный проступок несовершеннолетних лиц. Для дальнейшей модернизации уголовного законодательства России необходимо совершенствовать правовое регулирование и механизм осуществления освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания не только в виде лишения свободы, но и других видов наказания.

В рамках гуманизации для обеспечения принципа справедливости уголовного закона необходимо развивать институт суда присяжных. За годы осуществления присяжными уголовного судопроизводства определились проблемы правоприменительной практики, касающиеся процедуры формирования коллегии присяжных заседателей, исследования доказательств и обстоятельств дела, а также другие. Количество составов преступлений, которые рассматриваются судом с участием присяжных заседателей, за время действия нынешнего УК РФ значительно уменьшилось. В связи с данной ситуацией законодателем длительное время разрабатывались и были внесены изменения в УПК РФ, в полном объёме вступившие в силу в июне 2018 г. Модернизация направлена на расширение применения института суда присяжных и на восполнение недостатков в урегулировании для устранения некоторых проблемных моментов. Законодатель уделит внимание формированию коллегии присяжных заседателей и организационным аспектам деятельности суда. Внесённые изменения также расширили перечень составов преступлений, по которым рассмотрение дела может осуществляться судом с участием присяжных. Однако важно заметить, что больше половины добавленных составов не относятся к числу тех, которые часто встречаются в практике применения (например, ст. 277 УК РФ – посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, ст. 317 – посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, ст. 357 – геноцид). Таким образом, преследуемая нововведениями цель

расширения практики рассмотрения дел с участием присяжных заседателей расходится с реальной ситуацией, поскольку подавляющее большинство из числа обвиняемых не сможет оценить значение принятых изменений для законодательства. Одним из важных шагов по совершенствованию законодательства может стать передача суду присяжных возможности рассмотрения дел, связанных с экономическими преступлениями, мошенничеством, кражами, преступлениями в сфере предпринимательской деятельности либо коррупционной направленности. Речь идёт о наиболее распространённых преступлениях в современном обществе. Таким образом, в результате этих изменений основная часть обвиняемых получит возможность доступа к рассмотрению дела присяжными заседателями, соответственно будет достигнута цель расширения применения института суда присяжных с присущими для него гарантиями независимости и внесением житейской мудрости в правосудие. Осуществление изменений, связанных с данным предложением, нуждается в особом внимании со стороны законодателя, всестороннем обсуждении, тщательной разработке нововведений, а также изучении и использовании опыта зарубежных стран (например, в США суд присяжных рассматривает экономические споры). Следует расширять границы участия граждан в уголовном судопроизводстве для реализации права участвовать в отправлении правосудия, закреплённого ст. 32 Конституции РФ. Рекомендации по дальнейшим изменениям института суда присяжных заключаются в совершенствовании законодательного регули-

рования для устранения оставшихся на практике вопросов.

В статье рассматриваются самые основные проблемы, существующие на современном этапе совершенствования уголовного законодательства, с разрешением которых необходимо определиться в ближайшее время, а также перспективы и предложения по их разрешению. В уголовно-правовой политике активно предпринимаются меры для решения существующих вопросов. Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 гг. предполагает постепенное видоизменение уголовного права РФ, стратегия развития выделяет несколько этапов реализации на практике уголовно-правового совершенствования, среди которых названы гуманизация, систематизация и пересмотр наказуемости деяний [3, с. 55]. В последнее десятилетие уголовное законодательство Российской Федерации активно совершенствуется с учётом произошедших в стране социальных, политических и экономических преобразований, принимается множество законодательных актов. Современный кодекс базируется на огромном массиве уголовно-правовых, криминологических знаний и отечественном научно-исследовательском опыте, а также соответствует основным международным стандартам в области борьбы с преступностью. На сегодняшний день УК РФ совершенствуется в соответствии с потребностями современного общества, и в обозримом будущем планируется продолжать модернизацию. Для роста

перспектив положительных результатов уголовной политики важно не прекращать проведения реализации гуманизации уголовно-правовой системы [1, с. 10]. Нельзя не согласиться с особым значением исследуемого направления уголовной политики, поскольку оно иллюстрирует реальность задач современности. Наиболее логичным и фундаментальным представляется начинать решение проблем с устранения: существующих несоответствий в российском уголовном законодательстве и правоприменительной практике стандартам в области прав человека, которые установлены международно-правовыми нормами и Конституцией РФ; фрагментарности системы правовых последствий совершения преступлений, закреплённых в уголовном законе. Для того чтобы правовые новеллы отвечали основополагающим конституционным и уголовно-правовым принципам справедливости и равенства граждан перед законом [10, с. 7], внесение каждого изменения в уголовное законодательство необходимо проводить только после научно-практических дискуссий с ведущими экспертами и специалистами по уголовному праву, а также осуществлять криминологическую экспертную оценку вносимых преобразований [7]. Важно также осуществлять проверку вносимых изменений на соответствие сущности противодействия преступности и статистическим данным по правоприменению, полученным на основании объективной оценки реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Говорухин А.Е. Гуманизация уголовно-правовой политики // Юридический факт. 2016. № 5 (5). С. 7–11.

2. Екимов А.А. Гуманизация уголовного законодательства // Молодой учёный. 2015. № 9. С. 834–836.
3. Иванчин А.В. Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 годы: достоинства и недостатки // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 3 (41). С. 54–58.
4. Капинус О.С. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций. М.: Проспект, 2016. 488 с.
5. Кашепов В.П., Гравина А.А., Кошаева Т.О. Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / под общ. ред. В.П. Кашепова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М., 2015. 336 с.
6. Кудрявцев В.Н. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М.: Наука, 1987. 276 с.
7. Кузнецова И.А. Проявление принципа гуманизма в нормах уголовного права [Электронный ресурс] // Вопросы современной юриспруденции: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. URL: <https://sibac.info/conf/law/xviii/29821> (дата обращения: 30.11.2018).
8. Непомнящая Т.В. Гуманизация практики назначения уголовных наказаний: желаемое и действительное // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3 (52). С. 135–139.
9. Половинко Т.Ю., Подройкина И.А. Направления развития российского уголовного права с учётом влияния международного опыта // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2017. № 4 (29). С. 71–76.
10. Савенков А.Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики // Государство и право. 2018. № 3. С. 5–13.
11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 05.11.2008 // Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (дата обращения: 30.11.2018).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065 (дата обращения: 30.11.2018).

REFERENCES

1. Govorukhin A.E. [Humanization of Criminal Policy]. In: *Yuridicheskii fakt* [Legal Fact], 2016, no. 5 (5), pp. 7–11.
2. Ekimov A.A. [Humanization of Criminal Legislation]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2015, no. 9, pp. 834–836.
3. Ivanchin A.V. [The Roadmap of Criminal Policy of Russia in 2017–2025 years: Advantages and Disadvantages]. In: *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University. P.G. Demidov. Humanities Series], 2017, no. 3 (41), pp. 54–58.
4. Kapinus O.S. *Aktual'nye problemy ugovolnogo prava* [Current Problems of Criminal Law: A Course of Lectures]. Moscow, *Prospekt* Publ., 2016. 488 p.
5. Kashepov V.P., Gravina A.A., Koshaeva T.O. *Gumanizatsiya sovremennogo ugovolnogo zakonodatel'stva: monografiya* [Humanization of Modern Criminal Legislation: a

- Monograph]. Moscow Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, *INFRA-M* Publ., 2015. 336 p.
6. Kudryavtsev V.N. *Ugolovnyi zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal Law. Experience of Theoretical Modeling]. Moscow, *Nauka* Publ., 1987. 276 p.
 7. Kuznetsova I.A. [The Manifestation of the Principle of Humanity in Criminal Law]. In: *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii: sb. st. po mater. XVIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk, SibAKb 2012* [The Issues of Modern Jurisprudence: The Proceedings of the 18th International Theoretical and Practical Conference. Novosibirsk, the Siberian Branch of the Academy of Sciences 2012.]. Available at: <https://sibac.info/conf/law/xviii/29821> (accessed: 30.11.2018).
 8. Nepomnyashchaya T.V. [Humanization of the Practice of Imposition of Penalties: The Desired and Real]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2017, no. 3 (52), pp. 135–139.
 9. Polovinko T.Yu., Podroikina I.A. [The Trends in the Development of the Russian Criminal Law with Regard to the Influence of International Experience]. In: *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy], 2017, no. 4 (29), pp. 71–76.
 10. Savenkov A.N. [Issues of Improvement of Criminal Law and Penal Policy]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2018, no. 3, pp. 5–13.
 11. [The Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated November 5, 2008]. In: *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [The Official Website of the Russian President.]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (accessed: 30.11.2018).
 12. [The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 15, 2018 No. 10 Moscow “On the Practice of Court Application of the Provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation”]. In: *Konsul'tantPlyus: Spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065/ (accessed: 30.11.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубровина Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного областного университета;
e-mail: dubrovina.katerina@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Dubrovina –postgraduate student, Moscow Region State University;
e-mail: dubrovina.katerina@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дубровина Е.С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 161–172.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-161-172

FOR CITATION

Dubrovina E.S. Humanization of Criminal Law as a Trend of Public Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 161–172.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-161-172

УДК 343.57

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-173-182

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Зигмунт Ольга Александровна*Университет Фехта, Германия**Driverstraße 22, 49377 Vechta, Deutschland*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение проблемы преступности несовершеннолетних на примере современных России и Германии. Важными задачами исследования стали: изучение юридических проблем, связанных с развитием законодательства России и Германии, регулирующего преступность лиц, не достигших 18 лет, национальных особенностей преступности несовершеннолетних и факторов, влияющих на неё в международном сравнении. Автором использованы методы анализа, синтеза, юридической компаративистики, исторический и логический методы. Статья имеет научную новизну, в ней представлены результаты репрезентативного исследования латентной преступности несовершеннолетних в России, Восточной и Западной Германии. Автором сделаны выводы, что уровень родительского контроля выше в Германии, чем в России. Уровень социального контроля семьи у несовершеннолетних, не совершивших преступления (или совершивших одно или максимум два различных преступления за последние 12 месяцев), выше, чем у тех, которые совершили три различных преступления и больше. При этом верзатильные подростки во всех трёх странах не различаются в уровне родительского контроля. Российские подростки менее, чем немецкие, связаны эмоционально со своими родителями. При этом тот факт, что связь с родителями сильнее у неверзатильных подростков, относится в равной степени к несовершеннолетним во всех странах.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, социальный контроль, семейная социализация, Россия, Германия.

JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA AND GERMANY: THE ROLE OF THE FAMILY

O. Siegmunt*University of Vechta, Germany**Driverstraße 22, 49377 Vechta, Germany*

Abstract. The purpose of the article is to examine the problem of juvenile delinquency by taking as an example modern Russia and Germany. The research tasks are: to study legal problems related to the development of Russian and German legislations regulating criminality of the under-age, the national characteristics of juvenile delinquency and factors affecting it internationally. The author uses the methods of analysis, synthesis, legal comparative studies, historical and

logical methods. The article has a scientific novelty: it presents the results of a representative study of latent juvenile delinquency in Russia, East and West Germany. The author has concluded that parental control is higher in Germany than in Russia. The level of parental control of minors who have not committed crimes (or committed one or at most two different crimes in 12 months) is higher than those who have committed three and more different crimes. At the same time sassy teenagers in all three countries do not differ as far as parental control is concerned. However Russian teenagers are less emotionally attached to their parents than the Germans. The fact that communication with parents is stronger among non-sassy teenagers is just for all countries.

Key words: juvenile delinquency, social control, family socialisation, Russia, Germany.

Данные и метод

Данные для сравнительного анализа преступности несовершеннолетних, представляемого в данной статье, были получены в результате проведения репрезентативных опросов учеников 9-х классов в городах России и Германии. Данные этого исследования были собраны в конце 2017 – начале 2018 гг. в Красноярске ($n = 1\,547$), Санкт-Петербурге ($n = 1\,712$), Волгограде ($n = 1\,602$) и шести немецких городах: Гамбурге ($n = 1\,948$), Кёльне ($n = 746$), Мёнхенгладбахе ($n = 605$), Лейпциге ($n = 719$), Магдебурге ($n = 390$) и Ростокe ($n = 392$) [9; 15]¹.

Выборки всех городов были стратифицированы по типу школы (первая группа: гимназии и лицеи в России и гимназии в Германии; вторая группа: среднеобразовательные школы в России и остальные типы школ, кроме гимназий, в Германии). Дополнительно выборки определялись репрезента-

тивно для отдельных районов городов. Возраст опрашиваемых варьировался от 14 до 18 лет.

Несовершеннолетним задавались вопросы об их преступном поведении [1–17]². Из тринадцати опрашиваемых видов преступлений было сначала сформировано пять групп³: (1) повреждение имущества (повреждение чужого имущества⁴, рисование граффити⁵), (2) кражи (кража из магазина⁶, кража (у лица)⁷, квартирная кража со

² Некоторые результаты и концепции исследования преступности несовершеннолетних в России и Германии уже описывались.

³ Формулировки видов преступлений, используемые в анкетах, не соответствуют в обязательном порядке составам соответствующих преступлений, зафиксированным в Уголовных кодексах. В международных проектах абсолютная идентичность анкетных формулировок с уголовным законодательством не возможна уже по той причине, что в разных странах составы сравниваемых преступлений не всегда одинаковы.

⁴ Ты уже хотя бы раз повредил(а) намеренно окна, телефонные будки, уличные фонари или подобные вещи?

⁵ Ты уже хотя бы раз в запрещённом месте разрисовал(а) стены дома, заборы (рисовал(а) граффити)?

⁶ Ты уже хотя бы раз украл(а) что-нибудь из магазина?

⁷ Ты уже хотя бы раз тайно украл(а) у кого-нибудь деньги, сумку или что-то другое?

¹ Опросы были организованы Институтом уголовно-правовых наук университета г. Гамбурга при финансовой поддержке Немецкого Исследовательского Общества (DFG, номер проекта: #WE 3833/1-1). В реализации проекта была оказана поддержка партнёрами на местах: Юридическим институтом Сибирского федерального университета в Красноярске, Социологическим институтом РАН в Санкт-Петербурге и Государственным педагогическим университетом в Волгограде.

взломом¹, кража из автомобиля², кража автомобиля³), (3) не экономически мотивированные насильственные преступления (нанесение телесных повреждений с применением оружия⁴, нанесение телесных повреждений без применения оружия⁵, угроза применения оружия⁶), (4) экономически мотивированные насильственные преступления (разбой⁷, вымогательство⁸) и (5) насильственные преступления по дискриминирующим мотивам⁹.

По каждому вопросу предлагалось два вида формулировок: первая «Ты уже хотя бы раз...» и вторая «Если да, то как часто за последние 12 месяцев». При помощи первой формулировки опрашивалась преступность в течение жизни, при помощи второй, соответственно, за последние 12 месяцев. В данной статье использовались только данные о криминальной активности

подростков за последние 12 месяцев. Для этого была сформирована переменная «распространённость преступности» (prevalence) с двумя значениями: 0 – лицо не совершило за последние 12 месяцев ни одного преступления; 1 – лицо совершило за последние 12 месяцев хотя-бы одно преступление.

Кроме этого, для дальнейшего анализа данных была сформирована переменная «верзатильность» (versatility) – (преступное) разнообразие. Несовершеннолетние, не совершившие за последние 12 месяцев ни одного из описанных выше преступлений либо совершившие 1 или 2 преступления из этого перечня, признавались неверзатильными, а несовершеннолетние, совершившие 3 различных преступления и больше – верзатильными.

В качестве факторов, влияющих на преступность несовершеннолетних, исследовались социальный контроль со стороны родителей и эмоциональная связь детей и родителей. Родительский социальный контроль измерялся при помощи вопроса «Насколько хорошо твои родители знают, чем ты занимаешься в свободное время и твоих друзей?». Родительский контроль состоял из двух факторов: интереса и конкретных знаний о том, чем занимается ребёнок. Фактор «интерес» исследовался при помощи следующих трёх высказываний: (1) Мои родители очень интересуются тем, что я делаю в свободное время; (2) Я думаю, что моим родителям полностью безразлично, что я делаю в свободное время; (3) Мои родители часто спрашивают о том, с какими друзьями и знакомыми я встречаюсь. Фактор «конкретные знания» исследовался при помощи вопросов: (1) Мои родители знают всех моих

¹ Ты уже хотя бы раз проникал(а) со взломом в помещение (н-р, строительный вагончик, дачу, подвал и др.) для того, чтобы что-то украсть?

² Ты уже хотя бы раз проникал(а) со взломом в автомобиль, чтобы что-то из него украсть (или участвовал(а) в этом)?

³ Ты уже хотя бы раз украл(а) велосипед, мопед или иное движущее средство?

⁴ Ты уже хотя бы раз при помощи оружия (нож, кастет и т. д.) нанес(ла) кому-нибудь травмы?

⁵ Ты уже хотя бы раз избил(а) и при этом травмировал(а) другого человека?

⁶ Ты уже хотя бы раз угрожал(а) другому человеку оружием?

⁷ Ты уже хотя бы раз один (одна) или вместе с другими отобрал(а) какую-либо вещь у кого-нибудь при помощи насилия?

⁸ Ты уже хотя бы раз один (одна) или вместе с другими вынудил(а) кого-то «платить» за то, что он (она) не будет избит(а)?

⁹ Ты уже хотя бы раз кого-то избил(а) или нанесл(а) травмы из-за его (её) религиозных убеждений, языка, происхождения или внешнего вида?

друзей; (2) Мои родители знают родителей моих друзей; (3) Мои родители знают почти всегда, где я провожу своё свободное время. Для выбора ответа по каждому из высказываний использовалась четырёхзначная шкала со значениями: «совсем неверно», «скорее неверно», «скорее верно» и «совершенно верно». Для отдельных ответов по каждому фактору в отдельности и по обоим факторам родительского контроля вместе высчитывалось среднее значение для каждого опрошенного. В анализе данных использовались средние значения по странам, которые опубликованы в исследованиях российских учёных, в том числе Е.А. Певцовой, Н.Я. Соколова, В.И. Чупрова и др. [8; 9].

Наряду с родительским контролем важным фактором в объяснении преступности несовершеннолетних является эмоциональная связь детей и родителей [2; 4; 6; 7; 8]. В данном исследовании школьникам задавались по два вопроса в отношении матери¹ и отца². В отношении обоих родителей вместе и в отдельности высчитывались средние значения.

¹ (1) Насколько хорошо ты обычно ладишь с твоей матерью (или мачехой)? (Варианты ответов: «очень хорошо», «достаточно хорошо», «не очень хорошо», «совсем плохо»); (2) Насколько тебе важно, что думают о тебе твои **родители?** (мать) (Варианты ответов: «совсем неважно», «неважно», «скорее неважно», «скорее важно», «важно», «очень важно»).

² (1) Насколько хорошо ты обычно ладишь с твоим отцом (или отчимом)? (Варианты ответов: «очень хорошо», «достаточно хорошо», «не очень хорошо», «совсем плохо»); (2) Насколько тебе важно, что думают о тебе твои **родители?** (отец) (Варианты ответов: «совсем неважно», «неважно», «скорее неважно», «скорее важно», «важно», «очень важно»).

Результаты: преступность несовершеннолетних

Как и в предыдущих исследованиях [например, 1–6; 10; 14], здесь у российских и немецких подростков преобладают преступления небольшой тяжести. Наиболее часто встречаются: повреждение чужого имущества, кража из магазина и нанесение телесных повреждений без оружия. Наименее распространены среди несовершеннолетних кражи из автомобиля, нанесение телесных повреждений с применением оружия, разбойные нападения, вымогательства и насильственные преступления по дискриминирующим мотивам.

Тем не менее имеются статистически значимые различия в структуре преступности несовершеннолетних в разных странах (рис. 1). Распространённость преступности в целом (с учётом всех 13 видов преступлений) находилась в России на уровне 30,1%, что значимо ниже, чем в Западной и Восточной Германии (соответственно 37,2 % и 36,2 %) ³. При этом больше несовершеннолетних в России, чем в Германии, разрисовывают стены ⁴ и повреждают общественную собственность ⁵. По всем остальным видам преступлений российские несовершеннолетние не отличаются от своих соотечественников в Германии, либо их криминальная активность ниже.

Исследуемые страны различаются в преступном разнообразии подростков (рис. 2). Верзательность несовершеннолетних в России ниже всего и составляет 5,0%, в Восточной Германии значимо выше (8,1%), а в Западной Германии самая высокая

³ $\chi^2 I = 48.62, df = 2, p < .001$

⁴ $\chi^2 I = 152.14, df = 2, p < .001$

⁵ $\chi^2 I = 132.42, df = 2, p < .001$

(10,2%)¹. Девочки во всех трёх странах менее верзательны, чем мальчики. Между собой верзательность девочек различается лишь на низком статистическом уровне². Уровень верзательности девочек: в России 3,5%, в Восточной Германии 4,1%, в

¹ $\chi^2 I = 78.18, df = 2, p < .001$

² $\chi^2 I = 5.45, df = 2, p = .066$

Западной Германии 5,0%. Мальчики же в разных странах различаются значительно в их верзательности³. Наиболее верзательны мальчики в Западной Германии (15,5%), за ними следуют мальчики в Восточной Германии (12,0%) и России (6,7%).

³ $\chi^2 I = 75.45, df = 2, p < .001$

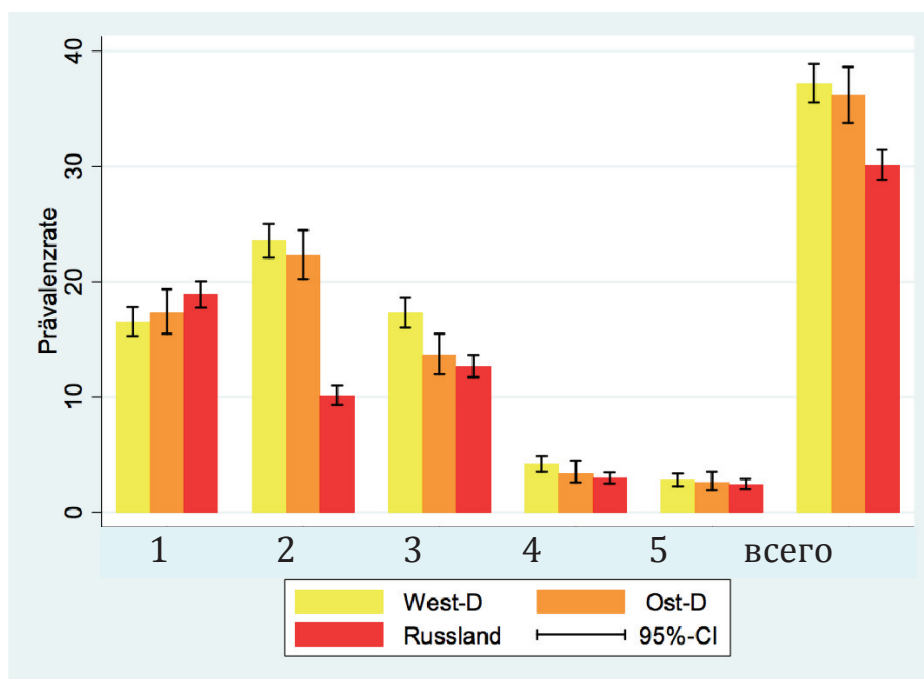

Рис. 1. Преступность за последние 12 месяцев (в %) для пяти групп и всех преступлений вместе в Западной Германии (West-D), Восточной Германии (Ost-D) и России (Russland)

Различия в верзательности по типу школы присутствуют лишь Западной⁴ и Восточной⁵ Германии. Немецкие гимназисты (ЗГ: 7,9%; ВГ: 5,2%) менее верзательны, чем школьники всех других видов школ (ЗГ: 12,2%; ВГ: 11,2%). В России уровень верзательности школьников в гимназиях и лицеях на-

ходится на уровне 4,2%, в среднеобразовательных школах – 5,3%.

⁴ $\chi^2 I = 16.52, df = 1, p < .001$

⁵ $\chi^2 I = 17.94, df = 1, p < .001$

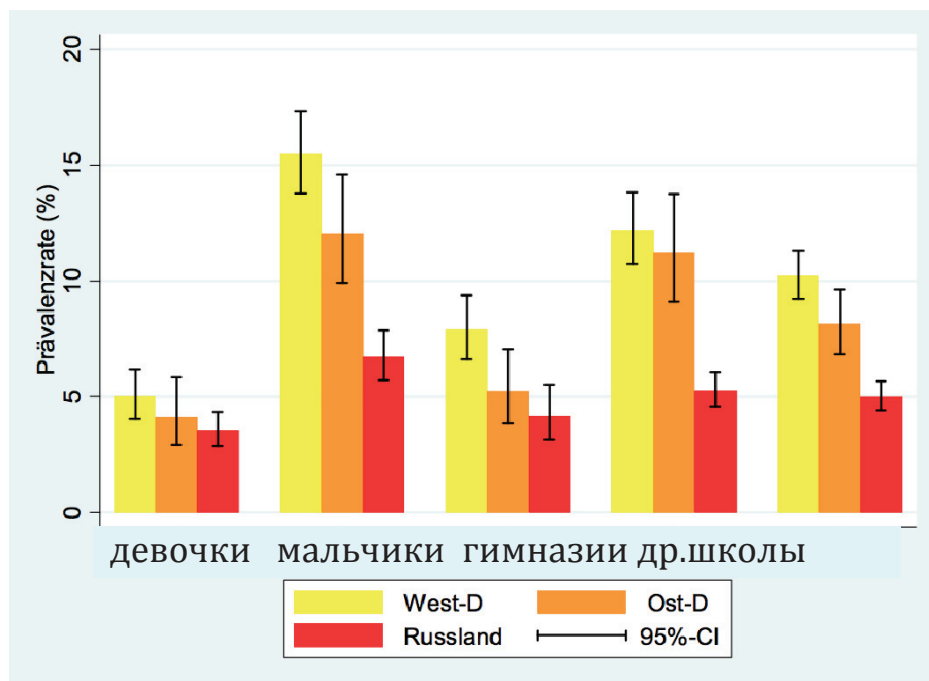

Рис. 2. Преступность за последние 12 месяцев (в %) для верзатильности по странам, полу и типу школы

Результаты: преступность несовершеннолетних и родительский контроль

Независимо от страны, по мнению подростков, их родители более интенсивно интересуются, чем их дети занимаются в свободное время, чем фактически знают об этом. Оба фактора родительского контроля выше в Западной Германии и не различаются между собой в Восточной Германии и России. Так, интерес у родителей в Западной Германии имеет среднее арифметическое значение 76,39 (по шкале от 0 до 100), в Восточной Германии – 72,75, а в России – 72,57. Уровень конкретных знаний о проведении свободного времени своих детей имеет в Западной Германии среднее арифме-

тическое значение 57,29, в Восточной Германии – 52,32 и в России – 52,81.

Исследования показали наличие взаимосвязи между родительским контролем и преступностью несовершеннолетних во всех трёх странах: родительский контроль выше в группе неверзатильных подростков и ниже в группе верзатильных, совершивших за последние 12 месяцев три и более различных преступления.

Поскольку родительский контроль в целом выше в Западной Германии, это отражается очевидно прежде всего на поведении неверзатильных подростков. Так, уровень родительского контроля неверзатильных несовершеннолетних в Западной Германии имеет среднее арифметическое значение 68,26 (по шкале от 0 до 100), в Восточной Германии этот уровень зна-

чимо ниже – 63,36, а в России – 63,45. Родительский контроль в группе верзатильных подростков на различается по странам и находится в Западной Германии на уровне 55,89, в Восточной Германии – 53,62, а в России – 52,77.

Результаты: преступность несовершеннолетних и эмоциональная связь с родителями

Во всех исследуемых странах эмоциональная связь подростков с матерью выше, чем с отцом. В Западной Германии связь с отцом имеет среднее арифметическое значение 77,98 (по шкале от 0 до 100), с матерью – 83,77; в Восточной Германии соответственно 74,28 и 83,48, а в России 72,07 и 81,48.

Наблюдается взаимосвязь эмоциональной связи с родителями и преступного поведения во всех трёх странах. Так, эмоциональная связь с родителями выше у несовершеннолетних из группы неверзатильных и ниже у верзатильных подростков, совершивших три и более различных преступлений за последние 12 месяцев.

Уровень эмоциональной связи верзатильных подростков с обоими родителями в Западной и Восточной Германии одинаков и составляет в среднем соответственно 73,50 (по шкале от 0 до 100) и 73,60; в России значимо ниже – 66,64. Неверзатильные несовершеннолетние во всех трёх странах различаются значимо в их эмоциональной связи с обоими родителями, которая находится в Западной Германии на уровне 81,59, в Восточной Германии – 79,07 и в России – 77,07.

Основные выводы

Преступность несовершеннолетних в России в целом ниже, чем в Германии. Анализ преступной активности несовершеннолетних по отдельным её видам за последние 12 месяцев на момент проведения исследования показал, что российские несовершеннолетние совершают больше повреждений чужого имущества в виде разрисовывания стен и заборов и поломки предметов общественного пользования, как, например, окон, телефонных будок или уличных фонарей. По всем остальным видам преступлений российские подростки либо не отличаются от своих немецких сверстников, либо менее криминально активны. Данное исследование показало так же, что и уровень верзатильности российских подростков ниже, чем в Германии. Верзатильность является индикатором преступного разнообразия и показывает готовность подростков совершать различные виды преступлений. Очевидно, что российские несовершеннолетние более немецких сверстников специализируются на определённых преступлениях.

В целом уровень родительского контроля выше в Германии, чем в России. Уровень социального контроля семьи у несовершеннолетних, не совершивших преступления (или совершивших одно или максимум два различных преступления за последние 12 месяцев), выше, чем у тех, которые совершили три различных преступления и больше. При этом верзатильные подростки во всех трёх странах не различаются в уровне родительского контроля. Российские подростки менее, чем немецкие, связаны эмоционально

со своими родителями. При этом тот факт, что связь с родителями сильнее у неперзатильных подростков, относится в равной степени к несовершеннолетним во всех странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зигмунт О.А. Возможности международного сравнения уголовной статистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 116–123.
2. Зигмунт О.А. Изучить и понять: О преступности несовершеннолетних в России и Германии [Электронный ресурс] // Новая университетская жизнь. [2010]. URL: http://gazeta.sfu-kras.ru/files/gazeta/U_Life064%282%29.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
3. Зигмунт О.А. Преступники и потерпевшие от насильственных преступлений: исследование насильственной преступности несовершеннолетних // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 106–116.
4. Зигмунт О.А. Миграция, интеграция и преступность: мировой исследовательский опыт // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 133–137.
5. Зигмунт О.А., Ветцелс П. Институциональная теория аномии – эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2015. № 4 (42). С. 78–87.
6. Зигмунт О.А., Энциманн Д. Различия и особенности преступности несовершеннолетних в России и Германии: их значимость для теории аномии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 1. С. 97–109.
7. Кириченко В. Опрос по гамбургскому счёту: интервью с криминологом Ольгой Зигмунт [Электронный ресурс] // Новая университетская жизнь. [2009]. URL: http://gazeta.sfu-kras.ru/files/gazeta/U_Life043%282%29.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
8. Певцова Е.А. Воздействие современной социальной среды на правовое сознание школьной молодежи (теоретико-правовые аспекты) // Государство и право. 2006. № 12. С. 109–115.
9. Певцова Е.А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики. М.: Международный юридический институт, 2013. 296 с.
10. Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O., Wetzels P. Was scheren mich die anderen? Marktmoral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2016.
11. Siegmunt O. Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2012.
12. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2013. No. 96 (6). P. 461–476.
13. Siegmunt O. Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013.
14. Siegmunt O. Eine Gleichung mit mehreren Unbekannten oder was erklärt die Landesunterschiede in der Jugendgewalt? Eine Analyse mit deutschen und russischen Daten // Neue Kriminalpolitik. 2016. No. 28 (4). P. 408–425.
15. Siegmunt O. Neighborhood Disorganization and Social Control: Case Studies from Three Russian Cities.: Springer, 2016.
16. Siegmunt O., Wetzels P., Enzmann D. Familie, Nachbarschaften, Selbstkontrolle und Jugenddelinquenz in Russland. Ergebnisse der Schülerbefragungen in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes “Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze“. Hamburg: Universität Hamburg, 2010.

17. Siegmunt O., Wetzels P., Enzmann D. Methodische Vorgehensweise, das Erhebungsinstrument und die Durchführung der Schülerbefragung 2008–2009 in drei russischen Städten. Bericht über die Feldphase in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes “Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze“. Hamburg: Universität Hamburg.

REFERENCES

1. Siegmunt O.A. [The possibilities of international comparison of crime statistics]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2014, no. 1 (27), pp. 116–123.
2. Siegmunt O.A. [To learn and understand About juvenile delinquency in Russia and Germany]. In: *Novaya universitetskaya zhizn'* [New University Life], 2010, 18 Feb. Available at: http://gazeta.sfu-kras.ru/files/gazeta/U_Life064%282%29.pdf (accessed: 21.02.2013).
3. Siegmunt O.A. [Criminals and victims of violent crimes: a study of violent juvenile crime]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2013, no. 1 (23), pp. 106–116.
4. Siegmunt O.A. [Migration, integration and crime: world research experience]. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1 (45), pp. 133–137.
5. Siegmunt O.A., Vetsels P. [Institutional anomie theory – empirical test]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 4 (42), pp. 78–87.
6. Siegmunt O.A., Enzmann D. [Differences and peculiarities of juvenile delinquency in Russia and Germany: their significance for the theory of anomie]. In: *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2006, no. 1, pp. 97–109.
7. Kirichenko V. [A survey of Shakespeare: an interview with criminologist Olga Zygmunt]. In: *Novaya universitetskaya zhizn'* [New University Life], 2009, 12 Febr. Available at: http://gazeta.sfu-kras.ru/files/gazeta/U_Life043%282%29.pdf (accessed: 21.02.2013).
8. Pevtsova E.A. [The impact of contemporary social environment on the legal consciousness of young people in school (theoretical-legal aspects)]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2006, no. 12, pp. 109–115.
9. Pevtsova E.A. *Pravovoe vospitanie: voprosy teorii i praktiki* [Legal Education: Theory and Practice]. Moscow, International Law Institute Publ., 2013. 296 p.
10. Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O., Wetzels P. Was scheren mich die anderen? Markt-moral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2016.
11. Siegmunt O. Selbstkontrolle: Einflüsse von Familie, Schule und Nachbarschaften. Eine kontrolltheoretische Studie in drei russischen Großstädten. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2012.
12. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland. In: *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. 2013, no. 96 (6), pp. 461–476.
13. Siegmunt O. Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2013.
14. Siegmunt O. Eine Gleichung mit mehreren Unbekannten oder was erklärt die Landesunterschiede in der Jugendgewalt? Eine Analyse mit deutschen und russischen Daten. In: *Neue Kriminalpolitik*, 2016, no. 28 (4), pp. 408–425.

15. Siegmunt O. Neighborhood Disorganization and Social Control: Case Studies from Three Russian Cities. Springer Briefs in Criminology: Springer, 2016.
16. Siegmunt O., Wetzels P. und Enzmann D. Familie, Nachbarschaften, Selbstkontrolle und Jugenddelinquenz in Russland. Ergebnisse der Schülerbefragungen in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes "Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze". Hamburg: Universität Hamburg, 2010.
17. Siegmunt O., Wetzels P. und Enzmann D. Methodische Vorgehensweise, das Erhebungsinstrument und die Durchführung der Schülerbefragung 2008–2009 in drei russischen Städten. Bericht über die Feldphase in Krasnojarsk, St. Petersburg und Wolgograd im Rahmen des DFG-Projektes "Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Kulturvergleichende Dunkelfeldstudie zur Prüfung anomie- und kontrolltheoretischer Ansätze". Hamburg: Universität Hamburg.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зигмунт Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент факультета образовательных и общественных наук Университета Фехта, Германия; e-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Siegmunt – PhD in Law, associate professor, associate professor at the Department of Educational and Social Sciences, University of Vechta, Germany; e-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зигмунт О. А. Преступность несовершеннолетних в России и Германии: роль современной семьи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 173–182.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-173-182

FOR CITATION

Siegmunt O. Juvenile Delinquency In Russia And Germany: The Role Of The Family In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 173–182.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-173-182

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2018. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор Д.В. Дмитриев
Переводчик Е.А. Кытманова
Корректор И.К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 11,25, усл. п.л. 10,75.

Подписано в печать: 29.12.2018 г. Дата выхода в свет: 14.01.2019 г. Заказ № 2018/12-09.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А